

Аристотель и античные идеалы образования

Томас Дэвидсон

Aristotle and Ancient Educational Ideals

Thomas Davidson

The Project Gutenberg eBook of Aristotle and Ancient Educational Ideals.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь.

Название: Аристотель и античные идеалы образования

Автор: Томас Дэвидсон

Дата выхода: 21 августа 2012 [eBook #40552]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Марго фон Ромберг, Джонатаном Ингрэмом и Командой онлайн-распределенной корректуры на сайте <http://www.pgdp.net>. (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных Интернет-архивом/Американскими библиотеками).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK ARISTOTLE AND ANCIENT EDUCATIONAL IDEALS ***

The Great Educators

Под редакцией НИКОЛАЯ МУРРЕЯ БУТЛЕРА

АРИСТОТЕЛЬ И АНТИЧНЫЕ ИДЕАЛЫ ОБРАЗОВАНИЯ

BY THOMAS DAVIDSON

НЬЮ-ЙОРК

CHARLES SCRIBNER'S SONS

1892

COPYRIGHT, 1892, BY

CHARLES SCRIBNER'S SONS.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Взявшись за рассмотрение Аристотеля как выразителя античных педагогических идей, я мог бы, имея перед собой *"Государственную педагогику" Аристотеля* Каппа, облегчить себе задачу. Я мог бы просто представить в упорядоченном виде и с небольшими комментариями то, что можно найти по теме образования в его различных работах - "Политике", "Этике", "Риторике", "Поэтике" и т. д. Однако у меня было две причины не принимать этот курс: (1) эта работа была проделана лучше, чем я мог бы, в упомянутом трактате, и (2) простое изложение того, что Аристотель говорит о воспитании, вряд ли показало бы его отношение к античной педагогике в целом. Поэтому я счел за лучшее, кратко проследив всю историю греческой педагогики до Аристотеля и после Аристотеля, показать прошлое, которое обусловило его теории, и будущее, которое было обусловлено ими. Только так, как мне казалось, можно увидеть его учение в правильном свете. И я обнаружил, что этот метод имеет множество преимуществ, из которых я могу упомянуть одно. Он позволил мне показать тесную связь, существовавшую во все времена между греческим образованием и греческой социальной и политической жизнью, и представить одно как отражение другого. И это немаловажное преимущество, поскольку именно в связи со всей жизнью греческое образование представляет для нас главный интерес. Мы никогда не сможем вернуться к чисто политическому образованию греков; они сами должны были отказаться от него, и с тех пор,

Безграничная надежда пронеслась по земле -

но в наши дни, когда государство и институт, воплощающий эту надежду, борются за право воспитывать, не может не помочь нам в разрешении их соответствующих претензий проследить процесс, в результате которого они вообще пришли к определенным претензиям, и понять, что они означают. Этот процесс, метод, которому я следовал, позволил мне, я надеюсь, в какой-то степени внести ясность. Это, во всяком случае, было одной из моих главных целей.

Рассматривая детали греческой образовательной практики, я руководствовался желанием представить только или в основном те, которые способствуют созданию полной картины. По этой причине я опустил все упоминания о подготовке к Олимпийским и другим играм, поскольку это (как мне кажется) не является существенной частью системы.

Мне было бы легко придать своей книге ученый вид, украсив ее страницы ссылками на древних авторов или цитатами из них в оригинале; но это показалось мне и ненужным, и невыгодным в работе, предназначенной для широкой публики. Поэтому я предпочел поместить на сайте в заголовках различных глав, в основном на английском языке, такие цитаты, которые, как мне кажется, наиболее ярко выражают дух различных периодов и теорий греческого образования. Взятые вместе, эти цитаты, как мне кажется, будут представлять собой достаточно определенный контур всего предмета.

В заключение хочу сказать, что, хотя я и использовал несколько современных работ, таких как работы Каппа и Грасбергера, я делал это почти исключительно ради поиска ссылок. По каждому вопросу, как мне кажется, я обращался к первоисточникам. Если, таким образом, мои выводы по некоторым пунктам отличаются от выводов известных писателей, которые были до меня, я могу только сказать, что я старался сделать все возможное, имея в своем распоряжении оригинальные материалы. Я далек от того, чтобы льстить себе, что достиг истины в каждом случае, и буду очень благодарен за исправления, в каком бы духе они ни

были предложены; но я верю, что мне удалось представить "древние идеалы образования" в их существенных чертах.

ТОМАС ДЭВИДСОН.

"Гленмор".
Кин, Эссекс, штат Нью-Йорк.
Октябрь, 1891.

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА I

ВВЕДЕНИЕ.

	СТРАНИЦА
ГЛАВА I. Характер и идеал греческого образования	3
ГЛАВА II. Отрасли греческого образования	6
ГЛАВА III. Условия образования	9
ГЛАВА IV. Предметы воспитания	12
ГЛАВА V. Образование под влиянием времени, места и обстоятельств	15
ГЛАВА VI. Эпохи в греческом образовании	26

КНИГА II.

ЭЛЛИНСКИЙ ПЕРИОД (776-338 гг. до н.э.).

Часть I.
"Старое образование" (776-480 гг. до н.э.).

ГЛАВА I. Воспитание для работы и отдыха	33
ГЛАВА II. Эолийское или фиванское образование	38
ГЛАВА III. Дорийское или спартанское воспитание	41
ГЛАВА IV.	52

Пифагор	
ГЛАВА V.	60
Ионийское или афинское образование	
(1) Семейное воспитание	64
(2) Школьное воспитание	67
(α) Музыкальное (и литературное) образование	72
(β) Гимнастика, или телесное воспитание	77
(γ) Танцы	82
(3) Обучение в колледже	85
(4) Университетское образование	90
Часть II.	
<i>НОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ (480-338 гг. до н.э.).</i>	
ГЛАВА I.	93
Индивидуализм и философия	
ГЛАВА II.	114
Ксенофонт	
ГЛАВА III.	133
Платон	
КНИГА III.	
<i>АРИСТОТЕЛЬ (384-322 гг. до н.э.).</i>	
ГЛАВА I.	153
Его жизнь и труды	
ГЛАВА II.	161
Его философия	
ГЛАВА III.	166
Его теория государства	
ГЛАВА IV.	172
Его педагогическое государство	
ГЛАВА V.	184
Образование в течение первых семи лет	
ГЛАВА VI.	188
Образование с семи до двадцати одного года	
ГЛАВА VII.	200
Образование после двадцати одного года	
КНИГА IV.	
<i>ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД (338 г. до н. э. - 313 г. н. э.).</i>	
ГЛАВА I.	205
От этнической к космополитической жизни	

ГЛАВА II.	214
Квинтилиан и риторическое образование	
ГЛАВА III.	225
Плотин и философское образование	
ГЛАВА IV.	231
Заключение	
ПРИЛОЖЕНИЕ.	239
Семь свободных искусств	
БИБЛИОГРАФИЯ	249
ИНДЕКС	253

Книга I

ВВЕДЕНИЕ

ОШИБКА.

Страница 19, строка 5 снизу, вставить 102.

53, " 6"" 133.

181, " 14"" вместо "и" читать "или".

250, " 11"" "Вацно" читайте "Ватсон".

АРИСТОТЕЛЬ

ГЛАВА I

ХАРАКТЕР И ИДЕАЛ ГРЕЧЕСКОЙ ОБРАЗОВАННОСТИ

Ничего лишнего! Солон.

Ни один гражданин не имеет права считать себя принадлежащим самому себе; но все должны считать себя принадлежащими государству, поскольку каждый из них является его частью; а забота о части естественным образом влечет за собой заботу о целом.

В греческой жизни, во всех ее проявлениях, доминировала одна идея, причем эстетская. Этой идеей, которая работала иногда сознательно, иногда бессознательно, была Пропорция. Греческий термин, обозначающий ее (*Логос*), не только стал обозначать воплощенное Слово религии, но и во многих современных языках дал название науке о проявленном разуме - логике. Для грека Разум всегда означал соотношение, пропорцию; а

рациональная жизнь означала для него жизнь, в которой все части, внутренние и внешние, находились в справедливой пропорции друг к другу. Такая пропорция была тройной: *во-первых*, между различными частями отдельного человека; *во-вторых*, между человеком и его собратьями в социальном целом; *в-третьих*, между человеком как таковым и господствующим божеством. Реализацию этой тройной гармонии в человеке греки называли достоинством (*Ἀρετή*, обычно, но неверно, переводится как добродетель). Из-под пера Аристотеля, в котором все, что было неявным в эллинизме, стало явным, до нас дошла часть пеана, обращенного к этому идеалу. Ее уместно вставить сюда в дословном переводе.

К Варту.

О Варт! Суровый задачник рода человеческого,
Благороднейшая награда жизни:
О Дева! Ради красоты твоей
Завидный жребий в Элладѣ - даже умереть,
И страдать от пожвжающих мук, не имея спасения.
Так хорошо ты направляешь дух
К плодам бессмертным, лучше золота
И родителей, и мягкоглазый сон.
Ради тебя рожденные Джовом Геракл и сыновья Леды
Многое претерпели, делами
Твою силу провозглашая.
За любовь к тебе Ахилл и Аякс в залы Аида спустились.
Ради красоты твоей и Атарней вдовствующий взор солнца устремил.
Поэтом, как прославленного делами и не знавшего смерти, его возвеличивают Музы,
Дочери памяти, возвеличивая славу Незнакомца-хранителя Юпитера и честь дружбы
крепкой.

В отношении этого идеала особенно примечательны четыре момента: *во-первых*, он предполагал исчерпывающее исследование природы и отношений человека; *во-вторых*, он требовал сильных, настойчивых, героических усилий; *в-третьих*, он стремился погрузить индивида в социальное целое и универсальный порядок; *в-четвертых*, его целью было статическое совершенство. Первые два пункта - достоинства, вторые два - недостатки. Первое достоинство не позволило грекам придерживаться односторонних систем образования; второе - не позволило превратить образование в средство развлечения. Аристотель ясно говорит: "Образование, конечно, не должно превращаться в средство развлечения; ведь молодые люди не играют, когда учатся, поскольку всякое обучение сопровождается болью". Первый недостаток наносит ущерб свободе личности и, следовательно, препятствует высшему человеческому развитию; второй поощряет утопические мечты, которые, будучи всегда статичными, не нарушаемыми трудами и муками, необходимыми для прогресса, имеют тенденцию порождать нетерпение к тому медленному продвижению, благодаря которому только человек приходит к прочным результатам. Этой тенденции мы обязаны такими произведениями, как "*Республика*" Платона и "*Воспитание Кира*" Ксенофонта.

ГЛАВА II

НАПРАВЛЕНИЯ ГРЕЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

С тобою престарелый возница Пелей послал меня в тот день, когда из Фтии к Агамемнону он отправил тебя, еще мальчика, не знакомого ни с взаимной войной, ни с советами, в которых люди добиваются успеха, - для того он и послал меня, чтобы научить тебя всему этому, быть глашатаем слов и делателем дел - (Феникс у Гомера).

Прежде всего и всеми средствами мы заботимся о том, чтобы у наших граждан были добрые души и крепкие тела.

Жизнь - это первоначальная школа - жизнь, домашняя и социальная. Все остальные школы лишь выполняют функции, делегированные семьей и обществом, и только когда последнее достигает такого уровня усложнения, что возникает необходимость разделения труда, появляются специальные школы. Среди гомеровских греков мы не находим упоминаний о школах, и единственный человек, о котором известно, что у него был наставник, - это Ахилл, который был отослан из дома так рано, что лишился того образования, которое он, естественно, получил бы от отца. В чем заключалось это образование, мы узнаем из первой цитаты, приведенной в начале этой главы. Оно заключалось в таком обучении, которое сделало бы ученика "оратором слов и исполнителем дел" - человеком красноречивым и убедительным в совете, храбрым и решительным на поле боя. Для этих целей ему требовались, как говорит Лукиан, добрая душа и крепкое тело.

Эти выражения обозначают два больших разделения, на которые делилось греческое образование во все времена - умственное и физическое, - а также их первоначальные цели: доброта (то есть храбрость) души и сила тела. С течением времени эти цели претерпели значительные изменения, а следовательно, и средства их достижения - значительные модификации и расширения. Физическое воспитание все больше и больше стремилось к красоте и грации, а не к силе, в то время как умственное воспитание, стремясь охватить все силы разума, разделилось на литературное и музыкальное.

Как мы видели, греки стремились развивать все силы человека в должной пропорции и гармонии. Но со временем они обнаружили, что человек приходит в мир не только с неразвитыми, но уже неупорядоченными и негармоничными способностями; что зародыши мужественности не только требуют тщательного наблюдения и ухода, но и что почва, на которой они должны расти, должна быть очищена от зарослей удушающих сорняков, прежде чем образование может быть предпринято с какой-либо надеждой на успех. Этот процесс очищения поздние греки называли *катарсисом*, или чисткой, и он играл все более значительную роль в их педагогических системах. Предполагалось, что он должен был сделать для эмоциональной природы человека то, что медицина обязана была сделать для его тела. В качестве средств использовались главным образом музыка и родственные искусства, которые, по мнению древних, оказывали на душу то, что мы сейчас называем деймоническим воздействием, отводя возбуждающие причины беспокойных страстей и оставляя ее в полном владении самой собой. Вряд ли будет излишним сказать, что способность оказывать на душу такое очистительное воздействие рассматривалась древними как главная функция и цель изящных искусств. Таково было мнение Аристотеля.

Когда очищение и двуединое воспитание тела и ума производили свою совершенную работу, получалось то, что греки называли *Калокагатией* (καλοκάγαθεια), то есть Справедливостью и Добротой. Обе половины этого идеала назывались *ἀρετή* (*aretê*),

достоинство или превосходство. Аристотель прямо говорит нам (*Категории*, гл. viii.), что прилагательное к ἀρετή - это σπουδαῖος (*spoudaios*), слово, которое мы обычно переводим на английский как "серьезный". И мы делаем это с полным основанием; ведь для грека превосходство или достоинство означало, прежде всего, серьезность, подлинность, правдивость, основательность, отсутствие легкомыслия.

ГЛАВА III

УСЛОВИЯ ВОСПИТАНИЯ

Одни считают, что люди становятся хорошими от природы, другие - в результате воспитания, третьи - в результате обучения. Та часть, которая обусловлена природой, очевидно, не зависит от нас, но передается через определенные божественные причины истинно удачливым людям - Аристотель.

Отцом становится не только рождение, но и получение благородного образования.

Есть два вида образования: одно божественное, другое человеческое.

Божественное - великое, сильное и легкое; человеческое - малое, слабое и сопряженное со многими опасностями и заблуждениями. Тем не менее, чтобы достичь правильного результата, к первому необходимо добавить второе.

То же самое, что мы склонны утверждать в отношении искусств и наук, можно утверждать и в отношении моральных достоинств, а именно: для создания абсолютно справедливого характера необходимы три условия - природа, разум и привычка. Под "разумом" я подразумеваю обучение, под "привычкой" - тренировку..... Природа без обучения слепа; обучение без природы беспомощно; упражнение (тренировка) без того и другого бесцельно.

Для реализации своего идеала в любом человеке греки считали необходимыми три условия: (1) благородная природа, (2) упорное упражнение или тренировка в правильных действиях, (3) тщательное обучение. Если хотя бы одно из них отсутствовало, высший результат не мог быть достигнут.

(1) Греки считали, что хорошо или благородно родиться - один из лучших даров богов. Аристотель определяет благородное происхождение как "древнее богатство и достоинство", и это достаточно точно выражает греческую точку зрения в целом. Поэтому вполне естественно, что грек, вступая в брак, прежде всего обращал внимание на шансы иметь достойное потомство. Действительно, можно с уверенностью сказать, что целью грека в браке было не столько найти подругу для себя, сколько найти достойную мать для своих детей. В Греции, как и повсюду в древнем мире, брак рассматривался исключительно как договоренность о воспроизведении и воспитании потомства. Романтический, патологический любовный элемент, который играет столь важную роль в современном сватовстве, у греков почти полностью отсутствовал. Та любовь, которая была, принимала либо благородную форму восторженной дружбы, либо низменную форму свободной похоти. Несмотря на это, а также на то, что женщина рассматривалась как средство, а не как цель, отношения между греческими мужьями и женами очень часто были такими, что семья становилась школой добродетели для детей. Они были благородными, сладкими и сильными, тем более, что основывались не на обманчивой сентиментальности, а на разуме и чувстве взаимного долга.

(2) Ценность упражнений, практики, привыкания, по-видимому, гораздо лучше понимали древние, чем современные. Что бы ни приходилось делать человеку, будь то речь, плавание, игра или борьба, он может научиться, только делая это; это была общепризнанная максима. Современная привычка обучать языкам и добродетелям по правилам, которым не предшествует обширная практика, показалась бы древним столь же абсурдной, как мысль о том, что человек может научиться плавать, не заходя в воду. Сначала практика, потом теория: сделай дело, и ты узнаешь о доктрине - так говорила древняя мудрость, которой представление о том, что детей не следует призывать к совершению каких-либо действий или подчиняться каким-либо ограничениям, не объяснив им их оснований, показалось бы полной инверсией всех научных методов. Именно настаивая на определенной практике у детей на основании простого авторитета, древние стремились привить им такие добродетели, как уважение к опыту и достоинствам, а также уважение к закону.

(3) Работа, начатая природой и продолженная привычкой или упражнениями, была завершена и увенчана обучением. Оно, по мнению греков, выполняло две функции: а) делало действие свободным, делая его рациональным; б) делало возможным продвижение к первоначальному действию. Природа и привычка оставляли людей рабами, управляемыми инстинктами и предписаниями; обучение, раскрывая основания действия, делало их свободными. Такая свобода, основанная на прозрении, была для греческих мыслителей реализацией мужественности, или, скорее, божественного в человеке. "Истина сделает вас свободными" - никто не понимал этого лучше, чем они. Поэтому, при всем своем неуклонном стремлении к практике в образовании, они никогда не рассматривали ее как конечную цель или вообще как какую-либо цель, кроме той, что направляется прозрением, плодом обучения. Практичность, не ведущая к расширению духовного горизонта, к освобождающему прозрению, была для них нелиберальной, рабской, жалкой - "banausic", говорили они, - деградирующей и для тела, и для души.

ГЛАВА IV

ПРЕДМЕТЫ ДЛЯ ВОСПИТАНИЯ

Правильно, чтобы греки властвовали над варварами, но не варвары над греками; ибо те - рабы, а эти - свободные люди" - Эврипид.

Варвар и раб - одно и то же по своей природе. - Аристотель.

Природа старается сделать тела свободных и рабов различными; последние сильны для необходимого использования, а первые выпрямлены и бесполезны для таких операций, но полезны для политической жизни..... Итак, очевидно, что по природе одни люди свободны, другие - рабы, и что в случае последних рабство и полезно, и справедливо.

Наставление, хотя и обладает очевидной силой направлять и стимулировать щедрых среди молодых... столь же очевидно бессильно обратить массу людей к благородству и доброте (*Калокагатия*). Ибо не в их природе руководствоваться благоговением, но страхом, и не воздерживаться от низких вещей, потому что они позорны, но (только) потому, что они влекут за собой наказание".

Рассматривая греческое образование как возможную модель для нас, современных, важно помнить об одном моменте: Греческое образование предназначалось лишь для немногих,

для богатых и состоятельных людей. Для всех остальных, для рабов, варваров, рабочих и торговцев и вообще для всех людей, проводящих свою жизнь в погоне за богатством или любыми частными целями, оно казалось отброшенным. Даже родовитые женщины, как правило, были лишены большинства его преимуществ. Объектами воспитания были сыновья полноправных граждан, которые сами готовились стать полноправными гражданами и выполнять все функции таковых. Обязанности таких людей полностью сводились к двум категориям: обязанности перед семьей и обязанности перед государством, или, как говорили греки, "экономические и политические обязанности". Свободный гражданин не только не признавал никаких других обязанностей, кроме этих, но и свысока смотрел на тех, кто стремился занять себя в любой другой сфере. Экономика и политика, однако, были очень широкими понятиями. Первая включала в себя три отношения: мужа к жене, отца к детям, хозяина к рабам и имуществу; вторая - три общественные функции: законодательную, административную и судебную. Все занятия, не входящие в эти шесть разделов, свободный гражданин оставлял рабам или иностранцам-резидентам. Делание денег в современном смысле он презирал, а если посвящал себя искусству или философии, то только ради блага государства. Если он улучшал свое достояние, которое было условием его свободного гражданства, то делал это не путем надувательства или ссуды денег, а путем разумного управления и доброго, но твердого обращения со своими рабами. Если он оказывал государству какую-либо большую художественную услугу - например, писал трагедию для государственного религиозного праздника (а пьесы никогда не писались для других целей), - то единственной наградой ему служили оливковый или лавровый венец и уважение сограждан.

Греки делили человечество во всех жизненных отношениях на два различных класса - управляющих и управляемых - и считали только первых предметом воспитания; вторые были лишь инструментом в их руках. Правящему классу требовалось образование для того, чтобы он мог управлять собой и другими классами в соответствии с разумом и справедливостью; другие классы, получающие руководство от правящего класса, не нуждались в образовании или только в таком, которое позволило бы им подчиняться. Отсюда следовало, что долг управляющего класса - управлять, а управляемого - подчиняться. Только в таком соотношении обязанностей каждый класс находил свою пользу и удовлетворение. Любая попытка нарушить или перевернуть это соотношение была умышленным игнорированием законов природы, бунтом против божественного порядка вещей.

Как муж, отец, хозяин в семье и как законодатель, чиновник, судья в государстве, каждый член правящего класса находил свой круг деятельности; и он поступал неправильно, унижаясь до уровня служилого класса, если стремился к чему-то другому. Этот взгляд в более или менее осознанной форме пронизывает весь античный мир, обуславливая все его представления и теории воспитания; и апостол Павел лишь вторит ему, говоря женам: "Жены, будьте покорны своим мужьям, как Господу"; детям: "Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе, ибо это правильно"; и рабам: "Рабы, будьте покорны господам вашим по плоти со страхом и трепетом, в чистоте сердца, как Христу".

ГЛАВА V

ОБРАЗОВАНИЕ ПОД ВЛИЯНИЕМ ВРЕМЕНИ, МЕСТА И ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Особенность каждой формы правления - это то, что устанавливает ее в начале и что обычно сохраняет ее..... Поскольку все государство имеет только одну цель, очевидно, что необходимо, чтобы для всех граждан было одно образование - Аристотель.

Образование у греков, как и у любого другого прогрессивного народа, менялось в зависимости от времени и обстоятельств. Образование гомеровских греков не совпадало с образованием афинян во времена Аристотеля, как и образование современных спартанцев или фиванцев. Более того, образование, которое давалось на самом деле, не совпадало с тем, что требовали или рекомендовали философы и писатели по педагогике. Правда, цель всегда была одна и та же: достоинство, совершенство, справедливость и доброта (ἀρετή, καλοκάγαθία); , но в разное время и в разных местах это по-разному понималось и по-разному к этому стремилось.

Среди гомеровских греков, как мы уже видели, образование, будучи чисто практическим, направленным только на то, чтобы сделать своего подопечного "говорящим слова и делающим дела", приобреталось в реальном общении и борьбе жизни. Простые условия их существования не требовали иного воспитания и, соответственно, специальных учебных заведений. Эти условия, описанные Гомером , хотя и не варварские, но примитивные. Кочевничество давно осталось позади, а более поздние деревенские общины в основном слились в обнесенные стенами города, обычно расположенные на некотором расстоянии от берега, на холме или рядом с ним, вершина которого служит цитаделью для убежища в случае опасности. Однако даже в самых развитых из этих городов тип цивилизации все еще остается в значительной степени патриархальным. Власть находится в руках вождей или царей (βασιλῆς), утверждающих, что они родились и выросли от Юпитера, каковыми они в определенном смысле и являлись, поскольку правили в равной степени как по праву личных достоинств, которые более всего обязаны милости Божьей, так и по наследственному титулу. В те времена достоинство заключалось в физической силе, мужестве, красоте, рассудительности и способности выступать перед собранием, и любой король, не обладающий этими качествами, вскоре считал свое положение ненадежным или был вынужден укреплять его с помощью незаконной тирании. Функций, возлагаемых на короля, было в основном три: судья, военачальник и священник. Первая из них требовала рассудительности и грамотной речи, вторая - силы и умной храбрости, третья - личной красоты и достоинства. Хотя царям позволялось осуществлять большую власть, она не была безответственной или произвольной. Напротив, она сочеталась с большой общественной свободой в словах и действиях. Рабство существовало лишь в ограниченных масштабах и в мягкой форме. Все свободные главы семейств, как бы бедны они ни были, имели право присутствовать на народном собрании, с которым король советовался по всем важным вопросам и на котором разрешалось свободное обсуждение. Когда цари осуществляли судебную власть, они делали это в соответствии определенными *темами* или законами, которые, как считалось, исходили от Зевса, а не по собственному капризу. Поскольку в те времена торговля была невелика, жители древних городов, когда не занимались войной, посвящали себя в основном земледелию, скотоводству и полезным искусствам. И даже короли не считали зазорным заниматься ими. Мы видим Париса, помогающего строить свой дворец, Одиссея, сооружающего себе ложе, Ликаона, рубящего дерево для изготовления колесниц, и так далее. Точно так же Елена и другие принцессы прядут и ткут, а Наусикаа, дочь феакийского царя, стирает одежду всей семьи.

В таком примитивном обществе, не знакомом с письмом, высшее образование находило мало желающих. Единственные ученые, о которых упоминает Гомер, - это врачи (они же

хирурги) и прорицатели. Первые высоко ценятся и всегда являются вождями. Прорицатели являются выразителями божественных предзнаменований для общества и занимают своего рода официальную должность, подобно древнееврейским пророкам. У Гомера, строго говоря, не упоминается ни один художник, кроме барда, а он пользуется большим почетом как историк, учитель и вдохновитель. Мы находим, правда, что Ахилл и Парис искусны в музыке, но такие случаи кажутся исключительными. Из ремесленников упоминаются несколько: мастер по дереву, мастер по рогу и слоновой кости, гончар (использующий колесо) и так далее. Существование других подразумевается - ткач, каменщик, металлист и т. д.

Если в героический век не было специальных школ, то жизнь была прожита так, что служила отличной школой. Тогда, как и во все другие времена, она была чрезвычайно социальной, гораздо более социальной, чем наша современная жизнь. Это объяснялось в основном тремя причинами: (1) малочисленностью государств, благодаря которой каждый гражданин мог знать и чувствовать свою солидарность с каждым другим; (2) отсутствием титулов и формальностей, которые еще не были завезены с Востока; (3) тем, что люди, особенно мужчины, проводили большую часть дня под открытым небом, на улицах и агорах, и поэтому постоянно терлись друг о друга. Эта социальность во многом способствовала формированию греческого характера, основные элементы которого историк греческой философии Целлер перечисляет следующим образом: "Сильное чувство свободы в сочетании с редкой восприимчивостью к пропорциям, форме и порядку, острая потребность в товариществе в жизни и действии, социальная тенденция, которая заставляла человека объединяться с другими, подчиняться общей воле, следовать традициям своей семьи и общины".

Между простым социальным состоянием, описанным Гомером, и тем, о котором писал Аристотель, протекает период не менее шестисот лет. За это время в социальной и политической жизни греков произошло много больших изменений, которые потребовали соответствующих изменений в образовании. Эти изменения были вызваны несколькими причинами: (1) естественной склонностью человека к свободе, (2) влиянием иностранных народов, (3) развитием торговли, (4) введением письма, (5) подъемом философии, (6) персидскими войнами. Хотя все эти события тесно переплетены друг с другом, не будет вреда, если мы рассмотрим их по отдельности.

(1) Тенденция к свободе, столь характерная для человеческой природы, была особенно характерна для греков. Среди них она быстро проявилась в упорядоченном ряде политических форм, начиная с патриархальности и заканчивая различными государствами и расами. Действительно, вряд ли найдется хоть одна форма политической жизни, которая не была бы реализована у греков в то или иное время и в том или ином месте. Именно это позволило Аристотелю написать труд "Политика", который, по словам одного из недавних политических писателей, "на протяжении двух тысяч лет остается одним из самых чистых источников политической мудрости".

Разнообразная и изменчивая политическая жизнь греков сама по себе была большим образованием. Она давала им представление о принципах, политических и этических, на которых держится общество, и делала необходимым умение четко и ясно выражать свои мысли, что самым благоприятным образом сказывалось на их интеллектуальных и эстетических способностях. Именно в школе практической политики греки овладели риторикой; и Аристотель в своем трактате "О поэзии" говорит нам, что если "более древние поэты заставляли своих героев говорить как государственных деятелей, то более поздние

заставляли их говорить как раторов". Действительно, политическая жизнь не только отразилась на драме, но и, развивая риторику, она привлекла внимание к языку и привела к появлению наук грамматики и логики, которые были вызваны к жизни реальными общественными потребностями (см. с. 102).

(2) Греция, расположенная между тремя континентами и на пути следования древних народов, не могла не посещаться представителями различных рас или, учитывая ее красоту и торговые преимущества, быть желанной для них. Отсюда вытекают два следствия: (а) греки были очень смешанной расой; (б) они с самого начала и во все времена находились в разнообразных контактах с иноземными народами. О том, что они были смешанной расой, свидетельствуют и их язык, и их мифология, и их легенды. О том, что они находились в тесном и постоянном общении с иноземными народами, свидетельствуют их алфавит, их искусство и прямые высказывания их историков. Хотя верно, что греки, особенно после Персидских войн, считали себя высшим и избранным народом, называя всех остальных "варварами" и считая их пригодными только для рабства, не менее верно и то, что почти ни одно из всех искусств и наук, которые они в конце концов довели до высокой степени совершенства, не имело своего происхождения в самой Греции. Все они появились сначала в колониях, обосновавшихся среди "варваров" - в Египте, Малой Азии, Фракии, на Крите, Сицилии или в Италии. Архитектура, скульптура, живопись, поэзия - эпическая, лирическая, драматическая, музыка, история, политика, философия - все это было заимствовано, преобразовано и, за исключением, возможно, трагедии и живописи, доведено до высокой степени совершенства в колониях, прежде чем было перенесено на родину. Несомненно, что даже гомеровские легенды имеют "варварское" происхождение, хотя от какого народа они были заимствованы, точно неизвестно. Именно пластичность и многогранность их характера, отчасти обусловленные смешанной кровью, позволили им перенять и усвоить искусства и науки своих соседей, подняли греков на новую ступень цивилизации и сделали их инициаторами новой эпохи в истории, эпохи жизни в соответствии с разумом. Сэр Генри Самнер Мэн говорит: "Кроме слепых сил природы, в этом мире не движется ничего, что не было бы греческим по своему происхождению".

(3) Искусства и науки, заимствованные колониальными греками, попали в Грецию главным образом через торговлю. То, что иностранные предметы искусства были завезены в нее в ранний период, подтверждается недавними открытиями в Микенах, Спарте и других местах, а также упоминаниями в гомеровских поэмах. То, что за ними последовали художники, принесшие с собой чужеземные художественные процессы и приспособления, столь же несомненно. Самые ранние скульпторы, чьи имена нам известны, Дипенис и Сциллис, были уроженцами Крита, поселившимися в Сикионе; а самая ранняя поэтическая гильдия, о которой мы имеем хоть какое-то упоминание, - это гильдия Гомеридов на острове Хиос. Но помимо того, что торговля привнесла в Грецию искусство и художников, она способствовала и другому образованию греков. Она знакомила их с иностранными нравами и роскошью, заставляла учиться искусству мореплавания, кораблестроения и обмена, что опять же делало необходимым знакомство с арифметикой и искусством письма. И это приводит нас к тому.

(4) Введение букв. Это событие, дата которого точно не установлена, не только оказало самое благоприятное влияние на искусства и науки, но и дало начало новой отрасли образования. Вероятно, сначала буквы использовались для дипломатических и торговых целей, затем для надписей и, наконец, для увековечивания литературных произведений. Они настолько изменили греческое образование, что даже в лучшие времена все литературное и научное образование называлось просто "буквы" (γράμματα). Еще во времена

Платона буквы, по-видимому, считались частью музыки и преподавались тем же учителем, что и последняя; но уже Аристотель проводит различие между ними. Крайне вероятно, что введение письма стало непосредственной причиной создания школ для молодежи, поскольку до этого события мы не находим никаких упоминаний о них.

(5) За введением письма последовал подъем философии, или размышляющего духа. Примерно до 600 года до н. э. греки, как и весь остальной мир, жили привычками, традициями и предписаниями, передававшимися из поколения в поколение с минимальной критикой или вообще без нее. Их идеальный мир формировался под влиянием произведений Гомера и Гесиода. "Гесиод - учитель большинства", - говорит Гераклит. Однако примерно в указанную дату, когда общество достигло такого уровня организации, что стало возможным появление класса досуга, в нем зарождается новый дух, призванный произвести революцию не только в Греции, но и во всем мире. Вооруженный вопросами "что?", "кто?", "почему?" и "зачем?", он больше не принимает слепо мир природы и человека, а призывает его дать отчет о себе. Результатом становятся наука, философия и искусство.

Сначала новый дух обращается к природе с вопросом "что?"; но, постепенно обнаруживая, что ответ на него не дает полного объяснения мира, он задает другие вопросы. Таким образом, он приходит к сознанию четырех различных элементов в строении вещей, четырех причин (αἰτία, αἰτίαι), как они были названы, - (1) материи, (2) формы, (3) эффективности, (4) конца или цели. В то же самое время и посредством того же самого процесса он вынужден признать присутствие разума (λόγος) и интеллекта (νοῦς) в мире, поскольку форма, эффективность и цель предполагают и то, и другое. Таким образом, она вынуждена обратиться от природы к человеку и его разуму, как высшему известному проявлению разума и интеллекта, и посвятить себя рассмотрению духа, как единственно обещающего истинное объяснение мира. Процесс этот медленный и трудный, и его история - это история греческой науки, философии и искусства.

До возникновения философии учителем народа был рапсод, или публичный декламатор; после этого события он постепенно уступает место софисту (σοφιστής, тот, кто делает мудрым), или, как он позже с большей скромностью называет себя, философу (φλόσοφος, любитель мудрости). Многовековая история Греции - это, с внутренней стороны, история борьбы между тем, что представляет рапсод, и тем, что представляет философ, между народной традицией и здравым смыслом, с одной стороны, и индивидуальным мнением и философией - с другой. Переход от первого ко второму из этих психических состояний был осуществлен для всего мира, раз и навсегда, греками, и поворотный пункт в этом процессе отмечен

(6) Персидские войны (490-479 гг. до н. э.). Победы, одержанные в них при Марафоне, Саламине и Платеях, победы самые блестящие из всех, что зафиксировала история, оказали сильнейшее влияние на мысли и жизнь греков. Сознание того, что они со своим небольшим числом, снова и снова, как на суше, так и на море, сбивали и разбивали бесчисленные войска империи, которая на протяжении многих поколений угрожала их миру и свободе, заставило их сразу же почувствовать превосходство своих собственных характеров и гражданских институтов над персами и провести четкую линию разграничения между греками и варварами. С этого момента они почувствовали себя избранным народом, народом, которому боги предначертали править всеми остальными. "Душа Греции покорила массу Персии". Персия была телом и массой, Греция - душой и духом. Это убеждение сразу же проявляется во всех сферах греческой жизни. В сфере искусства мы можем привести в пример "*Прометею*" Эсхила и Парфенон. В первом случае конфликт между Зевсом и

Прометеем означает не что иное, как конфликт между греческой духовностью, интеллектом и свободой, с одной стороны, и варварской материальностью, инстинктом и рабством или необходимостью, с другой? И что есть последнее, как не великолепный пеан в камне Божественной Мудрости, как победитель грубой силы? В сфере мысли мы находим Парменида, Анаксагора и, прежде всего, Сократа (родившегося через десять лет после второй Персидской войны), сознательно обратившегося к изучению духа. "Быть и мыслить - одно и то же", - говорит первый из них: "Все вещи были в беспорядке; затем пришел Разум и привел их в порядок", - говорит второй; "Познай самого себя" - избранный девиз третьего. В политической сфере афиняне пытались сделать государство инструментом разума и добродетели и настаивали на образовании как средстве достижения этой цели. Другие и менее желательные результаты последовали за персидскими войнами, но их можно лучше описать и оценить в другой связи.

Таковы были основные причины, способствовавшие превращению простого патриархального государства гомеровских греков с его чисто практическим воспитанием дома и в поле, в свободное государство греков времен Мильтиада, Фемистокла и Эсхила с его сложными институтами и многообразным образованием. Казалось бы, лучше перечислить эти причины, чем пытаться проследить шаги самой трансформации. Ведь это было бы безнадежной задачей из-за отсутствия исторических данных.

ГЛАВА VI

ЭПОХИ В ГРЕЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Когда они (наши предки) стали наслаждаться досугом для размышлений в результате благоприятных обстоятельств и лелеять более возвышенные идеи в отношении достоинств, и особенно когда в период до и после Персидских войн они стали высокого мнения о себе, благодаря своим достижениям, они занимались всеми видами образования, не делая различий, но бились об общее. - Аристотель.

Рассматривая греческое образование после введения письменности и создания школ, мы должны будем, в интересах ясности, провести три различия: (1) между системами образования

(1) Между образовательными системами разных периодов.

(2) Между системами образования разных народов и государств.

(3) Между образованием, которое фактически дается в различных государствах, и тем, которое рекомендуют теоретики или философы.

В соответствии с первым пунктом будет удобно сначала выделить два основных периода, эллинский и эллинистический, а затем разделить их на более мелкие периоды.

I. Эллинский период (776-338 гг. до н.э.). Он включает в себя, грубо говоря, всю историческую жизнь свободной Греции, начиная с даты первой Олимпиады и заканчивая поглощением Греции Македонской империей. Естественно, она подразделяется на два периода: (а) 776-450; (б) 450-338.

(а) "Старое воспитание", авторитетное и пуританское, целью которого было воспитание хороших граждан, богобоязненных, законопослушных, патриотичных и храбрых.

(б) "Новое образование", рационалистическое и "либеральное", целью которого было воспитание грозных личностей, эгоцентричных, презирающих закон, стремящихся к экономии времени и хитрости.

Именно в борьбе между этими двумя системами и при практическом торжестве последней Греция теряет свои моральные устои, и ее граждане, ослабленные эгоизмом, становятся легкой добычей иностранных захватчиков.

II. Эллинистический период (338 г. до н.э.-313 г. н.э.). Он длится от битвы при Херонее, в которой Греция потеряла свою независимость, до окончательного триумфа христианства, которое привнесло новый идеал и новый дух в жизнь и образование. Естественно, она подразделяется на два периода: (а) 338-146 гг. до н. э.; (б) 146 г. до н. э. - 313 г. н. э.

(а) Македонский период, во время которого преобладало македонское влияние, а греческая мысль и образование, впитывая иностранные, в основном восточные, элементы, стремились к энциклопедическому космополитизму. В этот период центром греческого влияния становится Александрия.

(б) Римский период, во время которого, как говорит Гораций, "плененная Греция взяла в плен своего грубого завоевателя", а Рим стал, наряду с Александрией, центром распространения греческой мысли, искусства и образования.

Между двумя великими периодами, эллинским и эллинистическим, стоит человек, составивший завещание первого и наметивший программу второго, - македонский грек Аристотель.

Второе различие заставит нас отдельно рассмотреть в эллинский период систему образования трех греческих рас, (1) эолийской, (2) дорийской, (3) ионической, первая из которых имела главный центр в Фивах, вторая - в Спарте, третья - в Афинах. Для рассказа о воспитании первых наши данные весьма скудны; с основными чертами спартанского и афинского воспитания мы хорошо знакомы. В образовании, как и во всем, Спарта была консервативна, социалистична и аристократична, в то время как Афины склонялись к либерализму, индивидуализму и демократии. Поэтому Спарта отчаянно цеплялась за "старое образование" и почти закрыла свои двери для искусства, литературы и философии, в то время как Афины, втянутые в "новое образование", стали домом для всего этого. Следует всегда помнить, что, отдавая предпочтение индивидуализму и "новому образованию", Афины отказывались от эллинского идеала и прокладывали путь космополитизму эллинистического периода. В связи с этим нам придется проводить различие между образовательными системами Афин, Александрии и Рима.

Третье различие - между индивидуальной теорией и народной практикой. Во все эпохи своей истории греческие государства порождали людей, которые стремились воплотить в мыслях и воображении идеал своего народа и представить его как цель, поощрение и вдохновение в противовес несовершенной действительности. Более чем в одном случае этот идеал изменил образование последующих периодов. Конечно, подобные теории не возникали до тех пор, пока практика не была вынуждена защищать себя, вырабатывая санкции, либо в религии, либо в разуме, и можно утверждать, что целью их всех было найти такие санкции для греческого идеала. Среди многочисленных теоретиков образования в Греции есть шесть, которые особенно заслуживают внимания: (1) Пифагор, который в Южной Италии

пытался привить к дорическому идеалу полумистическую, полуэтическую теологию и математическую теорию физического мира; (2) Ксенофонт, который стремился обеспечить тот же идеал, связав его с монархической формой правления; (3) Платон, который стремился возвысить его и найти для него санкцию в своей теории сверхчувственных идей; (4) Аристотель, который представил во всей полноте эллинский идеал и попытался найти для него санкции в истории, социальном благополучии и обещании высшей жизни; (5) Квинтилиан, который в Риме воплотил риторическое или мирское образование эллинистического периода; и (6) Плотин, который представляет идеал философского или потустороннего образования и прокладывает путь к триумфу христианской догмы.

КНИГА II

Эллинистический период (776-338 гг. до н.э.)

Часть I

"Старое образование" (776-480 гг. до н. э.)

ГЛАВА I

ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ РАБОТЫ И ДЛЯ ОТДЫХА

Когда мы рассматриваем различные искусства, которые были открыты, и проводим различие между теми, которые относятся к необходимым условиям жизни, и теми, которые способствуют свободному наслаждению ею (διδασκαλία), мы всегда считаем человека, который знаком с последними, более мудрым, чем тот, кто знаком с первыми, по той причине, что науки последних не имеют отношения к использованию. Поэтому только тогда, когда были достигнуты все необходимые условия жизни, были открыты те искусства, которые не имеют отношения ни к удовольствиям, ни к общим потребностям жизни; и это произошло прежде всего в тех странах, где люди наслаждались досугом" - Аристотель.

Свободная жизнь Бога такова, каковы наши краткие лучшие мгновения.- Ид.

Не подобает, чтобы свободное наслаждение жизнью было позволено мальчикам или молодым людям; ибо венец совершенства не принадлежит несовершенным.- Ид.

Очевидно, что свободное наслаждение жизнью требует не только благородного, но и приятного, ибо счастье состоит и в этом.-Ид.

Среди гомеровских греков, чья жизнь была почти полностью посвящена практическим занятиям, образование было в основном практическим, направленным на воспитание "говорящего слова и делающего дела". По мере развития цивилизации и становления более высоких политических форм некоторые классы людей обрели досуг, который они не были склонны посвящать простой игре. Для того чтобы достойно использовать этот досуг, им

требовалось определенное обучение тем искусствам, которые считались подобающими свободному человеку. Соответственно, в некоторых государствах образование расширило свои рамки, включив в себя те достижения, которые позволяют людям заполнить часы свободы изысканными и благородными удовольствиями - музыку и письмо. Музыка, конечно, культивировалась задолго до этого, не только профессиональными бардами, но даже принцами, такими как Ахилл и Парис; однако это делалось скорее для развлечения и отдыха, чем для свободного наслаждения жизнью. Оно рассматривалось как средство, а не как цель. Изучая греческую жизнь и воспитание, мы должны быть осторожны, чтобы не спутать игру и отдых, которые служат для работы, со свободным наслаждением жизнью, которое является самоцелью и для которого всякая работа - лишь средство. "Наслаждение - это цель". Далее мы увидим, к каким важным результатам приводит это различие, как оно управляет не только всем образованием, но и всеми жизненными институтами, и как оно в конечном итоге способствует распаду всей цивилизации, которую оно определяет. Можно с полным основанием сказать, что Греция погибла потому, что поставила конец жизни в индивидуальное эстетское наслаждение, возможное лишь для немногих и касающееся лишь немногих.

В исторической Греции музыка стала неотъемлемой частью образования каждого свободного мужчины. Ей обучались даже свободные женщины. Вместе с музыкой появилась и поэзия, а когда она стала записываться, ее стали называть "письмами". Когда каждый свободный человек стал сам себе менестрелем и рапсодом, профессиональные менестрели и рапсоды исчезли, а гомеровские поэмы даже, чтобы сохранить их от забвения, были записаны просвещенным тираном Писистратом.

Первой частью греческого народа, достигшей степени цивилизации, требующей образования в часы досуга, была эолийская раса, и особенно ее азиатская часть. Соответственно, мы видим, что все самые ранние музыканты и поэты, дидактические и лирические, являются эолийцами - Гесиод, Терпандр, Арион, Алкей, Сапфо, Питтак и др. Лесбос, по-видимому, был лидером в этом "высшем образовании". Пять последних имен принадлежат этому острову, на котором родился и самый ранний греческий историк и прозаик - Гелланик. Но эолийцы, хотя и были первыми в этой области, вскоре были опережены двумя другими расами - дорийской и ионической. Образование и культура эолийцев никогда не выходили за рамки музыки и лирической поэзии. Они не знали ни драмы, ни науки, ни философии.

За эолийцами почти одновременно последовали дорийцы и ионийцы, которые пошли по двум сильно расходящимся направлениям. Первые заимствовали лирическое образование и культуру эолийцев и создали несколько лирических поэтов выдающихся достоинств - Тиртея, Алкмана, Ибика, Стесихора; более того, они даже продвинулись достаточно далеко, чтобы сделать первые шаги в науке, философии и драматической поэзии. Пифагор, Эпихарм, Софрон, Ксенарх и Сусарион - все они были дорийцами. Но прогресс расы был замедлен и окончательно остановлен жесткими политическими институтами социалистического характера, которые, подавляя индивидуальную инициативу, приводили все к неподвижности.

Ионийцы же, свободно заимствуя у эолийцев и дорийцев и развивая все более свободные институты, довели образование и культуру до уровня, который никогда не был пройден и редко, если вообще был достигнут, в истории нашей расы. А когда они перестали расти и наступил упадок, это было вызвано причиной, прямо противоположной той, которая затормозила их у дорийцев, а именно чрезмерным индивидуализмом, ошибочно называемым свободой. Индивидуализм погубил Афины.

Хотя образование принимало различные формы среди разных частей греческой расы, есть определенные черты, которые, по-видимому, были общими для всех этих форм в эпоху "старого образования". Две из них заслуживают внимания.

Первая. Образование везде было отраслью государственного управления, а само государство было лишь высшим учебным заведением. Это было одинаково верно, независимо от того, были ли школы государственными, как в Спарте, или частными, как в Афинах. Везде гражданство было степенью, которая присваивалась только сыновьям свободных граждан после удовлетворительного экзамена (δοκίμοις).

Второе. Ступени или классы образования были везде одинаковы, хотя их границы не везде обозначались одинаковым количеством лет. Первая, продолжавшаяся обычно от рождения до конца седьмого года, была домашним воспитанием; вторая, продолжавшаяся от начала восьмого года до конца шестнадцатого или, возможно, чаще, восемнадцатого года, была школьным воспитанием; Третий, продолжавшийся с начала семнадцатого или девятнадцатого года до конца двадцатого (в Спарте тридцатого), - это обучение в колледже, или обучение гражданским обязанностям; четвертый, включавший остаток жизни, - это университетское образование, или образование через государство, которое тогда было единственным университетом. В начале третьего периода молодые люди сдавали свой первый государственный экзамен и в случае успешной сдачи получали степень кадета или гражданина-новичка (ἑφηβος); но только в начале четвертого периода, после сдачи второго экзамена (δοκίμοις εἰς τὸ ἄνδρας), они получали степень человека и гражданина и могли осуществлять все функции свободных людей. Государство тогда становилось, в самом реальном смысле, их *Alma Mater*.

В большинстве государств такое ступенчатое образование выпадало только на долю мужчин, а образование женщин прекращалось на первой ступени - в семье, которая считалась их единственной сферой. Иначе обстояло дело в Спарте, Теосе и, по-видимому, вообще у эолийцев. Как следствие, только среди эолийцев и дорийцев появляются известные поэтессы - Сафо, Коринна, Телесилла и др. Несмотря на то, что сферой деятельности женщины была семья, и считалось, что она выполнила свой долг, достойно выполнив роль жены, матери и хозяйки, ничто не мешало ей получить высшее образование, если она того желала. То, что она не часто делала такой выбор, похоже на правду; тем не менее, даже среди афинян есть примеры образованных женщин. Дочь Фукидида, как говорят, продолжила его историю после его смерти, и, независимо от того, правда это утверждение или нет, сам факт, что оно было сделано, показывает, что способность писать историю не считалась невозможной или удивительной в женщине.

ГЛАВА II

ЭОЛИЙСКОЕ ИЛИ ФИВАНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Гесиод - учитель большинства. Гераклит.

Когда ты умрешь, ты будешь лежать в земле.

Даже памяти о тебе не будет

Ни впредь, ни вовеки; ибо нет у тебя

Нет доли в пиршественных розах; но
В залах Аида ты будешь летать,
Испуганной тенью, с тенью мертвых.
-Сафо (необразованной женщине).

Что за деревенский хойден очаровывает душу,
Кто вокруг лодыжек не может накинуть плащ?

Эолийцы, по-видимому, были самой ранней из греческих рас, достигшей значительного прогресса в культуре. Их претензии на Гомера вряд ли можно поддержать, но они, несомненно, создали Гесиода, большинство великих лирических поэтов и поэтесс, а также первого историка. Некоторое время они претендовали на то, чтобы возглавить культуру Греции. Но обещание не было выполнено. В период расцвета греческой истории они были не только самыми некультурными и неотесанными из греков, но даже гордились своим хамством в речи и манерах и насмехались над культурой. В славной борьбе, в которой Греция отстаивала культуру и свободу против Персии, Фивы, тогдашний главный центр иолианства, встали на сторону варваров, что, в общем-то, было естественно.

Фиванское образование, конечно же, было отражением характера фиванского и, собственно, беотийского народа. Основными разделами его были те, что характерны для греческого образования в целом, - гимнастика и музыка; но первая изучалась исключительно в атлетических целях, а вторая - в основном для использования на банкетах и попойках, в которых беотийцы находили главное удовольствие. Письма изучались так же мало, как и в Спарте (см. с. 47), а язык народа оставался грубым и немзыкальным. От высшего образования не осталось и следа. Софисты обошли Беотию стороной. Даже Пиндар, который по происхождению был фиванцем и искренне патриотом, искал и находил признание где угодно, только не среди своего народа. Он даже не писал на их диалекте.

Причина такой отсталости беотийских эолийцев заключалась в том, что они, как раса завоевателей, жили среди народа, превосходящего их во всех отношениях, кроме силы, и могли поддерживать свое превосходство только с помощью грубой силы. Когда это не удалось, и завоеванная раса, никогда не забывавшая Кадма и его древние традиции, вышла на передний план, образование и культура нашли свой путь даже в Фивы. Именно благодаря такому изменению политических условий мог появиться Пиндар, и, несомненно, именно потребность в культуре побудила некоторых представителей рассеянной пифагорейской школы (см. с. 54) найти убежище в Фивах и там посвятить себя преподаванию. Среди них были Филолай^[1] и Лисий, последний из которых, вероятно, является автором знаменитых "Золотых слов" (см. с. 57). Но у него есть и более весомая претензия на славу, ведь он был учителем самого храброго и любвеобильного человека, когда-либо рожденного Грецией, - Эпаминондаса.

Если какой-нибудь энтузиаст, верящий в силу образования, захочет укрепить свое дело блестящим примером, он не найдет ничего лучше Эпаминондаса; ведь вряд ли можно сомневаться, что именно серьезное, систематическое, религиозное и нравственное пифагорейское обучение, полученное им от престарелого Лисия, к которому он относился как к отцу, сделало его тем, кем он был, и позволило ему сделать то, что он сделал, - а это было не что иное, как поставить Фивы во главе Греции. Фивы поднялись и пали вместе с Эпаминондасом. Но это было еще не все. Именно пример Эпаминондаса разжег

честолюбие Филиппа Македонского, получившего образование под его присмотром, и его гораздо более знаменитого сына Александра, сделавшего всю Грецию провинцией своей империи. Пифагор, Лисий, Эпаминондас, Филипп, Александр - за пять коротких поколений искренний учитель покоряет мир!

Со времен Эпаминондаса Фивы следовали обычному курсу греческого образования.

ГЛАВА III

ДОРИЙСКОЕ ИЛИ СПАРТАНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Иди, Расскажи в Спарте, проезжающий мимо,
Что здесь, повинуюсь ее законам, мы лежим.
-Симонид (*Эпитафия о трехстах павших при Фермопилах*).

В этом лакедемоняне заслуживают одобрения: они чрезвычайно заботятся о воспитании своей молодежи и делают это общественной обязанностью - Аристотель.

Лакедемоняне придают своим детям вид диких зверей, благодаря суровости упражнений, которым они их подвергают; они считают, что такое обучение особенно рассчитано на повышение мужества. -Ид.

Они настолько отстали в образовании и философии, что не выучили даже букв - Исократ.

Старики. Когда-то мы *были* сильными мужчинами (юношами).

Мужчины. И мы ими *остались*; если хотите, посмотрите.

Мальчики. И мы *будем* намного лучше... - Спартанский хорический гимн.

Они не просили гласа клира, чтобы зажечь
Их души порывом высоким:
Но дорийский тростник и спартанская лира
Для сынов свободы!
Так спокойно двинулись они к своему полю,
И больше никогда не возвращались,
Неся с собой спартанский щит,
Или на нем гордо нести! - Геманс.

Существовал закон, согласно которому кадеты должны были каждые десять дней представлять перед эфорами обнаженными; если они были хорошо сложены и сильны и выглядели так, словно их вырезали и вбивали в форму гимнастическими упражнениями, их хвалили; если же их конечности демонстрировали дряблость или мягкость, небольшую припухлость или *рісіон* жировой ткани из-за лени, их пороли и наказывали тут же. Кроме того, эфоры каждый день подвергали их одежду строгому осмотру, чтобы убедиться, что все соответствует требованиям. В Лакедемоне не разрешалось готовить только блюда из плоти. Повара, который знал что-то другое, изгоняли из Спарты, как физика для инвалидов.

Любая рациональная система воспитания определяется какой-то целью или идеалом, поставленным более или менее осознанно. Цель дорийцев и особенно спартанцев можно выразить одним словом - сила, которая в отдельном человеке выражалась в физической выносливости, а в государстве - в самодостаточности (αὐτάρκεια). Самодостаточное государство, дающее поле для деятельности и устремлений всех своих граждан и требующее от них самых сильных и самоотверженных усилий - таков дорийский идеал. Легко понять, какие добродетели должно развивать дорийское воспитание - физическую силу, храбрость и повиновение законам государства. Среди дорийцев человек полностью поглощен гражданином. Государство - это все во всем.

Дорийский идеал реализовался в основном в двух местах - на Крите и в Спарте. Оба они неоднократно приводились в древности в пример как образцы хорошо управляемых государств, и даже Платон вкладывает суть своих "Законов" в уста критянина.

О деталях критского образования мы осведомлены слабо. Однако мы знаем две вещи: (1) что Ликург, предполагаемый основатель спартанского воспитания, как считается, почерпнул многие из своих идей на Крите, и (2) что конечный результат критского воспитания - и это справедливо для любого воспитания, которое сливает человека с гражданином - был, несмотря на всю его строгость, деморализующим. Характер этого народа был подытожен его поэтом Эпименидом, современником Солона, в знаменитой строке, процитированной святым Павлом: "Критяне всегда лжецы, злые звери, ленивые животы".

О спартанском воспитании мы имеем гораздо больше информации, и поэтому можем выбрать его как тип дорийского воспитания в целом.

Пелопоннесские дорийцы, утратив в результате контакта с более цивилизованными народами, которых они покорили, ту строгую дисциплину и беспрекословную преданность, которые делали их грозными, в IX веке до н. э. стали дезорганизовываться, так что в двух дорийских государствах они были ассимилированы местным населением, аргивянами и мессенцами. Тот же процесс быстро шел и в третьем государстве, Лакедемоне, когда Ликург, охваченный патриотическим рвением, решил положить ему конец, восстановив среди своего народа старую дорийскую военную дисциплину. Чтобы подготовиться к этой задаче, он посетил Крит и изучил его порядки. По возвращении он убедил своих соотечественников принять "Конституцию", которая с тех пор носит его имя. Эта конституция включала в себя схему образования, целью которой была тщательная подготовка всех свободных граждан, как мужчин, так и женщин, (1) к физической выносливости и (2) к полному подчинению государству. Первое старались привить с помощью строгой и зачастую жестокой системы гимнастики, второе - с помощью хорического музыки и танцев, включая военные учения. Спартанское образование, таким образом, сводилось к двум направлениям - гимнастике и музыке. Обучение письму сводилось к самым незначительным элементам. Соответственно, Спарта никогда не производила на свет ни поэтов, ни историков, ни художников, ни философов. Даже аранжировщики ее хоров были иностранцами - Тиртеус, Терпандр, Арион, Алкман, Талетас, Стесихор.

Поскольку спартанское образование было не более и не менее чем подготовкой к спартанскому гражданству, мы должны предварить наш рассказ о нем несколькими словами о спартанском государстве.

Правительство Спарты находилось в руках замкнутой аристократии, единственной целью которой было поддержание собственного господства, как против (1) иностранных врагов, (2)

периоиков, или бесправных местных граждан, (3) гелотов, или местных крепостных. Для обеспечения этого она сформировала постоянную армию со строгой военной организацией. Спарта, ее единственная резиденция, была лагерем; все свободные жители были солдатами. Хотя они были вынуждены вступать в брак, в городе не было домов. Мужчины и, начиная с седьмого года жизни, мальчики жили в казармах и ели за общественными столами (*фидитиями*). У женщин была только одна признанная функция - поставлять государству граждан, и их воспитывали исключительно с этой целью. Никаких других добродетелей от них не ожидалось. Аристотель говорит нам, что "они жили во всяком распутстве и роскоши". Полиандрия была обычным явлением, а когда женщина теряла всех своих мужей, ее часто заставляли вступать в отношения с рабами, чтобы она не нарушила свой политический долг.

Среди людей, организованных на основе грубой силы, напрасно было искать какие-либо более тонкие черты человеческой природы - мягкость, нежность, сочувствие, жалость, милосердие. О безжалостности и жестокости спартанцев ходили легенды. Периоиков и гелотов, вызывающих недовольство или подозрение властей, тайно предавали смерти, даже без суда и следствия. Яркий пример такой жестокости приводит Фукидид. Грот (*История Греции*, т. ii, с. 376-7) излагает факты следующим образом: "На восьмом году Пелопоннесской войны, после того как от гелотов потребовались значительные военные усилия в различных областях, ... эфоры особенно опасались вспышки. Желая выделить самых смелых и отважных гелотов, как людей, от которых им стоит больше всего опасаться, они объявили, что каждый представитель этого сословия, оказавший выдающиеся услуги, должен заявить о своих претензиях в Спарте, обещая свободу наиболее достойным. Большое количество гелотов заявило о своих притязаниях: не менее двух тысяч из них были одобрены, официально манумилированы и торжественно проследовали вокруг храмов с гирляндами на головах в знак вступления в грядущую свободную жизнь. Но предательская гирлянда лишь обозначала их как жертвы для жертвоприношения: каждый из них тут же исчезал; способ их смерти оставался невыразимой тайной".

Спартанское воспитание полностью осуществлялось государством, за счет государства и для целей государства. В этом отношении оно отличалось почти от всех других систем греческого образования. Оно делилось на четыре периода, соответствующие соответственно детству, отрочеству, юности и мужеству.

(а) Детство. Как только спартанский ребенок появлялся на свет, государство через назначенных для этой цели чиновников отправляло его осмотреть. Если он казался здоровым и не имел телесных дефектов, ему разрешалось жить, и он немедленно принимался государством; в противном случае его уносили в горы и сбрасывали в пропасть. Принятые государством дети в течение следующих семи лет оставались на попечении своих матерей, но, несомненно, все еще находились под наблюдением государства. Как их обучали в эти годы, мы не знаем. Мы можем только догадываться, что они проходили практически тот же процесс, что и остальные греческие дети, с той лишь разницей, что обучение было более строгим. Поскольку подробности греческого образования в целом будут рассмотрены в разделе "Афины", здесь их можно опустить.

(б) Мальчишество. По окончании седьмого года жизни спартанский мальчик переходил из дома матери и из-под ее опеки в общественную казарму и под непосредственное обучение государства. Хотя мальчики находились под руководством специального офицера (*παῖδωνόμος*), который делил их на отряды и роты и организовывал для них упражнения, тем не менее их учили рассматривать каждого взрослого мужчину как учителя, и каждый такой мужчина должен был быстро и строго исправлять их, когда видел, что они поступают неправильно. В то же время от каждого мальчика ожидалось, что он установит тесную связь с

каким-то одним мужчиной, который затем в значительной степени будет отвечать за его поведение; и хотя выбор в этом вопросе оставался за заинтересованными сторонами, считалось позором для мужчины, не меньше, чем для мальчика, быть без такой связи. Хотя, как утверждают, это соглашение часто приводило к прискорбным злоупотреблениям, не может быть сомнений в том, что оно замечательно служило целям Спарты. У каждого мальчика был воспитатель, который, учитывая обстоятельства, не мог не относиться к нему по-доброму и был заинтересован в том, чтобы он превзошел всех остальных мальчиков в мужестве и выносливости. Это дружеское влияние учителя на ученика было тем, во что греки во все времена твердо верили и что составляло важную силу во всем их образовании. В Спарте, как и на Крите и в Фивах, оно было признано на законодательном уровне. Одной из обязанностей спартанского "вдохновителя" (εἰσπνήλας или εἰσπνηλος), как его называли, было научить своего юного друга (ἄϊτας) вести себя прилично во всех случаях и держать язык за зубами, кроме тех, когда он должен был сказать что-то очень важное. Таким образом, молодые спартанцы получали нравственное воспитание и приобретали ту эффективную краткость речи, которую мы по сей день называем "лаконичной".

Формальное образование спартанских мальчиков состояло в основном из гимнастики, музыки, хореических танцев и воровства. Литературное образование сводилось к чтению, письму и пальцевой арифметике; все, что выходило за эти рамки, было под запретом. Причины такого запрета нетрудно обнаружить. Спарта ставила все на свою политическую мощь, а это предполагало две вещи: (1) равенство между ее свободными гражданами и (2) абсолютную преданность их интересам, а высшее образование делало это невозможным. Образование устанавливает между людьми различия, отличные от военных, и дает им индивидуальные интересы, отличные от интересов государства. Именно эта же причина побудила Рим в лучший период его истории исключить своих граждан из всех видов высшего образования, которое по сути своей индивидуально и космополитично.

Обучение спартанских мальчиков проходило в основном под открытым небом и на публике, так что они постоянно подвергались одобрительным или насмешливым возгласам критически настроенных зрителей, для которых их выступления были постоянным развлечением, напоминающим петушьи бои. Ставили ли различные "вдохновители" на своих мальчиков, можно сомневаться; но они, несомненно, прилагали все усилия, чтобы те побеждали в любом соревновании, а "вдохновитель" мальчика-победителя был человеком, вызывающим зависть. В результате многие мальчики погибали под радостные возгласы, не желая подвергаться позору быть побежденными. Поскольку единственной целью гимнастики была сила и выносливость, танцев - порядок, а музыки - боевое вдохновение, легко понять, какие формы неизбежно принимали эти занятия; и нам остается только отметить, что дорийская музыка получила безоговорочное одобрение всех великих педагогов древности, даже Аристотеля, который лишь осуждал спартанскую гимнастику.

В спартанском школьном образовании была только одна дисциплина, которая не проводилась публично, - это воровство. Цель этой любопытной дисциплины заключалась в том, чтобы позволить своим подопечным при случае выступать в роли сыщиков и убийц среди вечно недовольных и мятежных гелиотов. Насколько успешной она была, можно судить по инциденту, описанному на странице 45. Воровство, успешно осуществленное в трудных обстоятельствах, вызывало одобрение; когда его раскрывали, то сурово наказывали. Рассказывают историю о мальчике, который, вместо того чтобы предать себя, позволил украденной лисе, спрятанной под одеждой, выесть свои внутренности.

В одном отношении спартанское образование может претендовать на превосходство над образованием большинства других греческих государств: оно не ограничивалось одним

полом. Спартанские девочки, хотя им, по-видимому, разрешалось жить дома, проходили курс обучения, отличавшийся от обучения их братьев лишь меньшей строгостью. У них были свои площадки для упражнений, на которых они учились прыгать, бегать, метать копье, диск, играть в мяч, бороться, танцевать и петь; и есть веские доказательства того, что эти упражнения оказывали восхитительное воздействие на их физическую конституцию. То, что прохладные дочери Спарты были красивее и привлекательнее знойных девиц из Афин, - хорошо подтвержденный факт. Многие спартанские женщины продолжали заниматься атлетикой и музыкой до зрелого возраста, научившись даже ездить на резвых лошадях и управлять колесницами. Однако, если верить Аристотелю, влияние всех этих тренировок на их нравственную природу было нежелательным. Они не были ни добродетельными, ни храбрыми.

(с) Юность. Примерно в восемнадцать лет спартанские юноши переходили в класс *эфебов*, или кадетов, и начинали профессиональную подготовку к войне. Этим они занимались в течение следующих двенадцати лет, и это было нелегкое дело. Первые два года они назывались *меллиренами* и посвящали себя обучению владению оружием и легким стычкам. Они находились под командованием специальных офицеров, называемых *бидеями*, но каждые десять дней должны были проходить жесткий экзамен перед эфорами (см. с. 41). Их выносливость подвергалась суровым испытаниям. Говоря об алтаре Артемиды Орфии, Павсаний отмечает: "Оракул повелел людям обмазывать алтарь человеческой кровью, и отсюда возник обычай приносить на нем в жертву человека, выбранного по жребию. Ликург отменил эту практику и постановил, что вместо этого кадетов должны бичевать перед алтарем, и таким образом алтарь покрывается кровью. Пока это происходит, жрица стоит рядом, держа в руках деревянное изображение (Артемиды). Этот образ, будучи небольшим, при обычных обстоятельствах легок; но если в какой-то момент бичеватели слишком легко обращаются с каким-либо юношей, из-за его красоты или звания, то образ становится настолько тяжелым, что жрица не может его поддерживать; тогда она упрекает бичевателей и заявляет, что она обременена из-за них. Таким образом, образ, появившийся в результате жертвоприношений в Крыму, всегда продолжал наслаждаться человеческой кровью". Эта Артемиде с пучком веток в руке изображена на фризе Парфенона рядом с Аресом, среди спартанских божеств. В двадцать лет юноши становились *эйренами* и начинали курс обучения, очень напоминающий настоящую войну. Они питались самой грубой пищей, спали на тростнике, редко купались и ходили пешком. Они упражнялись в обращении с тяжелым оружием, стреляли, ездили верхом, плавали, играли в мяч и участвовали в самых жестоких конфликтах. Они участвовали в сложных и изнурительных танцах, самым известным из которых был "Пирр", танцуемый под оружием. Они защищали крепости, убивали гелотов и, в случае необходимости, даже выходили на поле боя против врага.

(d) Мужественность.- В возрасте тридцати лет, считаясь достигшими совершеннолетия, они вступали в ряды полноправных граждан и принимали участие во всех политических функциях. Они были вынуждены жениться, но им разрешалось посещать своих жен лишь изредка и тайком. Иногда у них рождалось двое или трое детей, прежде чем они успевали увидеть своих жен при свете дня. Когда они не участвовали в войне, то большую часть времени проводили, наблюдая за упражнениями своих младших товарищей, а остальное - охотясь на кабанов и подобную дичь в горах. Как и Ксенофонт, они считали охоту приближением к войне.

Таково было воспитание, которое Спарта давала своим сыновьям. То, что оно воспитало сильных воинов и патриотичных граждан, не подлежит сомнению. Но не более того: она не произвела на свет ни одного человека. Им восхищались такие люди, как Ксенофонт и

Платон, которых тошнило от афинской демократии; но Аристотель оценил его по достоинству. Он говорит: "Пока лаконцы были единственным народом, посвятившим себя жестоким упражнениям, они превосходили всех остальных; но теперь они уступают даже в гимнастических состязаниях и в войне. Их прежнее превосходство, конечно, объясняется не тем, что они обучали своих юношей таким образом, а тем, что они одни так делали". И даже Ксенофонт в конце длинного панегирика спартанской конституции вынужден признать, что уже в его время она утратила свою былую ценность и стала слабой и развращенной, и это несмотря на то, что его собственные сыновья получили образование в Спарте. Когда Спарта пала перед героическим и культурным Эпаминондасом, она пала безропотно, не оставив миру практически ничего, кроме предостерегающего примера.

ГЛАВА IV

ПИТАГОРА

Добродетель и здоровье, все блага и бог - это гармония, - Пифагор.

Единое есть принцип всего. Филолай Пифагореец.

Все вещи, которые известны, имеют число.- Ид.

Принципов всех добродетелей три: знание, сила и выбор. Знание подобно зрению, благодаря которому мы созерцаем и судим о вещах; власть подобна телесной силе, благодаря которой мы переносим и придерживаемся вещей; выбор подобен рукам души, благодаря которым мы протягиваем и удерживаем вещи.- Пифагореец Тезей.

Дорическая дисциплина, даже в Спарте, где она могла наиболее свободно проявлять свой характер, производила лишь солдат, а не свободных граждан или культурных людей. Тем не менее, в своих основных чертах она была эллинским идеалом, и предпринимались многочисленные попытки исправить ее недостатки и придать ей постоянство, связав ее с более высокими, чем просто местные и аристократические интересы. Одна из самых ранних и примечательных попыток была предпринята Пифагором.

Этот выдающийся человек родился на острове Самос в первой четверти VI века до н. э. Хотя он родился среди ионийцев, его семья, по-видимому, была ахейской и, в некоторой степени, пеласгийской (тирренской), эмигрировавшей из Флиуса в Арголиде. Отличившись в Ионии, он в середине жизни эмигрировал в Magna Græcia и поселился в ахейской колонии Кротон, тогда богатом и процветающем городе. Причиной его эмиграции, по-видимому, стала тирания Поликрата, которая, очевидно, привила ему предубеждение против ионических тенденций в целом. Получил ли он какую-то часть своей знаменитой образованности от посещения Египта, Финикии, Вавилонии и т. д., как утверждалось в более поздние времена, неясно. Не исключено, что он посещал Египет, и есть все основания полагать, что он познакомился с финикийской теологией через Ферекида из Сирова. О том, что он был всеядным учеником, свидетельствует его современник Гераклит. На него, несомненно, повлияли физические теории, распространенные в его время в Ионии, а политические и этические идеи он, очевидно, черпал в Спарте или на Крите.

О его деятельности в Ионии нам мало что известно, но мы можем заключить, что она носила тот же характер, что и та, которую он впоследствии проявил в Италии. Здесь он предстал в тройном качестве - теолога, учителя этики и ученого. Его главный интерес для нас

заключается в том, что он был, по-видимому, первым человеком в Греции, да и во всем западном мире, который стремился создать этический институт, отличный от государства. В этом отношении он сильно напоминает пророка Исайю, который, как можно сказать, заложил идею Церкви (см. с. 133). Целью Пифагора, по-видимому, было собрать вокруг себя группу учеников, которые должны были стремиться вести совершенную жизнь, основанную на определенных теологических или метафизических представлениях и руководствующуюся правилами почти монашеской строгости. Как и другие люди, оказавшиеся в среде непочтительности, эгоизма, демократической вульгарности и анархии, он считал, что его время требует нравственной дисциплины, основанной на уважении к авторитетам и характеру, твердой вере в будущее воздаяние и привитой тщательным изучением порядка и гармонии природы; и такую дисциплину он всеми силами стремился привить. Не веря в способность государства стать инструментом для достижения его цели, он начал работать независимо от него и, похоже, добился весьма заметного успеха, привлекая к себе многих лучших мужчин и женщин Южной Италии. Его последователи стали настолько многочисленны и влиятельны, что удерживали власть в нескольких городах и могли использовать ее для утверждения своих принципов. Поскольку они были крайне недемократичными и противоречили тенденциям того времени, то в конце концов вызвали ожесточенное сопротивление, так что пифагорейцев стали преследовать и пытаться истребить огнем и мечом. Таким образом, их политическое влияние было подорвано, а собрания подавлены; но влияние учения Пифагора не пропало. Его последователи, рассеянные по всему эллинскому миру, унесли с собой его наставления и жизненный идеал. В последующие века они нашли много знатных единомышленников - Пиндара, Сократа, Платона, Эпихарма и т. д. - и претерпели множество изменений, пока, наконец, не стали свидетелями возрождения в формах неопифагореизма и неоплатонизма после христианской эры. В этих поздних обличьях пифагорейство потеряло себя в мистицизме и созерцании, превратив своих последователей в бездеятельных аскетов; но в своей первоначальной форме оно, кажется, было особенно приспособлено для создания людей энергичного действия и дальновидного практицизма. Мило из Кротона, неподражаемый борец; Архит из Тарентума, философ, математик, музыкант, изобретатель, инженер, полководец, государственный деятель; и Эпаминондас, величайший и благороднейший из фиванских полководцев, были исповедующими пифагорейцами.

Возможно, цель педагогических усилий Пифагора можно выразить одним словом "гармония". Как он находил гармонию повсюду в физическом мире, так он стремился внести ее и в строение человеческой личности, и в отношения людей друг с другом. Возможно, его можно считать родоначальником того взгляда на мир, людей и общество, согласно которому все хорошее заключается в порядке и пропорциях, взгляда, который очень нравится идеалистам и породил все те социальные утопии, статическое совершенство которых, кажется, освобождает человека от бремени ответственности и которые витают перед глазами борющегося человечества от его дней до наших. Согласно этой точке зрения, уходящей своими корнями в греческую мысль, цель образования - найти для каждого человека его истинное место и сделать его эффективным в нем. Человек создан для порядка, а не порядок для человека. Он рождается в мире порядка, о чем свидетельствует тот факт, что число и пропорция присутствуют во всем, что известно. Пифагор, увлекаясь своим принципом, довел свое учение о числах до абсурда, отождествляя их с реальными вещами; но этот энтузиазм не был лишен ценных результатов, поскольку именно Пифагору и его школе мы обязаны науками геометрии и музыки. Кроме того, опыт должен был научить его, что одно дело - изложить теорию, другое - сделать ее эффективной в регулировании человеческих отношений. Для достижения этой цели он прибегнул к помощи божественного авторитета и доктрин метемпсихоза и будущего воздаяния. Поэтому его образовательная

система имела сильный религиозный оттенок, который проявлялся даже внешне в достойном поведении и спокойном самообладании его последователей.

Гармония, которая должна быть достигнута путем дисциплины, под религиозными санкциями, была целью учения Пифагора. Считая, однако, что лишь ограниченное число людей способно к такой гармонии, он с особой тщательностью отбирал своих учеников и подвергал их длительному послушничеству, в котором важную роль играли молчание, самоанализ и абсолютное послушание. Цель этого заключалась в том, чтобы дать им возможность преодолеть импульс, сконцентрировать внимание и развить благоговение, размышление и вдумчивость - первые условия всякого морального и интеллектуального совершенства. Хотя в первую очередь забота была направлена на духовную составляющую, о теле ни в коем случае не забывали. Питание, одежда и физические упражнения тщательно регулировались в соответствии с гигиеническими и моральными принципами.

О деталях образовательной системы Пифагора мы не очень хорошо осведомлены; но дух и тенденции ее развития забальзамированы для нас в так называемых "*Золотых словах*", которые, если и не принадлежат перу самого Пифагора, то, несомненно, относятся к очень близкому к нему времени и не содержат ничего противоречащего тому, что мы знаем о его учении. Мы приводим дословный вариант.

Золотые слова.

Боги бессмертны, как и положено по закону,
Сначала почитают и благоговеют перед клятвой:
Затем благородным героям и силам
Под землей, воздавай почести, соблюдая справедливые обряды.

Родителей своих почитай и ближайших родственников,
А из остальных выбирай друзей по шкале добродетели.
Отдавай предпочтение мягким словам и добрым поступкам,
И не ненавидь друга твоего за малейшую обиду.
Терпи все, что можешь, ибо Могущество обитает рядом с Должностью.
Знайτε эти вещи.

Что последует за ними, научись властвовать:
Сначала живот, потом сон, похоть и гнев.
Не делай ничего низкого ни с другими, ни в одиночку:
Но более всего держи себя в благоговении.

И в делах, и в словах соблюдай справедливость,
И не позволяй себе бездумно относиться к чему бы то ни было:
Но знай, что смерть - общий жребий всех.

Не растрачивай безвременно богатства свои,
Как вульгарные люди, но и нелиберально.
Во всем лучше соблюдать умеренность.

Делайте то, что приносит вам пользу: думайте, прежде чем действовать.

Пусть никогда не дремлют твои сонные веки,
Пока не обдумаешь каждый поступок дня:
"В чем я провинился? Что я сделал?
От какого долга уклонился?" - начиная с первого,
до последнего. Затем скорбь и страх за то, что
что было сделано подло; а в добре радуйся.

Эти вещи исполняют; эти размышляют; эти любят.
Это на пути к богоподобному совершенству
Поставит тебя, да, Тот, кто дал нашим душам
Число четыре, вечный источник природы!
Но прежде чем действовать, попроси у богов успеха.

Усвоив эти наставления, ты познаешь
Систему никогда не умирающих богов
И умирающих людей, и как из всего остального
Каждая вещь разделена, и как удерживается в едином целом:
И ты будешь знать, как это правильно,
Что природа повсюду едина,
И не должен надеяться на то, что лежит
Не надеяться на то, на что нет надежды, И не обманываться в истине.

Но от такой пищи воздерживайся, как мы назвали,
И, пока ты стремишься очистить и освободить свою душу,
Пользуйся рассудительностью и размышляй обо всем,
И, как возница, направляй все лучшие мысли.

Радуйся тому, что приобрел, и не теряй.

О людских бедах, которые происходят от сил духа.
Терпите свою роль и не жалуйтесь.
Вылечи то, что можешь: это хорошо, а потом подумай:
"Судьба никогда не возлагает на добро слишком много".

Множество слов, смелых и низких, доносятся до слуха людей.
Пусть они не смущают и не путают вас;
Но когда говорят неправду, смиренно уступай.

Далее я говорю, что в каждом поступке соблюдай:
Пусть никто ни словом, ни делом не заставит тебя
Сделать или сказать то, что для тебя не лучше.
Думай, прежде чем действовать, чтобы не наделать глупостей.

Ибо необдуманые поступки и слова - клеймо каитифа.
Но решительно делай то, что не принесет сожаления.
Не делай ничего, чего бы ты не знал, но учись должным образом.
И тогда жизнь твоя будет пронизана счастьем.

Не пренебрегай здоровьем своего тела;
Но в меру употребляй питье, пищу, упражнения...
Я подразумеваю под "мерой" то, что не приносит беды.

Веди чистый и простой образ жизни,
И берегись таких поступков, что зависть порождают.
Тогда, если, оставив тело, ты устремись
В свободный эфир, ты будешь без смерти,
Богом бессмертным, бессмертным никогда!

В этой системе следует отметить шесть вещей: (1) Всеобъемлющий характер, поскольку она учитывает всю природу человека - тело, душу и дух, привязанности, интеллект и волю, а также все его отношения к богам и людям, к себе и природе: (2) Целеустремленность, поскольку она обещает счастье здесь и блаженство в будущем, как награду за правильную жизнь: (3) Его благочестие, поскольку он везде признает необходимость божественной помощи: (4) Его признание науки, как понимания природы и оснований множественности и единства: (5) Его акцент на правильных поступках, как условии правильного знания: (6) Вера в божественность и совершенство человека. Любопытно, что в поэме нет ни одного упоминания о доктрине метемпсихоза, которая, очевидно, могла бы послужить мощной моральной санкцией.

То, что система Пифагора, сочетающая в себе религиозные, мистические, научные, этические и социальные тенденции эллинского ума, оказала глубокое и неизменное влияние, не должно нас удивлять. Мы находим глубокие следы этого влияния не только во всей последующей греческой мысли, но даже в иностранных системах, таких как эссенизм, элементами которого были древнееврейский назарейство и греческое пифагорейство. Отношения между эссенизмом и христианством до сих пор не определены. О влиянии учения Пифагора на Эпаминондаса я уже говорил.

ГЛАВА V

ИОНИЙСКОЕ ИЛИ АФИНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Позвольте мне теперь рассказать о старом воспитании, когда я, произносящий слова справедливости, был в расцвете сил, а самообладание было в почете. Прежде всего, ребенку не позволялось слышать, как он ворчит. Затем все мальчики квартала должны были организованно и в самой скудной одежде промаршировать по улицам к музыкальному мастеру, и это они делали, даже если шел снег, как ячменные шарики. Затем, не сжимая бедер, они принимались репетировать песню - либо "Паллас, могучий город-громовержец", либо "Крик, звучащий далеко",

вкладывая энергию в мелодию, переданную их отцами. А если кто-либо пытался дурачиться или выделять трели, похожие на трудные инфлексии *à la Phrynis*, которые сейчас в моде, то получал хорошую трепку за свои мучения, как оскорбивший Муз. Опять же, у тренера по физкультуре мальчишки, сидя, обязаны были держать ноги перед собой..... А за ужином им не разрешалось ни выбирать лучшую головку редьки, ни выхватывать у старших анис или сельдерея, ни лакомиться рыбой и полевыми костями, ни сидеть со скрещенными ногами..... Мужайся, юноша, и выбери меня, Лучший Разум, и ты узнаешь, как ненавидеть общественную площадь, избегать бань, стыдиться того, что стыдно, проявлять самообладание, когда кто-то обращается к тебе в грубой форме, подниматься со своего места при приближении старших, и не быть хамом своим собственным родителям, или совершать другие непристойные поступки, омрачающие образ Скрамности, или спешить в дом танцовщицы, и, пока ты любишь ее выступлениями, получить удар яблоком от девицы и упасть от своей честной славы, или говорить с отцом в ответ, или, обращаясь к нему как к Иафету, поносить старость, которая создала гнездо для тебя.... Тогда, свежий и цветущий, ты будешь проводить время в гимназиях и не станешь ходить по публичным площадям, изрекая чудовищные шутки, как нынешние молодые люди, или втягиваться в скользкие, гумшонно-бамбуковые споры, а., Спустившись в Академию, с каким-нибудь достойным товарищем вашего возраста, вы начнете беговой матч, увенчанный белым тростником, пахнущий смиласом, досугом и лиственным белым тополем, радуясь весне, когда платан шепчется с кленом. Если ты будешь делать то, что я предписываю, и уделять этому все свое внимание, то у тебя всегда будет хорошо развитая грудь, ясный цвет лица, широкие плечи и короткий язык" - Аристофан, "Облака" (Речь о здравом смысле).

В своих системах воспитания некоторые государства стремятся привить мужественную привычку своему народу с самого детства путем мучительного и трудоемкого обучения, тогда как мы, хотя и живем свободно и естественно, готовы встретить их на честном поле без всякого одолжения. - *Погребальная оратория Перикла (Фукидид)*.

Я никогда не опозорю это священное оружие и не брошу своего товарища в строю. Я буду сражаться за храмы и общественное имущество, как один, так и со многими. Я передам свое отечество не только не меньше, но больше и лучше, чем оно было передано мне. Я буду повиноваться магистратам, которые в любой момент могут оказаться у власти. Я буду соблюдать как существующие законы, так и те, которые народ может единогласно принять в будущем, и, если кто-либо попытается отменить законы или свести их на нет, я сделаю все возможное, чтобы помешать ему, и буду защищать их как один, так и со многими (всеми?). Я буду чтить религию моих отцов. И призываю в свидетели Аглароса, Эниалия, Ареса, Зевса, Талло, Авкса и Гегемона. Клятва *афинского эфебая*.

Подумайте, афинские мужи, как тщательно Солон, древний законодатель, Дракон и другие законодатели того времени заботились о воспитании добрых нравов. Во-первых, они издали законы, обеспечивающие нравственное воспитание наших детей, и в ясных выражениях изложили, чему должен учиться свободнорожденный мальчик и как его следует воспитывать; во-вторых, они издали постановления, касающиеся юношей, и, в-третьих, касающиеся других периодов жизни в их порядке, включая как частных лиц, так и ораторов; и, записав эти законы, они оставили их у вас, назначив вас их хранителями. - *Эсхинс (против Тимарха)*.

Если классифицировать системы образования по их результатам - а они, возможно, являются самым справедливым критерием, - то "Старое образование" Афин должно занять очень высокое место. Характер, который она проявила, и подвиги, которые она совершила в первые десятилетия пятого века до нашей эры, недвусмысленно свидетельствуют о ценности подготовки, которой ее граждане подверглись ранее. Эта подготовка, пожалуй, вряд ли может быть охарактеризована лучше, чем словом "пуританская". Люди, сражавшиеся при Марафоне, Саламине и Платеях, были пуританами, обученными в суровой школе бояться богов, уважать законы, своих соседей и самих себя, почитать мудрость опыта, презирать комфорт и порок и честно трудиться. Их не усугубляла эстетская культура, не парализовывало абстрактное мышление и не закаляло профессиональное обучение. Их учили быть людьми, друзьями и гражданами, а не просто мыслителями, критиками, солдатами или добытчиками денег. Именно против небольшой группы таких людей тщетно сражались персидские войска.

Естественно, что афинское "Старое воспитание" представляет для нас особый интерес, поскольку в нем, как представляется, в значительной степени была решена проблема, которая должна стоять на первом месте для каждого истинного педагога и друга образования: как можно воспитать сильных, мудрых и добрых людей? По этой причине, а также потому, что мы лучше осведомлены о системе образования в Афинах, чем в любом другом греческом государстве, представляется правильным уделить ей особое внимание, рассматривая ее в качестве исконно греческого образования. Действительно, все, что есть неизменно ценного в греческом образовании, можно найти в афинском, а другие системы представляют для нас в основном лишь исторический интерес.

Сравнивая афинское образование со спартанским, мы сразу же замечаем два больших различия: (1) спартанское образование - государственное, афинское - в основном частное; (2) в Спарте воспитывают для войны, в Афинах - для мира. Что касается первого из них, то небезынтересно, что, хотя многие первые мыслители Греции, включая Платона и Аристотеля, выступали за полностью государственное образование, Афины так и не приняли его или даже не предприняли никаких шагов в этом направлении. Похоже, афиняне инстинктивно чувствовали, что социалистическое образование, освобождая родителей от ответственности за воспитание собственных детей, лишает их сильного морального влияния, подрывает семью и ставит под угрозу свободу. Возможно, пример Спарты был не лишен влияния. Ни один свободолюбивый народ, каким были афиняне, не согласился бы на слияние семьи с государством или на принесение частной жизни в жертву общественному порядку. Что касается второго различия, которое было всепроникающим, то оно разделяло два народа непроходимой пропастью и относило их к двум разным уровням цивилизации. И это было одно из тех различий, которые оба народа полностью осознавали. Если Спарта представляла свой идеал в виде закованного в цепи Ареса, то Афины нашли свой в бескрылой Победе, форме Афины, божества политической и производственной мудрости. Как целью Спарты была сила, так целью Афин была мудрость - мудрый человек в мудром государстве. Под "мудрым человеком" подразумевался тот, чьи все способности тела, души и ума были пропорционально и согласованно развиты; под "мудрым государством" - то, в котором каждый класс населения выполнял свою функцию и занимал надлежащее положение по отношению к остальным, и это без чрезмерного проявления авторитети. Если спартанец, как искусственно прирученный варвар, подчинялся жизни по правилам и командам, то афинянин, как естественно цивилизованный человек, радовался свободной и естественной жизни (*ἀνειμένως διαίτῃσθαι*), управляемой изнутри, а не извне. Сделать такую жизнь возможной было целью афинского образования, которое, вместо того чтобы

стремиться слить человека с государством или разделить их, рассматривало их как необходимые корреляты и стремилось уравновесить их требования.

Стремление Афин выбрать средний курс между социализмом и индивидуализмом проявляется в том, что, хотя у них не было государственной системы образования, они тщательно следили за тем, чтобы их граждане получали образование в духе своих институтов, и, более того, сделали такое образование условием получения гражданства, которое, таким образом, было академической степенью, присуждаемой только после тщательного экзамена. По закону Солона, родители, не давшие своим сыновьям должного образования, теряли всякое право на их поддержку в старости. Кроме того, Афины подвергали всех своих граждан мужского пола систематической подготовке к выполнению гражданских и военных функций, прежде чем разрешить им их выполнять.

Афинское образование состояло из четырех ступеней, соответствующих четырем институтам: (1) семья, (2) школа, (3) гимназия или колледж, (4) государство. Мы можем рассмотреть их по порядку.

(1) Семейное воспитание.

Рождение ребенка рассматривалось афинянами как радостное событие, как нечто, требующее благодарности богам. Это выражалось в семейном празднике, называемом Амфидромия, который отмечался обычно на седьмой день после рождения ребенка. По этому случаю ребенка быстро несли вокруг семейного алтаря и давали ему имя. После этого богам приносилась жертва, мать очищалась, а также выставлялись крестильные подарки. Теперь ребенок становился членом семьи и находился под защитой богов. В течение следующих семи лет он полностью находился в руках родителей и кормилиц, причем последние обычно были рабынями. В течение этого времени его тело было главным объектом заботы, и, похоже, делалось все, чтобы сделать его здоровым и выносливым. Колыбели, похоже, не использовались, и ребенка укачивали на коленях кормилицы. Пока его отлучали от груди, его кормили молоком и мягкой пищей, подслащенной медом. Как только он начинал передвигаться и обращать внимание на внешние предметы, ему давали игрушки - погремушки, куклы из глины или воска, лошадки и т. д., разрешали кататься и копать в песке. Такова была простая гимнастика этого раннего периода. Что касается другого направления воспитания, то оно заключалось главным образом в том, что ребенку пели и рассказывали истории о богах и героях, чудовищах и разбойниках, которыми полна греческая мифология. С их помощью пробуждалось и развивалось воображение ребенка, пробуждались определенные эстетские, этические и национальные склонности. Хотя детей часто пугали определенными поступками и привычками, угрожая, что их утащат боглы, главным этическим средством, очевидно, была строгая дисциплина. Обеспечить хорошее поведение своих детей было первой заботой афинского родителя. Хотя он был не склонен к суровости, он никогда не сомневался, что "кто щадит розгу, тот ненавидит ребенка". Детей никогда не выставляли на показ и не аплодировали их скороспелым или непочтительным высказываниям. Их держали как можно дальше от старших, а когда необходимость заставляла их оказаться в их присутствии, их учили вести себя тихо и скромно. Ни один греческий автор не сохранил для нас сборник умных высказываний или плутовских поступков афинских детей.

Хотя детского сада в те времена не существовало, его место в значительной степени заполняли многочисленные игры, в которые играли дети, частично, по крайней мере, под присмотром своих нянь. Игры играли столь важную роль во всей жизни греческого народа, и особенно афинян, что их значение в воспитании детей было полностью признано, и им

уделялось много внимания. Во время игры характер проявляется более полно, и на него легче и глубже воздействовать, чем в любое другое время; а поскольку вся бодрствующая жизнь ребенка в самые ранние годы посвящена игре, это время, когда формируется характер, и, следовательно, время, требующее самой тщательной заботы. Играя, дети не только упражняют свое тело и сообразительность; они также учатся действовать честно и испытывают радость, которая возникает от дружеского общения и соперничества в общем деле. Более того, поскольку игры не имеют никакой самоцели, они являются прекрасными упражнениями в свободной, бескорыстной деятельности и защитой от эгоистичных и подлых привычек. Все это афиняне прекрасно понимали.

Вероятно, в наши дни дети играют в те игры, которые не были известны в древних Афинах. Однако кажется, что там игры проводились с большей систематичностью и более глубоким пониманием их педагогической ценности, чем у нас. Мы слышим о беге, прыжках, скачках, ловле, ударах и метаниях, гимнастических играх и азартных играх. Мяч, топляк, обруч, качели, пила, скакалка, костяшки были в ходу как в древние, так и в современные времена. Карт, разумеется, не было; да и вообще, азартные игры, хотя и хорошо известные, похоже, редко использовались детьми. Вряд ли стоит упоминать, что одни игры были свойственны мальчикам, а другие - девочкам, и что последние были менее грубыми, чем первые. Несомненно, игры, в которые играли в городе, где у детей было мало шансов выйти за пределы своего дома, отличались от тех, в которые играли в деревне, где была почти полная свобода гулять на свежем воздухе. Мы всегда должны помнить, что зажиточные афинские семьи большую часть года проводили в своих загородных домах, которые, за редким исключением, находились так близко от города, что до них можно было дойти пешком за один день. Такая загородная жизнь оказала заметное влияние на воспитание афинских детей.

(2) Школьное образование.

Примерно в семь лет афинский мальчик, после того как его внесли в список будущих граждан в храме Аполлона Патрооса и сделали членом *phratia*, отправлялся в школу, вернее, в две школы - музыкальную и физкультурную. Туда и обратно его всегда сопровождал *педагог*, обычно раб, который нес его письменные принадлежности, лиру и т. д. (учебников не было), и от него требовалось беспрекословное послушание. Мальчики каждого квартала города собирались каждое утро в определенном месте и шли в школу, как маленькие солдаты, в строю. Они почти не носили одежды, даже в самую холодную погоду, и должны были вести себя на улицах очень скромно. Занятия в школе были очень долгими: они начинались рано утром и продолжались до позднего вечера. Солон считал необходимым ввести закон, запрещающий школьным учителям открывать свои школы до восхода или после захода солнца. Таким образом, получается, что мальчики после семи лет проводили весь день в школе и таким образом рано лишались влияния своих матерей и сестер, что не могло не отразиться на нравственности.

Есть несколько интересных моментов, связанных с жизнью афинской школы, о которых наши сведения настолько скудны, что мы остаемся в некотором сомнении относительно них. Например, хотя совершенно очевидно, что в Афинах не было системы общественного обучения, не так уж ясно, что она не владела школьными зданиями. Опять же, нет уверенности в том, что музыка (включая письмо) и гимнастика преподавались или не преподавались в одном и том же месте. В-третьих, есть некоторые сомнения относительно количества и порядка часов, отведенных на каждое из двух направлений обучения. В отношении этих моментов я могу высказать только то, что кажется мне наиболее вероятным.

Что касается школьных зданий, то автор фрагментарного трактата *"Афинское государство"*, который в настоящее время приписывается Ксенофону, но, вероятно, был написан еще в 424 г. до н. э., прямо говорит нам, что "народ (δῆμος) строит себе много палестр, гардеробных, бань, и народ пользуется ими больше, чем немногие зажиточные". Если мы предположим, что некоторые из этих палестр предназначались для мальчиков, как мы, очевидно, имеем на это право, мы должны заключить, что некоторые, по крайней мере, если не все, школы для телесного воспитания были общественными зданиями, сдаваемыми государством в аренду учителям. Как и все большие гимназии, некоторые из них, а возможно, и все, располагались за пределами городских стен и имели при себе сады. Были ли музыкальные школы такими же, сомнительно, и это подводит нас ко второму вопросу - преподавались ли эти две отрасли образования в одном и том же месте. То, что они не преподавались в одной комнате или одним и тем же человеком, достаточно ясно; но из этого не следует, что они не преподавались в одном здании или, во всяком случае, в одном и том же закрытом помещении. Хотя, кажется, ни у одного древнего автора нет прямого утверждения на этот счет, я думаю, есть достаточные основания для вывода, что, по крайней мере, в целом их так учили. Если мы обнаружим, что Антистен, Платон и Аристотель, о которых можно сказать, что они ввели систематическое "высшее образование" в Афинах, открывали свои школы в больших общественных гимназиях, которые посещали юноши и мужчины, мы можем с уверенностью заключить, что низшее умственное образование было не отделено от физического. В *"Лисисе"* Платона мы видим, как несколько молодых людей выходят из палестры за городскими стенами и приглашают Сократа войти, рассказывая ему, что их занятие (διδασκαλία) состоит в основном в дискуссиях (τὰ πολλὰ ἐν λόγοις), и что их учитель - некий Микк, его поклонник. Сократ признает в нем способного "софиста" - термин, никогда не употреблявшийся по отношению к тренерам. Войдя в зал, Сократ обнаруживает несколько мальчиков и юношей (νεανίσκοι), играющих вместе, причем первые только что закончили жертвоприношение. Из этого, по-видимому, прямо следует, что в палестрах давалось интеллектуальное образование. Если это так, то мы можем, я думаю, сделать вывод, что в Афинах школы обычно находились за пределами городских стен, хотя в некоторых других городах ситуация, конечно, была иной.

Что касается нашего третьего вопроса, то очевидно, что, если бы мальчики проводили весь день в одном месте, было бы легче с пользой разделить его между музыкальным обучением и гимнастикой, чем если бы они проводили одну часть дня в одном месте, а другую - в другом. Как именно он распределялся, мы не знаем, и я не сомневаюсь, что многое зависело от представлений родителей и тенденций разных эпох. Из некоторых жалоб Аристотеля совершенно ясно, что в Афинах родители пользовались большой свободой в этом вопросе. В любом случае, поскольку, как мы знаем, учебные заведения были открыты весь день, представляется более чем вероятным, что один класс мальчиков брал уроки гимнастики в один час, другой - в другой, и так же было с другими отраслями обучения. Не может быть, чтобы школы физической подготовки были пустынями, когда музыкальные школы были на занятиях. Я думаю, есть достаточно оснований полагать, что, как правило, младшие мальчики занимались физическими упражнениями утром, а интеллектуальными - после обеда, причем в случае старших мальчиков порядок был обратным. Сколько времени в школе отводилось на уроки и сколько на игры, совершенно не ясно; но я склонен думать, что время игр было по крайней мере таким же долгим, как и время работы. Школы были для мальчиков тем же, чем агора и гимназия были для взрослых мужчин, - местом, где проходила их жизнь.

Прежде чем мы рассмотрим отдельно эти два направления афинского образования, можно упомянуть несколько общих для них фактов. Прежде всего, у них была общая цель - воспитать

людей независимых, но уважаемых, свободолюбивых, но законопослушных, здоровых душой и телом, ясных в мыслях, готовых к действию и преданных своей семье, своему отечеству и своим богам. В отличие от римлян, афиняне стремились подготовить своих сыновей к самостоятельному гражданству в как можно более раннем возрасте. Во-вторых, мотивы, которыми руководствовались оба подразделения, были одинаковыми: страх перед наказанием и надежда на награду. Как мы уже видели, афинский мальчик, если он плохо себя вел, не избегал розги. В противовес этому, когда он хорошо себя вел, его безостановочно хвалили, не говоря уже о более существенных вещах. Воспитание, как и все остальное в Греции, принимало форму соревнования. Гомеровская строка (*Il.*, vi, 208; xi, 784),

"Смотри, чтобы ты всегда был лучшим и выше всех других выделялся".

была девизом афинянина во всем. В-третьих, в обоих государствах главной целью была реализация способностей, а не их приобретение. Простое обучение и исполнение почти повсеместно презирались в старое время, в то время как ум и способности вызывали всеобщее восхищение. В-четвертых, в обоих отделениях уделялось самое пристальное внимание поведению учеников, чтобы оно было мягким, достойным и разумным. В-пятых, образование в обеих его ветвях было призвано дать людям возможность достойно и общительно проводить свой досуг, а также подготовить их к тому, что можно назвать их практическими обязанностями в семье, обществе и государстве. Изобразительные искусства, по мнению греков, служили достойным развлечением для образованных людей (*παιδείουμένοι*).

(α) Музыкальное (и литературное) обучение.

Хотя греческое слово "музыка" (*μουσική*) в более поздние времена стало иметь расширенное значение, в эпоху, о которой мы рассказываем, оно включало в себя только музыку в нашем смысле и поэзию - две вещи, которые тогда не разделялись. Аристофан в 422 г. до н. э. все еще может рассчитывать на аудиторию, готовую посмеяться над идеей преподавания астрономии и геометрии, как над вещами, слишком далекими от человеческих интересов ("*Облака*", vv 220 sqq.). Поэзия состояла в основном из эпосов Гомера и Гесиода, элегий Тиртея, Солона, Феогниса и т. д., ямбиков Архилоха, Симонида и т. д., а также песен многочисленных лириков - Терпандра, Ариона, Алкея, Алкмана, Сапфо, Симонида и т. д. Музыка была простой, призванной "подсластить" (*ῥδύνειν*) слова и раскрыть их смысл. Фактически, музыка и поэзия всегда сочинялись вместе, так что поэт обязательно был и музыкантом. То, что мы называем "гармонией", было неизвестно в греческой музыке во все времена, а инструментальная музыка почти полностью сводилась к сольной игре.

Говоря об афинском, да и обо всем греческом образовании, крайне важно понимать, что интеллектуальная и нравственная его часть имеет своим началом музыку и поэзию. Это ядро, вокруг которого собирается все остальное; это то, что определяет его характер, влияние и идеал. Культура, в отличие от природы, является материалом афинского интеллектуального и нравственного воспитания; и под этим подразумевается не история или теория культуры, как она может быть изложена в прозе, а сама культура, воплощенная в идеалах и формах поэзии, овеянной музыкой, обращенной к эмоциям, которые возбуждают волю, а также к интеллекту, который направляет ее.

Сделав произведения великих поэтов греческого народа материалом для своего образования, афиняне достигли целого ряда целей, труднодостижимых никакими другими средствами. Дело в том, что древняя поэзия Греции, с ее законченной формой,

героическими сказаниями и характерами, рассказами о народах, далеких во времени и пространстве, мужественностью и пафосом, прямой и простотой, благочестием и мудростью, уважением к закону и порядку, в сочетании с восхищением личной инициативой и достоинством, в руках внимательного и гениального учителя давала материал для полноценного образования, равного которому не найти даже в наши дни. Какое обучение этике, политике, социальной жизни и мужественному поведению не нашло бы достойного применения в гомеровских поэмах, не говоря уже о географии, грамматике, литературоведении и истории, с которыми связано их постижение? В какой здоровый, несентиментальный, свободный мир вводили эти поэмы греческого мальчика с богатым воображением! Какие великолепные идеалы мужественности и женственности они представляли для его восхищения и подражания! От Гесиода он узнает все, что ему нужно знать о своих богах и их отношении к нему и его народу. Из элегических поэтов он почерпнул бы фонд политической и социальной мудрости, а также стимул к патриотизму, который сделал бы его хорошим человеком и хорошим гражданином. У ямбических поэтов он научится энергично выражать свое негодование по поводу подлости, слабости, несправедливости и тирании, а у лирических поэтов он научится языку, подходящему для всех гениальных чувств и порывов человеческого сердца. А читая или напевая все это, как развивались бы его способность к краткому, идиоматическому выражению, чувство поэтической красоты и слух к ритму и музыке! Каким сокровищем примеров всех добродетелей и пороков, каким фондом эпиграмматических выражений была бы снабжена его память! Как хорошо он был бы знаком с характером и идеалами своего народа, как глубоко сочувствовал бы ему! И все это было возможно еще до появления письма. С этим событием начинается новая эра в образовании. Теперь мальчик не только заучивает и декламирует своего Гомера, поет своего Симонида или Сапфо, но и учится записывать их стихи под диктовку, а значит, сразу читать и писать. Именно так и приобретались эти два (для нас) фундаментальных искусства. Как только мальчик мог обвести пальцем на песке или нацарапать стилусом на воске формы букв и соединить их в слоги и слова, он начинал писать стихи под диктовку своего учителя. Урок письма сегодня был уроком чтения, декламации или пения завтра. Каждый мальчик заводил себе книгу для чтения, и если она оказывалась неразборчивой, а при чтении он спотыкался, то винить в этом следовало только себя. Греки, особенно афиняне, придавали большое значение хорошему чтению, декламации и пению, и на юношу, который не умел делать все эти три вещи, смотрели как на некультурного. Он также не мог скрыть свою некультурность, поскольку молодых людей постоянно призывали, как дома, так и на более или менее публичных собраниях, исполнять свою роль в общественных развлечениях.

Сугубо музыкальное обучение этого периода почти полностью ограничивалось простыми, сильными дорическими песнями, исполняемыми под аккомпанемент, который играли на инструменте, очень похожем на современную гитару (λύρα, κιθάρα). Сложные и духовые инструменты были непопулярны, а более мягкие и волнующие виды музыки, лидийская, фригийская и т. д., еще не были введены, по крайней мере, в школах. Мастерство и исполнение, которые требовались от профессиональных игроков, обычно рабов или иностранцев, считались недостойными свободного человека и гражданина, и поэтому к ним не стремились. Как ни любили афиняне изящные искусства, они всегда считали профессиональное мастерство в любом из них, кроме поэзии и музыкальной композиции, несовместимым с тем достоинством и добродетелью, которые они требовали от свободного гражданина. Уважающий себя афинянин не позволил бы своему сыну стать профессиональным музыкантом, как не позволил бы ему стать профессиональным акробатом.

Нам трудно понять, как греки относились к музыке. Как ни уступала их музыка нашей во всех технических аспектах, она оказывала на их жизнь такое влияние, о котором мы можем составить лишь слабое представление. Для них она была деймонической силой, способной пробуждать или усмирять страсти, а значит, использоваться для бесконечного добра или зла. Неудивительно, что в воспитании они стремились использовать те виды, которые способствовали "очищению" (κάθαρσις), и избегали возбуждающих, сентиментальных или женоподобных! Неудивительно, что они не одобряли отрыв музыки от интеллектуального элемента, заложенного в словах, и превращение ее в простую эмоциональную или чувственную роскошь! Греки рассматривали музыку не как моральную силу (фраза, которая для них, считавших мораль делом воли, не имела бы никакого значения), а как силу, чьей задачей было, очищая и гармонизируя человека, сделать его пригодным для нравственного воспитания. Музыка, по их мнению, приносила гармонию сначала в самого человека, прекращая конфликт между его страстями и разумной волей, а затем, как следствие, и в его отношения с окружающими. Гармония внутри считалась условием гармонии снаружи.

В период, о котором я говорю, еще не проводилось различия между музыкой и литературой (ὑράμματα), и обе они преподавались *кифаристами* (κιθαριστήρ). Действительно, термин "учитель литературы" (ὑράμματιστής) тогда еще не был придуман. Но кифарист не только преподавал литературу: он также обучал элементам арифметики, что было не так уж сложно, учитывая неуклюжие обозначения, которые тогда использовались. Для этого использовались камешки, ящик с песком или абакус, похожий по принципу действия на тот, который сегодня используют игроки в бильярд для подсчета ударов.

Что касается школьных помещений в древних Афинах, то они были очень просты, скорее, это были открытые солнцу и ветру веранды, чем комнаты в современном понимании. В них почти не было мебели. Мальчики сидели на земле или на низких скамьях, похожих на ступеньки (βάθρα), а учитель занимал высокий стул (θρόνος). Скамьи мыли, по-видимому, каждый день, используя губки. Единственным украшением школьных помещений, по-видимому, были статуи или статуэтки муз и Аполлона, а школьные праздники или выставки считались праздниками в их честь. Действительно, в Греции любой праздник рассматривался как акт поклонения какому-либо божеству. Главным школьным праздником, по-видимому, была *Мусея* (μουσεῖα), на которой мальчики читали и пели.

(β) *Гимнастика или телесная тренировка.*

Под термином "*гимнастика*" (γυμναστική) греки обычно подразумевали все, что связано с культурой тела. Цели, которые афиняне стремились достичь с помощью этой отрасли образования, были здоровье, сила, ловкость, легкость, самообладание и твердая, достойная осанка. Некоторым мальчикам, намеревавшимся принять участие в Олимпийских и других великих играх, разрешалось тренироваться в качестве атлетов под руководством гимнаста (γυμναστήρ, ἀλείπτης) в общественных гимназиях и под руководством государства; но это были исключения. В Афинах атлет не был идеальным человеком, как в Фивах и Спарте.

Гимнастические упражнения проводились частично в палестрах, или школах борьбы, частично на скаковых дорожках, и в обоих случаях под руководством профессиональных тренеров (παίδοτρίβαι). В ранние времена палестра и ипподром были просто открытым пространством, покрытым песком и, вероятно, связанным со школой (διδασκαλεῖον), что соответствует нашей игровой площадке. Позже это пространство было частично засыпано и обставлено раздевалками, баней, местами для зрителей, алтарем для жертвоприношений, статуями и т. д. Из пяти гимнастических упражнений, которым обучали мальчиков, все, кроме борьбы, проводились на ипподроме, так что палестра была предназначена для того, что

подразумевает ее название. Ни в коем случае нельзя с уверенностью утверждать, что каждая палестра была связана с ипподромом, по крайней мере, в то время, о котором мы говорим, и, возможно, во многих случаях мальчики выполняли часть своих упражнений на общественном ипподроме, проходящем от агоры и за ее стенами. Как школьный зал был украшен изображениями Аполлона и муз, так и палестра была украшена изображениями Гермеса, Геракла и Эроса, символизирующих, соответственно, ловкость, человеческую силу и юношескую дружбу. Особым покровителем палестры был Гермес, и гимнастическая выставка проходила в форме праздника в его честь, Гермеи, на котором приносилась жертва и мальчикам разрешалось пользоваться зданием для игр, а победителям надевались короны.

В работе такого объема было бы невозможно подробно описать все упражнения афинской палестры. Мы должны довольствоваться общим изложением, которое можно предварить замечанием, что эти упражнения сначала были легкими, постепенно увеличивая их строгость и сложность по мере того, как позволяли силы и навыки растущего ребенка.

Главных гимнастических упражнений было пять, названных в таком порядке в знаменитой строке Симонида: (1) прыжки, (2) бег, (3) метание диска, (4) метание копья, (5) борьба (πάλη), которая дала название палестре. Мы не будем строго следовать этому порядку, а начнем с

(1) *Бег* - это самое простое, легкое, естественное и, следовательно, самое легкообучаемое упражнение. Вероятно, оно было и самым древним. Еще Гомер заставлял своих идеальных феакийцев начинать с него свои игры, и, похоже, эта практика была распространена по всей античности. При выполнении этого упражнения мальчики снимали с себя всю одежду и натирали тело маслом. Бег, по-видимому, был самым простым. Бег с препятствиями, бег в мешках и т. д., по-видимому, исключался из обучения. В то же время бег был затруднен мягким песком, которым была покрыта трасса на глубину нескольких дюймов. Скачки различались в зависимости от их длины в меховых лонгах или стадионах: (1) скачки на фурлонгах, (2) скачки на двойных фурлонгах, (3) скачки на лошадях (четыре фурлонга), (4) длинные скачки, длина которых, по-видимому, составляла двадцать четыре фурлонга, или около трех миль. Стадион составлял 202¼ ярда по английскому стандарту. Более короткие скачки требовали кратковременной концентрации энергии, более длинные - упорства и выносливости; все они были упражнениями на ловкость; все они развивали силу легких.

(2) *Прыжки или скачки*. Это упражнение, похоже, в основном ограничивалось прыжками в длину. Хотя прыжки в высоту и прыжки с шестом вряд ли были неизвестны, у нас нет доказательств того, что они когда-либо использовались в гимнастической подготовке мальчиков. Возможно, их использование было запрещено по гигиеническим соображениям. С другой стороны, мальчиков учили удлинять прыжок с помощью гирь, чем-то похожих на наши гантели, которые носили в руках и раскачивали вперед во время прыжка. Такие прыжки были упражнением для рук, а также для ног и всего тела. Но как есть два упражнения, предназначенные в основном для ног, так есть и два, предназначенные в основном для рук - метание диска и метание копья.

(3) *Метание диска*. Современный мир познакомился с методом этого упражнения благодаря копиям *дискобола* Мирона, сохранившимся в Риме, с большим количеством гравюр и фотографий, и *дискобола* Алкамена, который сейчас находится в Ватикане (см. Overbeck, *Griech. Plastik* vol. i, p. 276). Диск обычно представлял собой плоский, круглый кусок камня или металла, что-то вроде большого квоита без отверстия в середине, который пользователь стремился забросить как можно дальше. На дискоболе Алкамена изображен юноша,

балансирующий с диском в левой руке и оценивающий глазом меру своего броска; на дискоболе Мирона - другой юноша в процессе метания. Он откидывает диск назад в правой руке и наклоняет тело вперед, чтобы уравновесить его. Его правая нога, пальцы которой сжаты от усилия, твердо стоит на земле; левая слегка приподнята; все тело напоминает согнутый лук. В следующее мгновение левая нога продвигается вперед, левая рука, лежащая теперь на правом колене, отклоняется назад, тело возвращается в прямое положение, и диск выстреливает вперед из правой руки, как стрела. Ничто не может яснее, чем эта статуя, показать идеальную организацию, симметрию и равновесие, которые были целью греческой гимнастики. Ни одна конечность не могла быть сдвинута с места без ущерба для всех остальных, что свидетельствует о том, что упражнения распространялись на все тело.

(4) *Метание копья*. Цель этого упражнения - развить мастерство и точность глаза и руки, а не силу мышц. В качестве инструмента использовался короткий кинжал или копье, которое нацеливалось на метку. Тот, кто мог попасть в цель с наибольшего расстояния, становился самым искусным учеником. Перед броском копье балансировалось в правой руке на высоте уха.

(5) *Борьба* - это очень сложное упражнение, очевидно, было главным в гимнастическом курсе, тем, к которому остальные были лишь подготовкой. Это было единственное упражнение, которое мальчик не мог выполнять самостоятельно. Оно тренировало не только все тело, но и терпение и характер. Целью борца было бросить (καταβλλειν) своего противника. Те, кто принимал участие в этом упражнении, натирали тело маслом и посыпали мелким песком. Похоже, что борцу разрешалось делать со своим противником все, что он пожелает, кроме укусов, ударов или пинков. Прежде чем заявить о своей победе, он должен был трижды бросить его. После состязания борцы соскребали со своего тела масло и пыль, [2] купались, снова натирались маслом, выставляли тело на солнце, чтобы оно высохло и загорело, и одевались. Купание производилось в холодной воде, и как купание, так и загорание отчасти имели целью приучить тело к резкому холоду и жаре, что считалось очень важной частью физической подготовки.

Таковы были основные упражнения, применявшиеся в гимнастической подготовке афинян. До сих пор мы рассматривали эти две ветви образования как отдельные и не соприкасающиеся друг с другом. Но было бы совсем не похоже на грека, и особенно на афинянина, оставлять эти два направления образования не связанными и негармоничными. И действительно, он не оставил их, а объединил самым восхитительным образом в то, что он называл *орхезис*, слово, для которого у нас нет лучшего эквивалента, чем

(γ) *Танцы* (ὄρχησις, χορός).

"Танцоры, - говорит Аристотель, - с помощью пластических ритмов (ритмов, воспроизведенных в пластических формах) имитируют характеры, чувства и действия". Ксенофонт в своем *"Анабасисе"*, описывая пир, который проходил в диких землях Пафлагонии, говорит: "После того как договор был ратифицирован и пропет пеан, сначала поднялись два фракийца и танцевали в доспехах под флейту, высоко и легко прыгая и используя свои мечи. Наконец один из них ударил другого, так что все подумали, что он его ранил; но он упал искусственным образом. Тогда пафлагонцы подняли крик, но нападавший, лишив упавшего доспехов, вышел, распевая ситалки. Тогда другие фракийцы вынесли другого, как будто он был мертв, но ему не стало хуже. Затем некоторые эниане и магнезийцы встали и станцевали так называемую "Карпею" в доспехах. Танец выглядел так: один человек, расставив руки, сеет и управляет упряжкой, часто оборачиваясь, как бы боясь. Затем появляется разбойник. Как только другой замечает его, он хватает его за руки, продвигается

к нему и сражается перед упряжкой. И оба они делали это в такт флейте. Наконец разбойник, связав другого, уносит и его, и упряжку; иногда, наоборот, пахарь связывает разбойника, и тогда тот привязывает его со связанными за спиной руками к своим волам и уезжает". Далее следует еще несколько танцев, исполняемых людьми разных национальностей; но уже приведенных цитат достаточно, чтобы показать, что греческий ὄρχησις сильно отличался от наших танцев. Это был, по сути, пантомимический балет, перемежающийся с *tableaux vivans*.

В упомянутых танцах используется флейта, и игрок не мог сопровождать ее своим голосом. Но в афинских школах в давние времена флейта и вся музыка без слов были под запретом. Поэтому можно не сомневаться, что в них оркестровые выступления сопровождалась лирой, игрок на которой пел словами то, что танцевали танцоры. Очевидно, что в таких представлениях музыкальная (литературная) и гимнастическая ветви образования занимали примерно равные доли. Танец упражнял всего человека, тело и душу, и упражнял их совершенно гармонично. Именно эта гармония, это ритмичное движение тела в согласии с эмоциями души и целями интеллекта и есть *грация* (χάρις). Таким образом, в то время как греки полагались на гимнастику для придания телу силы и стойкости, они обращались к танцам для придания ему куртуазности и грации. Платон ставит эти два вида спорта на одну ступень, как части одной дисциплины.

Тот факт, что эти два раздела образования встречались в танцах, доказывает то, что я предположил выше, а именно, что они проводились на одной территории; в таком случае мы можем предположить, что, пока танцевальные упражнения проходили в палестре, музыку ставил музыкальный мастер. Мы знаем, что руководитель хора был государственным служащим, назначаемым демосом, и должен был быть старше сорока лет. В любом случае, достаточно любопытно думать, что афинское, да и вообще греческое, образование завершалось танцами. Но это было вполне логичным результатом; ведь хор - это тип греческой общественной жизни, как мы наиболее ясно видим в "Республике" Платона. Вряд ли стоит говорить о том, что высшая форма греческого искусства, драма, была развитием вакхического или дионисийского хора. Это развитие заключалось в отделении музыки от пантомимы и передаче первой хору, который уже не танцевал, а ходил, а второй - актерам, которые добавляли к ней диалог. Греческая жизнь делилась на три части - гражданскую, военную, религиозную. Музыка и письмо были подготовкой к первой, гимнастика - ко второй, а танцы - к третьей. Танцы играли важную роль в греческом культе, и можно сомневаться, что свободные афиняне когда-либо танцевали, кроме как "перед богами" - ἐν ταῖς πρὸς τοὺς θεοὺς προσόδοις, как говорит Ксенофонт.

В отношении афинских школ остается рассмотреть два момента: (1) грация и (2) праздники. Что касается первого, то практика, вероятно, была различной в разные времена; но нам кажется оправданным предположить, что в то время, о котором я говорю, существовало только два класса, мальчики (παῖδες) и юноши (νεανίσκοι). О них Платон упоминает в "Лисисе" как о празднующих Гермю вместе в палестре. К первому классу относились мальчики от семи до одиннадцати лет, ко второму - от одиннадцати до пятнадцати. Что касается праздников, то это, по-видимому, были просто дни праздников великих богов, когда всевозможные дела приостанавливались. Таких дней ежегодно насчитывалось около девяноста.

(3) Образование в колледже.

Примерно в то время, когда он расцветал и становился мужчиной, то есть где-то между четырнадцатью и шестнадцатью годами, афинский мальчик старого времени переходил из частной школы и палестры, которые относились к семейной стороне жизни, в гимназию,

которая принадлежала государству, и в которой он получал образование, рассчитанное на то, чтобы подготовить его к обязанностям гражданина. Получив в семье и школе образование джентльмена (καλοκάγαθος), он теперь должен быть подготовлен как гражданин, способный выполнять законодательные, судебные и военные функции. Государство заботилось о том, чтобы он получил такое образование, если его родители хотели и могли себе это позволить.

Во времена Солона, около 590 г. до н. э., в обширных рощах за городскими стенами были возведены две большие гимназии - Академия и Синосаргес. Впоследствии эти рощи были обнесены высокими стенами, оборудованы сиденьями и другими удобствами и превращены в городские парки. Академия, расположенная к северо-западу от города, в долине Кефиса, и находившаяся под покровительством Афины, была местом отдыха полнокровных граждан, в то время как Киносирх, расположенный к востоку от города, у подножия Ликабетта, был предназначен для тех, в чьих жилах текла чужая кровь, то есть у кого только один родитель был чистокровным афинянином. Этот гимнасий находился под покровительством Геракла, поклонение которому всегда подразумевало присутствие чужеродного и побежденного элемента. Это были две единственные гимназии, принадлежавшие Афинам до времен Перикла. Вероятно, они были разрушены персами в 480 году, после чего их пришлось отстраивать заново, а рощи засаживать.

В то время как дети почти всех свободных граждан Афин посещали школу и палестру, ясно, что только молодежь из богатых классов посещала гимнасий. Одним из результатов этого было то, что управление и должности в государстве перешли исключительно в руки этих классов; возможно, именно для того, чтобы провести такое разделение, не вводя никаких сословных законов, проницательный Солон учредил гимнасии, которые таким образом стали оплотом против демократии.

Как только афинского юношу отдавали в гимнасий, он выходил из-под опеки педагога, представлявшего семью, и попадал под непосредственный надзор государства. Теперь он мог свободно ходить, куда ему вздумается, посещать агору и улицы, театр, в котором ему было отведено место, и непосредственно знакомиться со всеми подробностями общественной жизни. В гимназии он передавался в руки гимназиста или ученого тренера и в течение следующих двух-трех лет подвергался самым суровым упражнениям, борьбе, боксу и т. д. Никакого специального положения, кроме того, что он должен был изучать законы, не было сделано для его интеллектуального и морального воспитания. Предполагалось, что он приобретет их в общении со старшими гражданами, которых он встречал на агоре, улице или в общественном парке. Таким образом, в возрасте, который справедливо считается самым критическим, он был почти вынужден вести свободную, беззаботную жизнь на свежем воздухе, полную активности и волнующих происшествий, его мысли и чувства были направлены вовне, в волевые акты, и не были обращены на себя или свои собственные состояния. В то же время он приобретал именно те практические знания этических законов и реальной жизни, которые могли бы лучше всего подогнать его к активной гражданской позиции. Теперь он учился ездить верхом, водить машину, грести, плавать, посещать банкеты, поддерживать беседу, обсуждать самые важные вопросы государственного управления, петь и танцевать в общественных хорах, ездить верхом или ходить в общественных процессиях. Если он злоупотреблял своей свободой и вел себя незаконно или непристойно, его призывал к ответу суровый суд Ареопага, который следил за общественной моралью. Он мало видел девушек своего возраста, за исключением своих сестер, разве что на общественных праздниках, когда не было возможности с ними познакомиться. Поэтому его привязанность выражалась в основном в форме преданной

дружбы с другими юношами его или почти его возраста, и этот факт позволяет нам понять, почему дружба занимает такое большое место не только в жизни, но и в этических трактатах греков - Платона, Аристотеля и других, - и почему любовь в современном понимании играет такую незначительную роль. Дело в том, что даже в Афинах государство посягало на семью. *Республика* Платона была лишь логическим воплощением принципов, которые задолго до этого латентно присутствовали в социальной жизни афинского народа.

Невозможно подробно описать упражнения, которым подвергался афинский юноша в те годы, когда он посещал общественный гимнасий в качестве ученика. Старые упражнения палестры были продолжены, особенно бег и борьба; но первый вид упражнений теперь выполнялся в доспехах, а второй стал более жестоким и дополнился боксом. Фактически, физические упражнения теперь были систематизированы в *пятиборье* - бег, прыжки, метание диска, борьба, бокс - которое составляло программу почти всех гимнастических выставок. В эти годы юноша все еще считался несовершеннолетним, и отец или опекун отвечал за его хорошее поведение. Но когда ему исполнилось восемнадцать лет, произошли изменения, и он перешел под прямой контроль государства. Теперь отец представлял его перед управляющим своего *демоса* (прихода или деревни) в качестве кандидата на получение независимого гражданства. Если он оказывался законным ребенком свободных граждан и соответствовал моральным и физическим требованиям закона, его имя заносилось в реестр демоса, и он становился его членом. Теперь он был готов предстать перед всем народом и сдать государственный экзамен. Он впервые убрал свои длинные волосы и надел черное одеяние гражданина. В таком виде он предстал перед королем-архонтом государства, который на общественном собрании представил его вместе с другими всему народу. Тогда же он вооружался копьем и щитом (их предоставляло государство, если его отец пал на войне) и направлялся в святилище Аглароса, где, глядя на агору, город и аттическую равнину, приносил солоническую клятву гражданства (см. с. 61). Теперь он был технически *эфебом*, кадетом, или гражданином-новичком, готовым пройти те два года суровой дисциплины, которые одновременно вводили его в практические дела и являлись государственным экзаменом. В течение первого года он оставался в окрестностях Афин, занимаясь строевой подготовкой и приобретая знания по военной тактике. Теперь его жизнь стала тяжелой жизнью солдата. Он спал под открытым небом или в сторожевых домиках (*φρουρία*), окружавших город, и в любой момент мог быть призван правительством на помощь в чрезвычайной ситуации. Он также принимал участие в общественных праздниках. В конце года все *эфебои*, прослужившие один год, сдавали экзамен по военной подготовке перед собравшимся народом (*ἀπεδείξαντο τῷ δήμῳ περὶ τὰς τάξεις* [3]), После чего их использовали в качестве ополченцев для охраны пограничных домиков и сельской *жандармерии* (*περίπολοι*), рыскавшей по стране во всех направлениях. Теперь они жили, как солдаты во время войны, и учились двум важным вещам: (1) топографии Аттики, ее дорогам, перевалам, ручьям, источникам и т. д., (2) искусству обеспечения правопорядка. Их жизнь, действительно, очень напоминала жизнь альпийского корпуса (*Alpini*) итальянской армии в наши дни. Они проводят лето, знакомясь с каждой высотой, долиной, перевалом, ручьем и укрытием в Итальянских Альпах, часто проводя несколько дней в бивуаках на больших высотах. То, что в это время *эфебы* должны были принимать какое-либо участие в законодательных или судебных обязанностях граждан, кажется в высшей степени невероятным. Однако в конце второго года обучения они сдавали второй экзамен, называемый экзаменом на гражданство или мужественность (*δοκιμασία εἰς ἄνδρας*), после чего они становились полноправными членами государства.

(4) Университетское образование.

Греческий университет был государством, а греческое государство было университетом - *Cultur-Staat*, как говорят германы. То, что государство - это школа добродетели, было общепринятой точкой зрения в античном мире, которая, пока не начала приходить в упадок, полностью отождествляла человека с гражданином. Влияние этого взгляда на отношение человека к государству и государства к человеку трудно переоценить. Государство требовало от человека дисциплинарного права, которое распространялось на все сферы и действия жизни. Таким образом, сфера морали в точности совпадала со сферой законности, или, говоря иначе, сфера законности распространялась на всю сферу морали, и это считалось верным, какую бы форму ни принимало государство или правительство - монархию, аристократию, демократию и т. д.

Чтобы дать полный отчет об университетском образовании старых Афин, пришлось бы написать их социальную и политическую историю вплоть до Персидских войн. Об этом, конечно, не может быть и речи. Все, что я могу сделать, - это указать на те элементы в государстве, которые позволили ему произвести на свет ту великолепную плеяду благородных людей и совершить те великие дела и поступки, благодаря которым его короткая карьера кажется самым ярким пятном в мировой истории.

Главным из этих элементов и тем, что включало в себя все остальные, был греческий идеал гармонии. Афины были велики как государство и как школа до тех пор, пока воплощали этот идеал, пока распределяли власть и почести в соответствии с достоинствами (ἀρετή) интеллектуальными, моральными, практическими; одним словом, пока государством управляли лучшие граждане (ῥῆστοι), а остальные признавали их право на это. Не выдерживая утверждений Гроте и других, можно сказать, что Афины были великими потому и до тех пор, пока были аристократическими (в античном смысле), и погибли, когда отказались от своего основного идеала, став демократическими. Это утверждение не должно восприниматься как оскорбление демократии как таковой или как отрицание того, что Афины, погибнув, проложили путь к более высокому идеалу, чем ее собственный. Оно просто констатирует факт, который можно легко обобщить, не теряя при этом своей истинности: институт погибает, когда отказывается от принципа, на котором он был основан и выстроен. Если мы не будем помнить об этом, то совершенно не поймем урока афинской истории. Если утверждать, что некоторые из самых благородных дел Афин были сделаны при демократии, то достаточным ответом будет то, что почти все они были сделаны людьми, сохранившими дух старой аристократии и ожесточенно противостоявшими демократии. Нам нужно назвать только Эсхила, Софокла, Аристофана, Платона, Аристотеля, Демосфена.

Часть II

НОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ (480-338 гг. до н. э.)

ГЛАВА I

ИНДИВИДУАЛИЗМ И ФИЛОСОФИЯ

Гомера следует изгнать из списков и выпороть, и Архилоха тоже.

Ты должен обладать знанием всех вещей,
Сначала о непоколебимом ядре Истины, которая заставляет убеждаться,
Затем - о представлениях смертных, в которых истинное убеждение не пребывает.
-Парменид.

Все вещи были неразличимы: потом пришел интеллект и привел их в порядок, -
Анаксагор.

Человек - мера всех вещей.

Что касается богов, то я не могу знать, есть они или нет - Протагор.

Стрепсиад. Разве ты не видишь, как хорошо иметь знания? Нет никакого Зевса,
Фидиппид!

Фидиппид. Кто же тогда есть?

Стрепс. Вихрь правит, свергнув Зевса.

Фид. Фу, какая чушь!

Стрепс. Можешь считать это правдой, все равно.

Фид. Кто это говорит?

Стрепс. Сократ Мелианский и Херефон, знающий следы блох, - Аристофан,
"Облака".

Есть старинное поверье, издавна бытовавшее среди смертных, что счастье человека в том, что он, достигнув зрелого возраста, рождает и умирает не бездетным, и что от Фортуны исходит ненасытная горе для всего его рода. Но я, не соглашаясь со всеми остальными, один отличаюсь умом. Непримируемый поступок порождает себе подобных. Ибо праведным домам навеки принадлежит справедливый детский жребий; но старое Безрассудство непременно породит Безрассудство, зарождающееся среди злых людей, когда наступит час сочтения. А новое Безрассудство порождает избыток богатства, и силу, превосходящую все битвы, превосходящую все войны, нечестивую Дерзость, двойные проклятия, черные для домов, как и для их родителей. Но Справедливость сияет в дымных домах, и чтит праведную жизнь, и, оставляя, отводя глаза, фундаменты, позолоченные нечистотой рук, она приближается к святым вещам, не почитая власть богатства с его поддельной печатью хвалы. И воля ее исполнена.

С самого детства и до самой смерти мы учим и наставляем их. Как только ребенок понимает, что ему говорят, его няня, его мать, его педагог и даже его отец соперничают друг с другом в попытках сделать из него все самое лучшее, что можно сделать, на каждом слове и деле наставляя его и предупреждая: "Это правильно", "Это неправильно", "Это красиво", "Это безобразно", "Это праведно", "Это грешно", "Делай так", "Не делай так". И если ребенок с готовностью подчиняется - хорошо, а если нет, то с ним обращаются как с гнутой и перекошенной палкой, выпрямляя его угрозами и ударами. Позже они отправляют его в школу, где накладывают на учителей свои предписания уделять гораздо больше внимания хорошему поведению своих сыновей, чем письму и музыке (κῆθάρις); и учителя действуют в соответствии с этими предписаниями. Позже, когда они научатся читать и начнут понимать смысл написанного, как раньше понимали то, что им говорили, они

сажают их на скамьи для чтения произведений хороших поэтов и настаивают, чтобы они выучили их наизусть - произведения, содержащие множество наставлений, повествований, благородных поступков и восхвалений достойных людей древности - их цель - пробудить честолюбие мальчика, чтобы он подражал этим людям и стремился быть достойным таким же образом. Учителя музыки, следуя той же линии, стараются привить мальчикам самоконтроль (σωφροσύνη) и предотвратить их от озорства. Кроме того, когда они научатся играть на лире, их наставники учат их другим стихам, написанным великими лирическими поэтами, заставляя их петь их и играть аккомпанемент к ним, и заставляя их работать в своих душах ритмы и мелодии их, чтобы они могли расти в мягкости, и, имея свои натуры приуроченными и настроенными, могли быть приспособлены к речи и действию. По правде говоря, вся жизнь человека нуждается в подборе времени и настройке. Более того, в дополнение ко всему этому родители отправляют своих сыновей к физическому тренеру, чтобы их тела совершенствовались и становились способными поддерживать благородное намерение, а сами они не были вынуждены из-за физической деградации играть труса на войне или в других (серьезных) делах. И те, кто может позволить себе дать такое образование, дают его больше всего, а это самые богатые люди. Их сыновья раньше всех идут в школу и позже всех ее заканчивают. И когда мальчики покидают школу, государство настаивает на том, чтобы они изучали законы и жили по ним, а не по собственному капризу... А если кто-то нарушает эти законы, государство его наказывает... Видя, что добродетели уделяется так много внимания как в семье, так и в государстве, не задаешься ли ты, Сократ, вопросом, можно ли научить добродетели? Конечно, тебе следовало бы не удивляться этому, а спросить, *нельзя ли этому научить*" - Платон, *Протагор* (слова *Протагора*).

"Правда ли, Лизис, - сказал я, - что твои родители очень любят тебя?" - "Конечно", - ответил он. - "Значит, они хотели бы, чтобы ты был как можно более счастлив?" - "Конечно", - сказал он. - "А как вы думаете, счастлив ли человек, который находится в рабстве и которому не позволено делать все, что он пожелает?" - "Разумеется, нет", - сказал он. - "Тогда, если ваши отец и мать любят вас и желают вам счастья, они всеми силами стараются сделать вас счастливым." "Конечно", - сказал он, - тогда они позволяют тебе делать все, что ты пожелаешь, и никогда не укоряют тебя и не мешают тебе делать то, что ты хочешь". "Ей-богу, мешают, Сократ: они мешают мне делать очень многое". "Что ты имеешь в виду, - сказал я, - они хотят, чтобы ты был счастлив, и все же мешают тебе делать то, что ты хочешь? Давайте рассмотрим пример: Если ты захочешь ехать в одной из колесниц твоего отца и держать поводья, когда она будет участвовать в скачках, разве они не разрешат тебе, или они будут препятствовать тебе?" - "Ей-богу! Нет: они не разрешат мне", - сказал он. "Но почему они должны это делать? Есть возница, которого нанял мой отец". "Что ты имеешь в виду? Они позволяют наемному человеку, а не вам, делать с лошадьми все, что ему заблагорассудится, и к тому же платят ему жалованье?" - "А почему бы и нет?" - сказал он. - "Ну тогда, полагаю, они позволяют вам управлять упряжкой мулов, и если бы вы захотели взять кнут и хлестать их, они бы разрешили вам." - "Как они могут?" - сказал он. - "Что?" - сказал я: "Разве никому не позволено хлестать его?" - "Конечно", - сказал он, - "погонщику". "Рабу или свободному человеку?" - "Рабу", - сказал он. "И, похоже, они больше думают о рабе, чем своем сыне, и доверяют свое имущество ему, а не тебе, и позволяют ему делать все, что ему угодно, тогда как тебе они препятствуют. Но, кроме того, скажите мне вот что. Позволяют ли они тебе самому управлять собой или даже не доверяют тебе этого?" -

"Как доверяют?" - сказал он. - "Тогда кто-то управляет тобой?" - "Да, мой педагог", - сказал он. - "Но он, конечно, не раб?" - "Конечно, наш раб", - сказал он. - "Не странно ли, - сказал я, - что свободным человеком управляет раб? Но, продолжим, что делает этот педагог, когда управляет тобой?" - "Отводит меня к учителю, или что-то в этом роде", - сказал он. - "А эти учителя, не может быть, тоже управляют тобой?" - "В любой степени". - "Значит, твой отец любит ставить над тобой множество хозяев и управляющих; но, конечно, когда ты идешь домой к матери, она позволяет тебе делать то, что тебе нравится, чтобы ты был счастлив, или с нитками, или со станком, когда она ткет - не так ли? Она, конечно, ничуть не мешает тебе обращаться с тесьмой, гребнем или любым другим инструментом, используемым в прядении" - И он, смеясь, сказал: "Ей-богу, Сократ, она не только не позволяет мне, но меня бы побили, если бы я до них дотронулся". "Клянусь Геркулесом, - сказал я, - разве не правда, что ты сделал что-то плохое своим отцу и матери?" - "Ей-богу, не я", - сказал он. - "Но по какой же причине они так старательно мешают тебе быть счастливым и делать то, что тебе нравится, и держат тебя целыми днями в рабстве у того или другого человека, не имея возможности делать почти все, что тебе хочется. Кажется, что ты не извлекаешь никакой пользы ни из всего этого богатства, но кто-то управляет им, а не ты, ни из твоего тела, благородно рожденного, но кто-то другой пасет его и заботится о нем. Но ты ничем не управляешь, Лисий, и не делаешь ничего, чего бы тебе хотелось." - "Причина, Сократ, - сказал он, - в том, что я не достиг возраста". - Платон, *Лисий*.

В настоящее время конституция страны находится в следующем состоянии: Гражданство имеют дети, родители которых являются гражданами. Регистрация в качестве члена дема или поселка происходит по достижении восемнадцати лет. Перед этим жители дема под присягой выносят вердикт, во-первых, считают ли они юношу достигшим возраста, требуемого законом, и в случае отрицательного вердикта он возвращается в ряды юношей. Во-вторых, присяжные выясняют, является ли он свободнорожденным и законнорожденным. Если вердикт будет отрицательным, он обращается в Гелиэю, и муниципалитет делегирует пятерых из своего состава, чтобы обвинить его в незаконнорожденности. Если присяжные признают, что он был незаконно предложен в реестр, государство продает его в рабство; если решение будет вынесено в его пользу, он должен быть зарегистрирован как один из членов муниципалитета. После этого реестр рассматривается сенатом, и если обнаруживается, что кому-то нет восемнадцати лет, на муниципалитет, в котором он был зарегистрирован, налагается штраф. После утверждения они называются *эфебоями*, или кадетами, и родители всех, кто принадлежит к одному племени, проводят собрание и после принесения присяги выбирают трех мужчин из племени старше сорока лет, которых они считают достойными и наиболее подходящими для надзора за молодежью, и из них общинники в еkkлeсии выбирают одного надзирателя для всех из каждого племени, а правителя всего корпуса молодежи из общего числа афинян. Они берут их под свое руководство и, посетив с ними все храмы, отправляются в Пирей, где гарнизируют северную и южную гавани, Мунихию и Акте. Общинники также избирают для них двух тренеров по гимнастике и людей, которые учат их сражаться в тяжелых доспехах, стрелять из лука, метать копье и обращаться с артиллерией. Каждый из десяти командиров получает в качестве жалованья драхму (около 20 центов) в день, а каждый из кадетов - четыре обола (около 13 центов). Каждый командир забирает жалованье кадетов своего племени, покупает на него все необходимое для всей группы (ведь они объединяются по племенам) и приобретает

для них все необходимое. Первый год проходит в военных упражнениях. На второй год общины собираются в театре, и кадеты, продемонстрировав перед ними свое мастерство в воинских упражнениях, получают по щиту и копьё и становятся конными дозорными на границе и гарнизонами крепостей. Они несут эту службу в течение двух лет, носят конный плащ и пользуются иммунитетом от гражданских функций. В течение этого периода, чтобы оградить их военные обязанности от прерывания, они не могут быть сторонами ни в качестве ответчика, ни в качестве истца, за исключением исков о наследстве, наследниках или преемниках наследственного священства. По истечении трех лет они становятся обычными гражданами" - Аристотель, *Афинская конституция (версия Постэ, с небольшими изменениями)*.

Идеальная гармония между властью и достоинством, к которой стремилось афинское государство, была чем-то нелегко достижимым или сохраняемым. Как бы далеко ни простиралась его история, мы видим борьбу за власть между партией, обладавшей большей властью, чем оправдывали ее достоинства, и партией, обладавшей меньшей; то есть между партией, которая, будучи когда-то достойной, стремилась удержать власть в силу своей прошлой истории, и той, которая претендовала на власть в силу достоинств, в которые она превращалась: одним словом, борьба между угасающей аристократией и растущей демократией. Разумеется, для партии власти это выглядело как восстание против законной власти и привилегий, и она делала все возможное, чтобы подавить его. Отсюда строгое законодательство Дракона, затем более примирительное, менее откровенное, но столь же аристократическое законодательство Солона, затем тирания Писистрата, длившаяся до тех пор, пока он мог удерживать баланс сил между противоборствующими партиями, затем конституция Клисфена, с разрушением старой афинской аристократической системы, перестройкой племен, деградацией Ареопага и окончательным торжеством демократии. Завершить это движение и как бы освятить его помогли Персидские войны, которые знаменуют собой поворотный пункт, *перипетию*, в афинской истории и образовании. Все усилия аристократии сохранить себя после этого делаются во имя и под прикрытием ревности к демократии.

Аристократическое афинское государство было основано на землевладении, рабстве и полной свободе класса землевладельцев от всех обязанностей, кроме семейных и государственных, от всякой необходимости заниматься производительным трудом. Пока главное богатство государства заключалось в земле и ее продуктах, пока население делилось на два класса - богатых и бедных, и пока первым было нетрудно удерживать всю власть в своих руках. Но не успел рост торговли перебросить богатство в руки класса, который не владел землей и не занимался промышленностью, как этот класс стал претендовать на долю в политической власти. Теперь существовало два богатых класса, стоящих друг против друга: гордый, консервативный, со "старым богатством и ценностью", и тщеславный, радикальный, с новым богатством и желаниями, оба претендующие на благосклонность класса, у которого было мало богатства, мало ценности, и много желаний, и таким образом заставляющие его чувствовать свою значимость. Таково происхождение афинской демократии. Она - дитя торговли и производительной промышленности. Своим окончательным освящением она обязана персидским войнам и особенно битве при Саламине, в которой Афины спас флот, укомплектованный в основном морскими пехотинцами (ἐπιβάται) из низших классов, а высшие классы, как мы видели, были подготовлены только для службы на суше. Таким образом, битва при Саламине была не только победой Греции над Персией, но и победой внешней торговли над домашним сельским хозяйством, демократии над аристократией.

Тот факт, что афинская демократия обязана своим происхождением торговле, во многом определил ее историю и тенденции. Одним из ее многочисленных результатов стало то, что она открыла Афины для притока чужих людей, чужих идей и чужих привычек, не говоря уже о чужих богах, и все это стремилось разрушить прежнюю замкнутую, тщательно организованную жизнь народа. Ни в одной сфере их влияние не ощущалось быстрее и отчетливее, чем в сфере образования. Примерно со времени битвы при Саламине, когда в Афины приехал молодой иониец Анаксагор, целая череда людей с "передовыми" идеями в искусстве и науке искала поле деятельности в ее пределах. Такое поле, казалось, было специально оставлено для них государством, которое не предоставляло никаких средств для интеллектуального или морального воспитания своих молодых граждан, после того как они переходили под его опеку (см. с. 87). Не было ничего проще и выгоднее, чем сделать этих мудрых иностранцев общественными учителями и занять место, которое государство оставило вакантным. Иногда государство могло возразить и наказать того или иного из них за развращение молодежи распространением нечестивых или иных опасных идей, как это было в случае с Анаксагором; но их деятельность слишком соответствовала тенденциям того времени - радикальным и индивидуалистическим тенденциям, неотделимым от демократии, - чтобы от нее можно было полностью отказаться. Поэтому через несколько лет после Саламинской битвы в Афинах появился неизвестный доселе в их пределах класс частных профессоров, или "софистов", как они себя называли, которые взялись теоретически преподавать то, чему, по мнению государства, можно было научить только практически и своими силами, - добродетель и мудрость. Их идеи были новы, поразительны и радикальны, поэтому они пришлись по вкусу только что освобожденному населению, тщеславному своими недавними достижениями и презирающему все, что напоминало об узком и благочестивом пуританстве прежних времен; их помещения были великолепны, а плата достаточно высока, чтобы навязать ее классу, который всегда оценивает ценность вещи по тому, сколько за нее требуют; их метод обучения был таким, чтобы польстить тщеславию и обеспечить расположение как учеников, так и родителей. Неудивительно, что их успех был мгновенным, а влияние - огромным.

Со времен Сократа и до наших дней "софист" был термином упрёка, и не совсем несправедливо. Гегель, Грот и Целлер, конечно, показали, что софисты не заслуживали всей той нечисти, которая приклеилась к их имени, поскольку они были ни намного лучше, ни намного хуже, чем любой класс людей, которые взялись учить новым доктринам денег и, как мудрые экономисты, подгонять предложение под спрос; Тем не менее, можно с достаточной долей справедливости сказать, что они в значительной степени способствовали деморализации Афин, поощряя непочтительное отношение к тем самым концепциям, на которых было построено ее государство, и потворствуя некоторым из самых эгоистичных и индивидуалистических тенденций демократии. Если сказать, что они занимают свое место в истории человеческой эволюции как глашатаи того более высокого взгляда на жизнь, который позволяет индивидууму иметь сферу деятельности и интересов за пределами той, которую занимает государство, то это можно сразу и без труда признать, не заставляя нас тем самым считать их благородными людьми. Дело в том, что они на практике и в теории представляли дух индивидуализма, который в то время повсеместно заявлял о себе в противовес духу национализма или государственности и который, возможно, должен был заявить о себе в преувеличенной и разрушительной форме, прежде чем законные претензии обоих могли быть проявлены и гармонизированы. Именно внедрение этого духа индивидуализма в образование и является "новым образованием".

Этот дух, проявившийся в софистах и их учении, направил себя против старого политического духа во всех сферах жизни - в религии, в политике, в образовании. Он

дискредитировал старых народных богов, от верности которым, как предполагалось, зависело существование государства, заменив их грубыми фантазиями вроде Вихря или лысой абстракцией вроде Интеллекта. Она призвала человека искать цель в собственном удовольствии, а государство рассматривать лишь как средство для достижения этой цели. Она выступала за образование, в котором эти идеи занимали видное место. На самом деле софисты учили амбициозных молодых людей, которые искали их обучения, самоутверждению, беспринципности и показной риторике, в триумфальном шествии которой факты, вымыслы и ложь шли вместе в блестящем строю. Справедливо будет сказать, что, пытаясь обучить молодых людей искусству изящного ораторского искусства, они заложили основы риторики и науки грамматики. По крайней мере, именно этим мир обязан им.

Поскольку софисты обращали свое внимание прежде всего на молодых людей, которых, освобожденных от дисциплины дома, педагога, школы и палестры, можно было встретить где угодно - на улице, агоре, в гимназии, - то, конечно, именно они первыми проявили эффект своего учения. Но их влияние, совпавшее с ярко выраженными радикальными тенденциями того времени, вскоре сказалось во всех сферах образования, от семьи до университета, в виде непочтительного, легкомысленного, самодовольного рационализма, перед самовоздвигнутым и саморазрушенным трибуналом которого должны были предстать все учреждения на небе и земле. В школах это влияние проявлялось по-разному: (1) в повышенном внимании к литературе, особенно к ее формальной стороне, (2) в тенденции заменять произведения старых эпических и лирических поэтов произведениями более поздних писателей, окрашенных новым духом, (3) во введении новых и сложных инструментов и видов музыки, (4) во все большем отходе от суровой физической и моральной дисциплины прежних времен. Мы впервые слышим об учителе литературы, отличном от учителя музыки, об учителях, не имевших ни одного экземпляра Гомера (говорят, Алкивиад наказывал таких), о флейтах, кифарах и тому подобных инструментах, используемых в школах, о дикости и разврате среди мальчиков нежного возраста. В палестре новый дух проявился в тенденции заменять показательные и бессистемные упражнения энергичными и выверенными упражнениями более раннего времени, приносить образование в жертву исполнению.

Но, как уже отмечалось, наиболее ярко и болезненно новый дух проявился в высшем образовании. Молодые люди, вместо того чтобы проводить время в энергичных физических упражнениях в гимназиях и на природе, стали слоняться по улицам и общественным местам, слушая софистические дискуссии и посещая школы софистов, упражняя свой язык больше, чем любую другую часть тела. Результат этого вскоре проявился в упадке физической силы, выносливости, мужества и мужественности, а также в сильной склонности к роскоши и другим физическим грехам. Теперь они стали представлять себе личную жизнь, далеко не совпадающую с жизнью гражданина, и смотреть на прежнюю жизнь гражданина с ее идеалами, санкциями и обязанностями с презрением или жалостью, как на нечто, что они научились преодолевать. Слава и благополучие их страны больше не были главным объектом их устремлений. Сухая гниль индивидуализма, которая всегда кажется тем, кто ею страдает, свидетельством здоровья и мужественной силы, разлагала их нравственную природу и готовила путь к разрушению государства. Ведь было вполне естественно, что эти молодые люди, став членами государства, пренебрегали его уроками и требованиями и, следуя новым учениям, жили для себя. Таким образом, как характер "старого воспитания" Афин проявился в поведении ее сыновей во время Персидских войн, так и характер "нового воспитания" проявился пятьдесят лет спустя в Пелопоннесской войне, той долгой и катастрофической борьбе, которая погубила Афины и Грецию.

Однако Афинам и их образованию не дали погибнуть без борьбы. Аристократическая партия долго держалась за старые принципы и пыталась привести их в действие; но, не понимая новых обстоятельств и не учитывая их, она ошибалась в их применении, стремясь просто восстановить старые условия. Отдельные люди также прилагали все усилия для достижения той же цели. Эсхил, который сражался при Марафоне и который, как никто другой из греков, был наделен духом религии, интерпретировал старую мифологию в этическом смысле и в этой форме превратил ее в серию драм, в которых история и институты греческого народа были показаны как заслуга руководящего Провидения, неумолимой справедливости, воздающей каждому человеку по его делам, отвращающей гордые дома, "позолоченные нечистыми руками", и обитающей с чистыми и праведными, хотя и размещенной в самой убогой койке. Таким образом, Эсхил стал не только отцом греческой трагедии, но и самым возвышенным учителем нравственности, когда-либо существовавшим в Греции. По нравственному величию во всей литературе есть только одно произведение, которое может встать рядом с *"Орестеей"* Эсхила, - это *"Божественная комедия"*. Однако Эсхил был изгнан из Афин по обвинению в нечестивости и умер в изгнании.

Но не только трагическая драма вдохновляла и делала проповедником праведности: в руках Аристофана комическая драма использовала всю свою силу для той же цели. Более тридцати лет этот неподражаемый юморист использовал публичный театр, чтобы обличать глупости и презирать жалких вождей афинского народа, указывая своим соотечественникам на разверзшуюся перед ними бездну гибели. Такой серьезной комедии мир еще не видел, даже в произведениях Мольера или Бомарше. Однако все было напрасно. Задолго до смерти Аристофану запретили выставлять на всеобщее обозрение деградацию своего народа.

Среди отдельных граждан, которые всеми силами старались вернуть Афинам былую значимость, были двое с очень разными характерами, дарованиями и положением: один трудился в мире действия, другой - в мире мысли. Первым был Перикл, который, видя, что демократия - это порядок дня, принял его и, благодаря своему характеру и положению, стремился направить его к достойным целям. Для поощрения гимнастических упражнений, особенно среди сыновей знатных семей, он построил Лицей в священной для Аполлона роще, между Киносиргом и городскими стенами, в качестве гимнастического зала для них. Чтобы поощрять изучение музыки, он построил Одеон, или музыкальный зал, под юго-восточным концом Акрополя. Оба сооружения были великолепны. Что он сделал для завершения строительства большого театра для поощрения танцев, мы не знаем; в том, что это входило в его план, вряд ли можно сомневаться. Но Перикл был слишком мудрым человеком, чтобы полагать, что он сможет побудить своих соотечественников, жаждущих удовольствий, подчиниться старой дисциплине, не предложив им предмет, способный разжечь их честолюбие и вызвать их энергию. Таким объектом была объединенная Греция со столицей в Афинах. О том, как упорно он пытался сделать этот объект знакомым для них и сделать Афины достойными того места, которое он хотел, чтобы они заняли, патетически свидетельствуют Пропилеи и Парфенон. На фризе последнего изображено торжественное жертвоприношение, которое должно было скрепить союз эллинского народа и поставить его во главе цивилизации. Когда выродившаяся Греция воспротивилась всем его усилиям сделать ее единой мирным путем, он попытался заставить ее сделать это силой, и результатом стала Пелопоннесская война, начатая по легкомысленному предлогу. Он не прожил достаточно долго, чтобы узнать о результатах этой отчаянной попытки пробудить своих соотечественников к новой моральной и политической жизни, и это было хорошо. Если бы он дожил, то, возможно, был бы вынужден признать, что пытался выполнить невыполнимую задачу - возвести прочную конструкцию из гнилых бревен, сделать благородное государство из неблагородных, эгоистичных людей. К сожалению, пример его

личной жизни, в которой он открыто пренебрег одним из законов государства и попытался сделать сожителство (ἑταίρησις) respectable, с лихвой перечеркнул все то хорошее, что он стремился достичь. Дело в том, что Перикл сам был слишком глубоко пропитан тремя пороками своего времени - рационализмом, самообольщением и любовью к зрелищам, - чтобы суметь увидеть истинное средство против порождаемых ими зол. Нужны были не буквы, музыка, гимнастика, танцы или мечты об империи, а нечто совершенно иное - новое нравственное вдохновение и идеал.

Именно его и пытался найти второй из тех, на кого мы уже ссылались, - Сократ. Посреди самообольщения он вел жизнь в бедности и лишениях; посреди пышности и поклонения внешней красоте он стремился к простоте и получал удовольствие от своего уродства; посреди самоуверенного рационализма и всезнающей софистики он исповедовал невежество и покорность богам. Проблема восстановления нравственной жизни Афин и Греции предстала перед Сократом именно в таком виде: *Если старые этические социальные санкции, божественные и человеческие, под влиянием рационализма и индивидуализма утратили свою силу, то где и как найти другие санкции, чтобы занять их место?* Ответить на этот единственный вопрос было целью всей жизни Сократа. Он не сразу понял, что любой истинный ответ должен основываться на понимании всей природы человека и его отношений, и что софисты смогли навязать его соотечественникам свое мнение только потому, что у них не было такого понимания. Он видел, что старая нравственная жизнь, основанная на наивных традициях и предписаниях, санкционированных богами воображения, должна уступить место нравственной жизни, опирающейся на самопонимание и размышления. Он принял в качестве своего девиза повеление дельфийского оракула "Познай самого себя" (γνῶθι σεαυτόν) и всеми силами старался его исполнить.

Теперь он встретился с софистами на их собственной почве и с их собственными методами, и он сделал это так хорошо, что многие, в том числе Аристофан, считают его лучшим представителем этого класса. Верно и то, что он был первым афинянином, который взялся делать то, что софисты некоторое время считали своей особой функцией, - давать "высшее образование" афинской молодежи и мужчинам. Он ходил по улицам, лавкам, прогулкам, школам и гимназиям города, втягивая в беседу самых разных людей и пытаясь вывести у них и у себя истину (ведь он притворялся, что ничего не знает). Он никогда не был так доволен, как при встрече с настоящим софистом, претендующим на знание, и никогда не был так в своей стихии, как когда в присутствии кучки молодых людей он мог своими ироничными, тонкими вопросами заставить софиста признать, что он тоже ничего не знает. Дело в том, что Сократ, изучая Гераклита, убедился, что люди впадают в заблуждение потому, что не знают ни себя, ни своих мыслей, потому что то, что они называют мыслями, - всего лишь мнения, обрывки мыслей. Он пришел к выводу, что для того, чтобы избавить людей от ошибок, интеллектуальных и моральных, необходимо заставить их думать цельные мысли. Соответственно, он взял обычные мнения людей и с помощью серии хорошо поставленных вопросов попытался выявить их следствия, то есть целые, частями которых они являлись. Таков сократический или диалектический (= разговорный) метод. Он не претендует на передачу какого-либо нового знания, а лишь, как говорил Сократ, освобождает разум от мыслей, которыми он беременен. И Сократ не только считал, что спасительная истина состоит из целых мыслей; он также считал, что все такие мысли универсальны и обязательно истинны; что, хотя может быть много мнений о какой-либо вещи, может быть только одна истина, одинаковая для всех людей, и поэтому независимая от любого человека. Это была полная противоположность тому, чему учил софист Протагор, противоположность евангелию индивидуализма (см. с. 93). Человек настолько далек от того, чтобы быть мерой всех вещей,

что во всех вещах есть мера, которой он должен соответствовать, чтобы не погрязнуть в заблуждениях. Эта мера, эта система цельных истин, подразумевающая вечный разум, в котором она присутствует и посредством которого она проявляется в мире, - это как раз то, к чему приходит человек, если только он продумает свои мысли во всей их полноте. При этом он сразу же познает законы, по которым управляется вселенная, и находит руководство и санкцию для своего собственного поведения - санкцию уже не внешнюю, навязанную государством, а внутреннюю, навязанную разумом. Подобная система полностью перевернула старый взгляд на отношения между человеком и государством и в то же время выбила ноги из-под ног индивидуализма. "Верно, - говорил Сократ, - что человек, а не государство, является источником всех авторитетов, мерилom всех вещей; но он таков не как индивид, а как наделенный универсальным разумом, с помощью которого мир, включая государство, управляется". Такова сумма и суть учения Сократа, таково, по его мнению, истинное самопознание. Это истина, применение которой к жизни начинает новую эпоху в истории человечества и отделяет современный мир от древнего; это истина, которая, повторенная и оживленная христианством, составляет самую жизнь нашей современности.

Приняв эту точку зрения, Сократ неизбежно сформировал "самостоятельную партию", которая не могла рассчитывать на сочувствие ни одной из двух других, на которые делились его соотечественники. Партия традиции обвиняла его в отрицании богов своей страны и развращении ее молодежи; радикальная партия ненавидела его за то, что он осуждал ее поборников в тщеславии, поверхностности и невежестве. Между собой они добились его смерти, и Афины только тогда, когда было уже слишком поздно, узнали, что убили своего пророка. Но Сократ, хотя и был убит, не умер. Его дух продолжал жить, а дело, которое он начал, росло и процветало. Однако оно не могло спасти Афины, разве что на условиях, которые она не хотела и не могла принять, - перестроить свое правление и жизнь своих граждан в соответствии с божественной истиной и справедливостью. Действительно, открыв великую истину, Сократ не представил ее в той форме, в которой она могла бы быть принята в данных условиях. Он и сам отнюдь не видел всех потрясающих последствий своего принципа, который, по сути, был ничем иным, как основанием всей истинной этики, всей свободы и всей науки. Сомнительно, что кто-то видит их сейчас, и несомненно, что они нигде не были реализованы. И все же его истина и его жизнь не остались без опосредованного влияния на Афины и афинское образование. Люди, работавшие в его духе и вдохновленные его истиной, более или менее ясно понятой, почти сразу же заменили софистов в Афинах и привлекли внимание ее граждан, старых и молодых, к серьезным поискам истины. Фактически с этого времени интеллектуальные тенденции стали преобладать над гимнастическими и музыкальными, и так продолжалось до тех пор, пока, наконец, они не поглотили всю жизнь народа, и Афины из государства-университета превратились в государство-университет. Так было во времена Цицерона, Павла, Плутарха, Лукиана и Прокла. То, что эта односторонняя тенденция была фатальной для политической жизни Афин, а значит, в какой-то степени и для их нравственной жизни, достаточно очевидно; и хотя мы не можем считать Сократа лично ответственным за этот результат, мы все же должны признать, что он вытекал из его системы мышления. Лично Сократ, конечно, был нравственным героем, и "пять праведников", подобных ему, если бы они появились, далеко бы ушли, чтобы спасти Афины; но сам этот героизм, этот врожденный энтузиазм к праведности ослепил его настолько, что он поверил, будто люди должны только знать правоту, чтобы быть готовыми следовать ей. Отсюда то преувеличенное значение, придаваемое правильному знанию, и то сравнительное пренебрежение к правильному чувству и правильному поступку, которое впоследствии оказалось столь парализующим. Отсюда и неспособность учения Сократа остановить волну разврата в Афинах и вернуть их народу героизм и достоинство.

Сократ оставил после себя множество учеников, одни из которых отличились на практическом поприще, другие стали основателями философских школ, подчеркивавших разные стороны его учения. Он был всего несколько лет в могиле, когда двое из них уже регулярно преподавали в двух старых афинских гимназиях. Платон, полноправный афинянин, преподавал в Академии интеллектуальные и моральные теории своего учителя, а Антистен, полукровка (его мать была фракийкой), прививал уроки своей героической жизни в Синосарге. Их последователи назывались, соответственно, академиками и киниками. Таким образом, благодаря этим двум людям высшее образование впервые было введено в общественные учреждения Афин.

Цель Сократа, как мы уже видели, была чисто нравственной, и этот факт не остался незамеченным его ближайшими последователями. Главным для всех них оставался вопрос: как вернуть народ к нравственной жизни? Но, отчасти благодаря неясности, в которой он оставил детали своей доктрины, они разошлись во мнениях относительно средств, с помощью которых это должно было быть сделано. Одна сторона, представленная Платоном и наиболее близко следовавшая по стопам своего учителя, считала, что, поскольку человек по сути своей существо социальное, а нравственность - это отношение в обществе, добродетель может быть реализована только в общественном порядке, государстве, и только через него. Другая сторона, представленная Антисфеном, утверждала, что добродетель - дело сугубо личное и что мудрец стоит выше всех социальных институтов. Эти два взгляда сохранялись бок о бок почти во всей последующей греческой мысли и, наконец, нашли свое выражение в государстве и церкви христианского мира.

Два последователя Сократа, сторонники институциональной морали, оставили после себя дошедшие до нас трактаты, в которых излагают свои взгляды на то, как можно культивировать добродетель. Это практик Ксенофонт и теоретик Платон, оба выходцы из чистокровных афинян. Ничто не позволит нам лучше понять зло "Нового воспитания", чем рассмотрение средств, с помощью которых эти достойные люди предлагали его исправить. Оба они - идеалисты и утописты; но первый - консервативный и реакционный, а второй - спекулятивный и прогрессивный. Оба они стремятся к одному - к добродетельному и счастливому государству, которое должно прийти на смену порочному и убогому, в котором им выпал жребий; но они расходятся во взглядах на природу такого государства и на средства его реализации.

ГЛАВА II

КСЕНОФОН

Никогда не будет благом правление многих; пусть правит один.

Богатство без достоинства - не безобидный сосед.

Один для меня - десять тысяч, если он лучший.

Всех эфесцев, от юности до зрелости, следовало бы повесить, а государство оставить мальчикам, потому что они изгнали Гермодора, достойнейшего человека среди них, сказав: "Никто из нас не должен быть достойнейшим, пусть он будет таковым в другом месте и среди других" - Гераклит.

Однажды, размышляя о том, что из очень маленьких государств Спарта кажется самым могущественным и самым известным в Греции, я начал задаваться вопросом, каким образом это произошло. Но когда я задумался о нравах спартанцев, я перестал удивляться. Что касается Ликурга, который разработал для них законы, повинаясь которым они процветали, то я восхищаюсь им и считаю его в высшей степени мудрым человеком. Ведь он, вместо того чтобы подражать другим государствам, пришел к выводам, противоположным выводам большинства, и тем самым сделал свою страну выдающейся по процветанию. - Ксенофонт.

Ксенофонт не был ни философом, ни учителем-практиком, но он был человеком выдающихся достоинств, рыцарской храбрости, богатого и разнообразного опыта, сильной проницательности и доброго нрава, острым наблюдателем и очаровательным писателем. Он был настоящим старым афинским пуританином, расширенным и смягченным учебой и общением с миром. Он так ненавидел демократию, что не хотел жить в Афинах, чтобы быть свидетелем ее пошлости и беспорядка; но он любил свой город и хотел, чтобы его жители вернулись к своей древней ценности. Он считал, что это может сделать только какая-нибудь великая, царственная личность, вроде Ликурга или Кира, установив жесткую дисциплину и вновь низведя человека до гражданина. Не желая, вероятно, ставить ненавистную Спарту в пример своим избитым и измученным соотечественникам, он поместил место действия своего педагогического романа в далекой Персии.

В *"Воспитании Кира"* (Κύρου παιδεία) мы имеем схему идеального воспитания Ксенофонта. Несмотря на место, где она изложена, она является чисто эллинской, состоящей из афинских и спартанских элементов примерно в равных пропорциях. По этой причине она также представляет для нас особый интерес. Поскольку часть трактата, посвященная непосредственно общественному воспитанию, очень коротка, мы вряд ли сможем сделать лучше, чем привести ее в переводе.

"Кир до сих пор воспевается варварами в легендах и песнях как человек необычайной красоты и самого кроткого, ученого и любящего честь нрава, который заставлял его быть готовым к любым трудам и смело идти на любые опасности ради похвалы. Таков рассказ о его внешности и нраве. Разумеется, он получил образование в соответствии с законами персов. Эти законы, похоже, начинают свою деятельность на благо общества не так, как законы большинства других государств; ведь большинство государств, разрешив родителям воспитывать детей по своему усмотрению, а пожилым людям даже проводить время по своему усмотрению, устанавливают такие законы, как: Ты не должен красть, Ты не должен грабить, Ты не должен совершать кражи со взломом, Ты не должен совершать нападения, Ты не должен совершать прелюбодеяния, Ты не должен ослушаться магистрата и т.д.; и если кто-либо нарушает любой из этих законов, он подвергается наказанию. Персидские законы, напротив, заранее предусматривают, что граждане никогда, с самого начала, не должны иметь склонности к совершению злых или низких поступков. И делают они это следующим образом. У них есть так называемая площадь вольноотпущенников, на которой стоит королевский дворец и другие общественные здания. С этой площади удаляют всех торговцев и зевак с их криками и пошлостями в другое место, чтобы их шум и беспорядок не мешали приличиям культурного класса. Эта площадь по соседству с общественными зданиями разделена на четыре части: одну для мальчиков, другую для юношей (ἔφηβοι), третью для зрелых мужчин и четвертую для мужчин, достигших военного возраста. Час, когда они должны явиться на свои места, установлен законом. Юноши и зрелые мужчины приходят на рассвете, старшие - когда сочтут нужным, кроме особых дней, когда они обязаны явиться. Юноши проводят ночь у общественных зданий в легких доспехах, и только

те, кто женат, освобождаются от этого. За ними не охотятся, если только им не было приказано явиться заранее; но не считается приличным часто отсутствовать. Каждое из этих подразделений находится в ведении двенадцати губернаторов, по одному от каждого из двенадцати племен, на которые делятся персы. Губернаторы мальчиков выбираются из числа пожилых мужчин, с учетом их пригодности к воспитанию мальчиков, а губернаторы юношей выбираются из числа зрелых мужчин по аналогичному принципу. Зрелые мужчины выбираются с учетом их способности выполнять свои обычные обязанности и особые приказы верховной власти. Даже над стариками назначаются президенты, которые следят за тем, чтобы они выполняли свои обязанности. В чем заключаются обязанности каждого из них, мы сейчас расскажем, чтобы показать, как обеспечивается высочайшая ценность граждан.

"Во-первых, мальчики, когда они ходят в школу, тратят свое время на то, чтобы учиться справедливости. Они говорят, что ходят туда с этой целью, так же как наши мальчики ходят учить буквы. Их гувернеры проводят большую часть дня, выступая в роли судей среди них. Нет нужды говорить, что мальчики, как и мужчины, выдвигают друг против друга обвинения в краже, грабеже, насилии, обмане, клевете и тому подобных вещах, и тех, кого судьи признают виновными в чем-либо из этого, они наказывают. Но они наказывают и тех, кого уличают в ложных обвинениях. Они выносят приговор и по обвинению, которое, как никакое другое, заставляет людей ненавидеть друг друга и за которое их судят меньше, чем за любое другое, а именно: за неблагодарность. Если судьи обнаруживают, что юноша в состоянии оказать ответную услугу и не делает этого, они сурово наказывают его, полагая, что неблагодарные люди более других будут немилосердны к богам, родителям, стране и друзьям. Принято считать, что неблагодарность, как ничто другое, ведет к непочтительности, и нам нет нужды добавлять, что *она* является первопричиной любой формы подлости. Мальчиков также учат самоотречению, и им очень помогает усвоить эту добродетель то, что они видят, как ее ежедневно практикуют их старшие. Еще одна вещь, которой они их учат, - это послушание тем, кто облечен властью над ними; и они получают большую помощь в изучении этого, видя, как их старшие строго повинуются своим губернаторам. Еще одна вещь, которой они их учат, - это самодисциплина в вопросах еды и питья; в этом им очень помогает то, что их старшие никогда не отлучаются для еды, пока им не разрешат это сделать их правители, а также то, что они (мальчики) едят не со своими матерями, а со своими учителями и по сигналу своих правителей. В качестве еды они приносят с собой из дома хлеб, в качестве приправы - настурцию, а для питья, если их мучает жажда, они берут с собой глиняную чашку, из которой черпают воду из реки. Помимо всего этого, мальчики учатся стрелять из лука и метать копье. До шестнадцати-семнадцати лет мальчики занимаются именно этим; после этого они переходят в класс кадетов (ἑφηβοί).

"Эти кадеты проводят свое время таким образом: В течение десяти лет с момента выпуска из класса мальчиков они спят, как мы уже говорили, в окрестностях общественных зданий, одновременно выступая в роли стража города и практикуя самоотречение. По общему мнению, именно этот возраст особенно требует внимания. Днем они находятся в распоряжении своих правителей и готовы выполнить любую общественную работу. Если такой службы не требуется, они остаются поблизости от общественных зданий. Когда король отправляется на охоту, что происходит много раз в месяц, он берет с собой половину племени, а другую оставляет позади. Молодые люди, сопровождающие его, должны иметь при себе луки и, в ножнах рядом с колчаном, биллу или скимитар; также легкий щит и по два копья, одно для метания, другое для использования в случае необходимости на близкой дистанции. По этой причине они делают охоту делом общественным, и царь, как на войне, выступает в роли их предводителя, охотится сам и следит за тем, чтобы охотились остальные;

персы считают, что это лучшая из всех приготовлений к войне. И действительно, это приучает их рано вставать, переносить жару и холод, упражняет в маршировке и беге, заставляет использовать луки или копья на диких животных, где бы они на них ни наткнулись. Кроме того, им часто приходится оттачивать свое мужество, когда они оказываются лицом к лицу с каким-нибудь сильным животным. Разумеется, они должны ранить того, кто подойдет вплотную, и сдержать того, кто нападет на них. Поэтому трудно найти в войне то, что отсутствует в погоне. Отправляясь на охоту, юноши, конечно, берут с собой большой обед, чем положено мальчикам, но это единственное различие между ними. А во время охоты они иногда и вовсе не обедают, но, если им приходится оставаться дольше положенного времени из-за какой-нибудь дичи или, наоборот, если они хотят продлить погоню, они готовят обед из этого обеда, а на следующий день продолжают охоту до обеда, считая два дня одним, потому что они потребляют пищу только в течение одного дня. И делают они это ради практики, чтобы, если когда-нибудь на войне у них будет не хватать провизии, они смогли бы проделать то же самое. В качестве лакомства эти юноши едят ту дичь, которую они добывают в погоне, а в качестве мудрой пищи - настурцию. И если кто думает, что он ест без удовольствия, когда ест только настурцию, или пьет без удовольствия, когда пьет воду, пусть вспомнит, как сладки ячменная лепешка и пшеничный хлеб, когда он голоден, и как сладка вода, когда он хочет пить. Племена, которые остаются, когда король уходит на охоту, проводят время в тех же занятиях, которыми они занимались в детстве, включая стрельбу и метание копья, и в них постоянно проводятся состязания. Кроме того, устраиваются публичные выставки, на которых разыгрываются призы; и то племя, в котором больше всего юношей, исключительно искусных, мужественных и стойких, получает похвалу от горожан, которые также чествуют не только своего нынешнего правителя, но и правителя, который опекал их в детстве. Оставшиеся в живых юноши также нанимаются властями, если требуется служба в карауле, отслеживании злоумышленников, преследовании разбойников или в других делах, требующих силы и быстроты. Такова учеба юношей. И когда они проходят десять лет обучения, они переходят в класс зрелых мужчин.

"Со дня этого выпуска они проводят еще пять и двадцать лет следующим образом: Прежде всего, как и юноши, они предоставляют себя в распоряжение властей для любой государственной службы, требующей одновременно смекалки и несокрушимой силы. Если же от них требуется выйти на поле боя, то они, как люди опытные, идут вооруженные, уже не с луками и копьями, а с тем, что называется рукопашным оружием, нагрудными щитами, со щитами в левой руке, какие мы видим на изображениях персов, и с мечом или биллой в правой. Из этого класса набираются все чиновники, кроме учителей мальчиков. И когда они проходят двадцать пять лет в этом классе, им уже больше пятидесяти лет. В этом возрасте они переходят в класс старейшин, как, собственно, их и называют.

"Эти старейшины уже не служат на войне за пределами своей страны, но, оставаясь дома, выступают в качестве судей в государственных и частных делах. Они делают это даже в делах о смертной казни. Они же выбирают всех должностных лиц, и если кто-либо, принадлежащий к одному из классов молодых и зрелых мужчин, пренебрегает какими-либо своими законными обязанностями, правитель его племени или любой другой, кому заблагорассудится, может доложить о нем старейшинам, а те, если найдут факт таким, как сообщается, изгоняют его из племени, и изгнанный остается опозоренным всю свою жизнь.

"Чтобы дать более четкое представление о государственном устройстве персов в целом, я немного пройду по своим местам. После всего, что было сказано, это можно сделать в очень немногих словах: Итак, персы, как говорят, насчитывают около ста двадцати тысяч человек. Из них никто не лишен по закону ни почестей, ни должностей; но всем персам

разрешено посылать своих сыновей в государственные школы правосудия. Однако только те, кто в состоянии содержать своих сыновей без работы, отправляют их туда: остальные этого не делают. С другой стороны, тем, кто получил образование у государственных учителей, разрешается проводить свою молодость среди эфебов, а тем, кто не получил этого образования, - нет. Опять же, тем, кто проводит свою юность среди эфебов и соответствует законным требованиям, разрешается выпускаться в класс зрелых мужчин и участвовать в почестях и должностях; тогда как те, кто не проходит через класс эфебов, не поднимаются в класс зрелых мужчин. Наконец, те, кто завершает обучение зрелых мужчин без упреков, переходят в класс старейшин. Таким образом, класс старейшин состоит из мужчин, прошедших через все ступени культуры. Таково устройство персов, и такова система обучения, с помощью которой они стремятся добиться наивысших достоинств".

Эта утопическая схема образования представляет особый интерес, ведь она есть не что иное, как старый идеал греческого образования, полностью осознавший себя под влиянием нового идеала. Обратим внимание на ее основные моменты. (1) Воспитание, о котором здесь говорится, чисто политическое: люди рассматриваются просто и исключительно как граждане; все почести - это гражданские почести. (2) Образование женщин не предусматривается, их сфера деятельности полностью ограничивается семьей. (3) Различия проводится по образованию и поведению. (4) Бедные слои населения, хотя и не лишены права на образование, положение и власть, фактически исключены своей бедностью, так что правительство полностью находится в руках богатых и фактически является аристократией, притворяясь демократией: таким образом, (5) социальные различия - это различия по достоинству, что как раз и является греческим идеалом.

Есть, однако, один момент в этой схеме, который показывает, что она реакционна, направлена против преобладающих тенденций. Ни слова не сказано об интеллектуальной стороне образования, о музыке или письме. Очевидно, что Ксенофонт, сам человек с немалыми литературными способностями, ясно видел, какую опасность для греческой жизни и свободы таит в себе преувеличенное увлечение литературными и интеллектуальными занятиями, которое следовало за учением софистов и Сократа, и, чтобы остановить эту опасную тенденцию, он составил схему образования, из которой полностью исключены интеллектуальные и литературные занятия, в которой справедливость занимает место письма, а музыка вообще не упоминается.

В связи с этим возникает любопытный вопрос о его *"Мемуарах Сократа"*. Эта работа обычно рассматривается как дающая нам более верное представление о реальном, живом Сократе, чем явно идеализирующие труды Платона. Но разве Ксенофонт, который не мог не видеть будущей силы влияния Сократа, не стремился, как и Платон, утвердить пророка в качестве защитника своих собственных взглядов, и разве не этот факт определяет весь характер его работы? Разве это не роман, в том же смысле, что и *"Киропедия"*, с той лишь разницей, что факты жизни Сократа, будучи достаточно хорошо известными тем, для кого писал Ксенофонт, не могли трактоваться с той же свободой и пренебрежением, что и факты жизни Кира?

Прежде чем расстаться с Ксенофонтом, мы должны обратить внимание на другой его трактат, в котором он затрагивает актуальную в то время тему - образование женщин. В то время как, как мы видели, эолийские государства и даже дорийская Спарта в какой-то степени обеспечивали образование женщин, Афины, считая, что у женщины нет обязанностей вне семьи, полностью оставили ее образование на попечение этого учреждения.

Консервативный Ксенофонт не отходит от этой точки зрения, но, видя моральное зло, проистекающее из пренебрежения к женщинам и их неспособности быть в каком-либо смысле спутниками своих культурных или слишком культурных мужей, он излагает в своей "Экономике" схему воспитания молодой жены ее мужем. Поскольку это дает нам возможность получить восхитительное представление о жизни афинских девушек и женщин, лучше, чем можно найти в других местах, мы не можем сделать ничего лучше, чем переписать первую часть этой книги. Она имеет форму разговора между Сократом и молодым мужем по имени Исхомах (Сильный Боец), который передает первый. Сократ рассказывает, как, увидев Исхомаха, сидящего на досуге в некоем портике, он вступил с ним в разговор, сделал ему приемлемый комплимент и поинтересовался, как это он почти всегда занят вне дома, ведь в доме он, очевидно, проводит мало времени. Исихаст отвечает:...

"Что касается твоего вопроса, Сократ, то это правда, что я никогда не остаюсь дома. Да и не нужно, ведь моя жена вполне способна сама управиться со всем в доме". "И снова, Исхомах, - сказал я, - я хотел бы спросить тебя: это ты научил свою жену быть хорошей женой, или она знала все свои домашние обязанности, когда ты принял ее от отца и матери?" "Ну, Сократ, - сказал он, - что, по-твоему, она знала, когда я взял ее, ведь ей едва исполнилось пятнадцать, когда она пришла ко мне, и в течение всей ее жизни до этого особое внимание уделялось тому, чтобы она как можно меньше видела, слышала и спрашивала. В самом деле, разве я не должен был удовлетвориться тем, что, когда она пришла ко мне, она не знала ничего, кроме того, как брать шерсть и превращать ее в одежду, и не видела ничего, кроме того, как служанки выполняют задания по прядению? Что касается еды и питья, то, конечно, она была очень хорошо образована, когда приехала, а это, на мой взгляд, главное образование, будь то мужчина или женщина". "Во всем остальном, Исхомах, - сказал я, - ты сам наставлял свою жену, чтобы она стала отличной хозяйкой". "Конечно, - сказал он, - но только после того, как я сначала принес жертву и помолился, чтобы мне удалось научить ее, а ей - научиться тому, что лучше для нас обоих". "Значит, - сказал я, - твоя жена принимала участие в жертвоприношении и в этих молитвах, не так ли?" - "Конечно, принимала, - сказал Исхомах, - и торжественно обещала богам, что будет такой, какой должна быть, и выказывала все признаки готовности не пренебрегать тем, чему ее учили". "Но, умоляю тебя, Исхомах, объясни мне, - сказал я, - чему ты первым делом стал ее учить? Мне будет интереснее услышать это от тебя, чем если бы ты рассказал мне о самом лучшем гимнастическом или конном представлении". И Исхомах ответил: "Чему я *должен был* ее учить? Как только она стала ручной и достаточно послушной, чтобы разговаривать, я заговорил с ней примерно так: Скажи мне, моя дорогая, задумывалась ли ты когда-нибудь, почему я взял *тебя* в жены и почему твои родители отдали тебя мне? Нет, не потому, что я не мог найти никого другого, кто разделит бы мое ложе, - ты знаешь это не хуже меня. Нет, а потому, что я стремился найти для себя, а твои родители стремились найти для тебя наиболее подходящего партнера по дому и потомству, я выбрал тебя, а твои родители, похоже, выбрали меня, из всех возможных вариантов. Если Бог когда-нибудь благословит нас детьми, мы будем очень заботиться о них и постараемся дать им самое лучшее образование, ибо для нас обоих будет благословением иметь самых лучших помощников и опору в старости. Но сейчас наш общий дом - этот. И все, что у меня есть, я передаю в общий фонд, а все, что вы принесли с собой, вы добавляете к нему. Мы также не должны считать, кто из нас внес большее количество вещей, но должны понимать, что тот, кто из нас лучший партнер, вносит более ценные вещи. Тогда, Сократ, ответила моя жена и сказала: Каким образом я могу сотрудничать с тобой? Какая у меня власть? Все зависит от тебя. Моя мать говорила мне, что мой единственный долг - быть послушным. Конечно, дорогая, - ответил я, - и мой отец говорил мне то же самое. Но долг покорного мужа и покорной жены - действовать так, чтобы то, что они имеют, было улучшено до предела, и всеми справедливыми и законными способами увеличено до предела. И что

же, сказала моя жена, я могу сделать для того, чтобы помочь тебе обустроить наш дом? Дорогой мой! сказал я, - все, что боги дали тебе в руки, а закон разрешает, старайся делать в меру своих сил. И что же это *такое*? спросила она. Мне кажется, - сказал я, - что это далеко не самые важные дела, если только не считать, что в улье пчелиная матка наделена наименее важными функциями. Действительно, мне кажется, моя дорогая, - продолжал я, - что сами боги связали вместе эту пару, называемую мужчиной и женщиной, с совершенно определенной целью, а именно: чтобы она была источником величайшего взаимного блага для собратьев по игу. Во-первых, этот союз существует для того, чтобы живые виды не вымирали, а сохранялись путем размножения; во-вторых, партнеры в этом союзе, по крайней мере в случае с людьми, получают через него поддержку в старости. Кроме того, люди не живут, подобно животным, под открытым небом, а, очевидно, нуждаются в крыше. И я уверен, что люди, которые собираются иметь что-либо под крышей, должны иметь кого-то, кто будет выполнять обязанности на открытом воздухе; ведь, как вы понимаете, пахота, сев, посадка, выпас скота - все это работа на открытом воздухе, и именно от нее мы получаем все наши запасы. С другой стороны, когда все припасы уже собраны, нужно, чтобы кто-то заботился о них и выполнял те обязанности, которые необходимо делать в помещении. К ним относятся воспитание детей и приготовление пищи из продуктов земли, а также изготовление тканей из шерсти. И поскольку оба эти вида обязанностей, и наружные, и внутренние, требуют труда и заботы, мне кажется, сказал я, что Бог создал природу женщины с особым вниманием к внутренним занятиям и заботам, а природу мужчины - с вниманием к наружным занятиям и заботам. Ибо он сделал тело и душу мужчины более способными, чем у женщины, переносить холод, жару, путешествия, военную службу, и поэтому поручил ему работу на открытом воздухе. А поскольку он сделал тело женщины менее способным переносить эти вещи, то, как мне кажется, он поручил ей работу в помещении. Кроме того, учитывая, что он сделал природой и обязанностью женщины вскармливание маленьких детей, он привил ей большую любовь к младенцам, чем мужчине. А поскольку он вменил женщине в обязанность заботиться о доходах семьи, Бог, зная, что для заботы душа не хуже, чем для готовности к страху, даровал женщине большую долю страха, чем мужчине. С другой стороны, зная, что тот, кто занимается работой на свежем воздухе, должен будет защищать семью от злоумышленников, он наделил его большей долей мужества. А поскольку оба должны отдавать и получать, он разделил между ними память и внимательность, чтобы трудно было определить, кто из полов, мужчина или женщина, лучше ими наделен. И необходимое самоотречение он разделил между ними, постановив, что кто из них двоих, муж или жена, окажется выше, тот и будет вознагражден большей долей этого благословения. А поскольку природа мужчины и природа женщины не одинаково приспособлены ко всем задачам, они оба более зависимы друг от друга, и их союз более выгоден для них, поскольку один способен восполнить то, чего не хватает другому. И теперь, сказал я, моя дорогая, когда мы знаем обязанности, которые Бог возложил на нас соответственно, каждый из нас должен приложить максимум усилий, чтобы выполнить эти обязанности. И закон, продолжал я, совпадает с божественным намерением и объединяет мужчину и женщину. И, как Бог сделал их партнерами в потомстве, так и закон делает их партнерами в домашнем хозяйстве. И закон одобряет ту разницу в функциях, которую Бог обозначил разницей в способностях, отличающей полы. Ибо женщине приличнее оставаться дома, чем проводить время вне дома, а мужчине приличнее оставаться дома, чем заниматься делами вне дома. И если кто-то поступает вразрез с этим божественным предписанием, то, возможно, его проступок не ускользнет от внимания богов, и он будет наказан за то, что пренебрег своими обязанностями или выполнял обязанности своей жены. Мне кажется, - сказал я, - что королева-пчела тоже исполняет обязанности, возложенные на нее богом. А какие обязанности, сказала моя жена, выполняет королева-

пчела, которые хоть как-то похожи на те, что возложены на меня? Это, сказал я, то, что она остается в улье и не позволяет другим пчелам бездельничать, но посылает тех, кто должен работать, по своим делам, и знает и принимает то, что каждый приносит, и заботится об этом, пока это не понадобится для использования. А когда наступает время использования, она распределяет каждому его справедливую долю. Кроме того, она следит за строительством сотов, которое происходит в помещении, и следит за тем, чтобы все было сделано правильно и быстро, а также внимательно следит за тем, чтобы молодой рой был правильно выращен. А когда он достаточно подрастет и молодые пчелы будут пригодны к работе, она отправляет их в колонию под руководством одного из старых. А будет ли моя обязанность, сказала жена, делать все это? Именно так, сказал я, твоя обязанность - оставаться в помещении, вместе отправлять на работу тех, чьи обязанности лежат за дверью, и руководить теми, кто должен работать в помещении, принимать все, что приносят, раздавать все, что нужно выплатить, а необходимый излишек ты должен обеспечить, и заботиться о том, чтобы годовой запас не был израсходован за месяц. Когда к вам привозят шерсть, вы должны следить за тем, чтобы она превращалась в ткань, а когда привозят сушеное зерно, чтобы оно было должным образом приготовлено для еды. Есть, однако, одна из твоих обязанностей, - сказал я, - которая, возможно, покажется тебе несколько неприятной. Когда кто-нибудь из рабов заболеет, ты должен будешь следить за тем, чтобы его как следует выхаживали, кто бы он ни был. И в самом деле, - сказала моя жена, - это будет очень приятная обязанность, если те, кого заботливо выхаживают, станут благодарнее и добрее, чем были раньше. А я, - сказал Исхомах, - восхищенный ее ответом, продолжил: Не полагаешь ли ты, моя дорогая, что подобные примеры заботы со стороны царицы улья так располагают к ней пчел, что, когда она уходит, ни одна из них не желает оставаться позади, но все следуют за ней? И моя жена ответила: Я бы удивилась, если бы обязанности главы семьи не лежали на тебе, а не на мне. Ибо моя опека и распоряжение вещами в доме были бы нелепы, если бы ты не следил за тем, чтобы что-то приносилось извне. А мое приношение было бы нелепым, сказал я, если бы некому было позаботиться о том, что я приношу? Разве ты не видишь, - сказал я, - как жалеют тех, кто, по выражению, наливает воду в дырявую бочку, считая их труд напрасным? И в самом деле, сказала моя жена, их надо жалеть, если они так поступают. Есть и другие особые обязанности, сказал я, которые непременно станут для вас приятными; например, когда вы возьмете необработанную руку в ткачестве и сделаете ее искусной, удвоив тем самым ее ценность для вас, или когда вы возьмете необработанную руку в управлении и ожидании и сделаете ее способной, надежной и услужливой, так что она приобретет несметную ценность, или когда в вашей власти будет вознаградить тех рабов-мужчин, которые послушны и полезны вашей семье, или наказать того, кто доказывает обратное. Но приятнее всего будет, если вы окажетесь выше меня и сделаете меня своим рыцарем, и если вам не придется опасаться, что с годами вы утратите уважение в доме, но вы будете уверены, что с возрастом, чем лучшим супругом вы будете для меня и чем лучшей матерью для детей, тем более высоко вас будут уважать в доме. Ибо все, что справедливо и хорошо, сказал я, возрастает у людей по мере жизни, но не благодаря красоте, а благодаря добродетели. Таков, Сократ, насколько мне помнится, был первый мой разговор с женой".

Далее Исхомах рассказывает, как в последующих беседах он учил свою жену порядку, "как иметь место для всего и все на своем месте", как приучить слугу и как сделать себя привлекательной без использования косметики и изысканной одежды. Но и приведенных цитат достаточно, чтобы показать, какими были идеальные семейные отношения у афинян и какое воспитание считалось подходящим для девушек и женщин. Как мужчина был объединен с гражданином, так и женщина была объединена с домохозяйкой, и каждая из них получала образование и подготовку, которых требовали их соответствующие

обязанности. Если бы все мужья афинян были такими, как Исхомах, очевидно, что жизнь жен могла бы быть очень счастливой и полезной, а в семье царила бы гармония. Но, к сожалению, так было нечасто. Жены, будучи обделены вниманием, становились ленивыми, расточительными, самовлюбленными, сварливыми и бесполезными, а их мужья, находя их такими, искали в безнравственных отношениях с блестящими и культурными *гетерами* или в еще худших отношениях грубую замену тому удовлетворению, которое они должны были искать и находить в своих собственных домах. Таким образом, сложилось положение вещей, которое не могло не подорвать моральные устои общества и заставило вдумчивых мужчин обратить внимание на вопрос о воспитании и сфере обязанностей женщины.

ГЛАВА III

ПЛАТО

Все человеческие законы питаются единым божественным законом, ибо он предвидит все, что перечисляет, и достаточен для всех, и выживает для всех - Гераклит.

Хотя разум универсален, масса людей живет так, как если бы у каждого из них была своя собственная мудрость.-Ид.

Антигона. ... Но с ним я перебуюсь;
И сладко будет мне умереть в таком деле,
И сладок будет мой покой с ним, милым,
Когда я праведно обижусь здесь.
Ведь дольше, я думаю, мне придется радовать
Обитателей в том мире, чем в этом;
Ибо там я буду вечно отдыхать. Но ты,
Не позорь то, что чтут боги.
-Софокл, *Антигона*.

Круг, собравшийся вокруг Исаии и его семьи в эти злые дни, державшийся отдельно от своих соотечественников, хранивший слово откровения и ожидавший Иегову, действительно был, как описывает его Исаия, "знамениями и знаками в Израиле от Иеговы Саваофа, живущего на горе Сион". Образование этой маленькой общины было новым событием в истории религии. До тех пор никто и не мечтал об общине веры, отделенной от всех национальных форм, поддерживаемой без совершения ритуальных служб, связанной верой в одно только Божественное Слово. Это было рождение новой эры в ветхозаветной религии, ибо это было рождение концепции *Церкви*, первый шаг в освобождении духовной религии от форм политической жизни, - шаг не менее значительный, чем то, что все его последствия не были видны до скончания веков.- У. Робертсон Смит, "*Пророки Израиля*".

До сих пор у ног пророков сидят народы.- Лоуэлл.

То, что должно быть известно, я объявлю, зная что человек обретает бессмертие - безначальный Верховный Брахма, который, как говорят, не является ни Существом, ни Ничтожеством.- Бхагавад *Гита*.

Единственная метафизика, которая действительно и непосредственно поддерживает этику, - это та, которая сама является прежде всего этической и состоит из сотрудников этики" - Шопенгауэр.

На животрепещущий вопрос: "Как вернуть Афинам нравственную жизнь и силу? Сократ ответил: "Найдя новую моральную санкцию". Он пошел еще дальше и сказал: "Эта санкция должна быть найдена в правильном мышлении, в мышлении цельных мыслей, которые, поскольку они цельные, абсолютно истинны, являясь теми самыми принципами, согласно которым Бог управляет миром". Это, очевидно, просто формальный ответ. Для того чтобы он мог принести реальную пользу, необходимо ответить еще на три вопроса: (1) Как можно достичь цельных мыслей? (2) Чем они оказываются, когда их достигают? (3) Как их можно применить для нравственного переустройства человеческой жизни? Философия Платона - это попытка ответить на эти вопросы. Поэтому она естественным образом подразделяется на три части: (1) *диалектику*, включающую логику и теорию познания, (2) *теоретику*, включающую метафизику и физику, (3) *практику*, включающую этику и политику.

Очевидно, что любая попытка реформировать общество на сократовских принципах должна исходить не от самого общества, а от какого-то человека или людей, в которых эти принципы реализуются и которые действуют на него извне. Этими людьми будут философы или, скорее, мудрецы. Поэтому в самом начале возникают два разных вопроса: (1) Как человек становится мудрецом? (2) Как мудрец может организовать человеческую жизнь и обеспечить преемственность мудрецов, которые продолжают его дело после него? На первый из этих вопросов дает ответ диалектика, на второй - практика, а теоретика показывает нам одновременно происхождение и конец, то есть смысл, всего существования, в том числе и человеческого. В учении Платона мы впервые находим признание и демонстрацию внегражданского или сверхгражданского человека, человека, который не является простым фрагментом социального целого, полностью подчиненного ему, но который, стоя над обществом, формирует его в соответствии с идеями, почерпнутыми из высшего источника. Предсказания этого человека, действительно, мы находим во всей греческой литературе от Гомера и ниже, - у Гераклита, Софокла и т.д., и особенно, как мы видели, у Пифагора; но именно сейчас он впервые находит полное выражение и пытается играть сознательную роль. В нем мы видим обещание будущей Церкви.

Но вернемся к первому из двух наших вопросов: как человек становится мудрецом? Мы нашли ответ: с помощью диалектического метода. Однако не все люди способны им воспользоваться, а лишь избранные, которым боги даровали вдохновение Любви (ἔρως) - стремление, сродни безумию (μανία), возбуждаемое физической красотой, но стремящееся к Высшему Благу. Это благо, как мы увидим, заключается в видении (θεωρία) вечной истины, бытия, как оно есть. Те немногие, кто благословлен этой любовью, являются назначенными Богом реформаторами и проводниками человечества, благополучие которого зависит от подчинения им. Диалектический метод - это процесс, посредством которого вдохновенный ум поднимается от красоты физических вещей, которые всегда являются частностями, к красоте духовных вещей, которые всегда являются универсалиями, и, наконец, к красоте Высшего Блага, которое есть *Универсум*. Тот, кто достиг этого последнего и видит его связь со всеми остальными универсалиями, так что они образуют единое целое, видит всю истину и является мудрецом. То, что мы называем универсалиями, Платон называл "идеями" (ἰδέαι = формы или виды). Эти идеи он рассматривает как роды, как числа, как активные силы и как субстанции, высшая из которых - Бог.

Две вещи особенно примечательны в связи с этой теорией: (1) она включает в себя тот восточный аскетический взгляд на жизнь, который заставляет людей отворачиваться от

чувственного мира и искать свою цель и счастье в бесцветном мире мысли; (2) она предполагает взгляд на природу Бога, который опасно близок к восточному пантеизму. Платон, действительно, нигде не отрицает личности Бога; но он и не утверждает ее, и у него определенно остается впечатление, что Высшее Существо - это сила, действующая в соответствии с числовым соотношением или законом. Трудно переоценить влияние этих двух взглядов на последующий ход греческого образования и жизни. Первый предлагал сверхгражданскому человеку сферу деятельности, которая, как он мог себе льстить, превосходила гражданскую, - сферу созерцания; второй же, размывая или, скорее, игнорируя существенные элементы личности в Боге - сознание, выбор и волю, - не оставлял места для подлинно религиозной или нравственной жизни. Это объясняет, почему платонизм, хотя он не вдохновил ни одного великого гражданского движения, сыграл такую определяющую роль в экклезиастике, и почему, тем не менее, Церковь на протяжении веков была вынуждена бороться с его тенденциями, что она и сделала в значительной степени под эгидой сурового критика Платона, Аристотеля.

Теперь мы готовы приступить ко второму вопросу: Как мудрец может организовать человеческую жизнь и обеспечить преемственность мудрецов, которые продолжают его дело после него? Платон дал два совершенно разных ответа на этот вопрос в двух своих самых объемных работах: (1) *"Республика"*, написанная в начале жизни, когда он находился под влиянием Гераклита, Парменида и Сократа и отрицательно относился к реальному историческому миру; (2) *"Законы"*, написанные в конце жизни, когда он, по крайней мере частично, примирился с реальным миром и его традиционными представлениями и нашел удовлетворение и вдохновение в учениях Пифагора. О том, что он сменил приверженность, свидетельствует тот факт, что в *"Законах"*, и только в них, Сократ не появляется как персонаж. Сначала мы поговорим о *"Республике"*, а затем укажем, чем *"Законы"* отличаются от нее.

Когда Платон писал свою *Республику*, он был глубоко впечатлен злом и опасностью общественного строя, в котором он жил. Это впечатление, которое было у каждого серьезного человека того времени, в его случае, вероятно, было углублено учением и трагической смертью Сократа. Опасность, очевидно, заключалась в деморализации афинских мужчин и женщин и, как следствие, в ослаблении и разрушении социальных связей. Зло, как он его видел, заключалось в (1) дефектном воспитании детей, (2) пренебрежении к женщинам, (3) общей дезорганизации государства из-за индивидуализма, который отдавал власть в руки невежества и алчности, а не в руки мудрости и достоинства. *Республика* - это схема устранения этих зол и предотвращения вытекающих из них опасностей. Это рецепт платоновского мудреца по оздоровлению общества, и справедливо будет сказать, что из всех утопических и эстетских схем, когда-либо предложенных для этой цели, эта - несравненно лучшая. Она предлагает не что иное, как полное преобразование общества, не предлагая ни единого намека на то, как эгоистичный и деградирующий народ должен быть побужден к этому. В преобразованном обществе государство - это все; семья упразднена; женщины эмансипированы и участвуют в воспитании и обязанностях мужчин; государство заботится о деторождении и воспитании детей; частная собственность запрещена. Государство - это всего лишь личность в целом, а личность обладает тремя способностями, в правильном развитии и согласовании которых заключается ее благополучие: то же самое, следовательно, должно быть верно и в отношении государства. Этими способностями являются (1) интеллект или разум (λογιστικόν, λόγος, νοῦς и т. д.), (2) дух или мужество (θυμός, θυμοειδές), (3) желание или аппетит (ἐπιθυμία, ἐπιθυμητικόν, φιλοχρήματος). Первый обитает в голове, второй - в сердце, третий - в брюшной полости. Первое свойственно человеку, второе он разделяет с животными, а третье - как с животными, так и с растениями. Правильное соотношение этих способностей существует тогда, когда

разум с ясной проницательностью управляет всем человеком (Благоразумие); когда дух получает указания от разума в своем отношении к удовольствию и боли (Стойкость); когда дух и аппетит вместе приходят к согласию с разумом относительно того, когда один, а когда другой, должны действовать (Воздержание); и, наконец, когда каждый из трех строго ограничивает себя своей функцией (Справедливость). Таким образом, мы получаем четыре "кардинальные добродетели". Как существующие в индивидууме, они являются отношениями между его собственными способностями. Только в государстве они являются отношениями между индивидом и его собратьями. Вернее было бы сказать, что это отношения между различными классами общества; ведь общество делится на три класса, отмеченные преобладанием того или иного из трех душевных качеств. *Во-первых*, это разумный класс - философы или мудрецы; *во-вторых*, духовный класс - военные или солдаты; *в-третьих*, любостыжательный класс - люди, посвятившие себя промышленности, торговле и зарабатыванию денег. Благополучие государства, как и отдельного человека, обеспечено только тогда, когда отношения между этими классами соответствуют четырем кардинальным добродетелям; когда мудрецы правят, а воины и делатели денег принимают это правило, и когда каждый класс строго ограничивается своей функцией, так что, например, мудрецы не пытаются воевать, воины - делать деньги, а делатели денег - воевать или править. В платоновском идеальном государстве, соответственно, три класса живут отдельно и имеют разные функции. Вся власть находится в руках философов, которые живут в возвышенном уединении, предаваясь созерцанию божественных идей, и лишь по благодати нисходят до участия в человеческих делах, как учителя и абсолютные правители, правящие без законов. Их воля обеспечивается военным сословием, состоящим из представителей обоих полов, которое живет за пределами города, посвящая себя физическим упражнениям и защите государства. Эти два класса вместе составляют стражу (φύλακες) государства и находятся друг с другом в отношениях головы и руки. Они ничего не производят, ничем не владеют, живут скупой и, более того, питают суверенное презрение ко всему производящему и владеющему, равно как и к тем, кто производит и владеет. Они находят свое удовлетворение в выполнении своих функций и поддержании добродетели в государстве. То небольшое количество материальных благ, которое им требуется, поставляется им промышленным классом, который они защищают в наслаждении единственным благом, к которому он стремится или которое может оценить, - благом appetitов. Этот класс, разумеется, не имеет никакой власти, ни директивной, ни исполнительной, поскольку не способен ни на какую. Тем не менее, он совершенно счастлив в своем состоянии опеки и, насколько добродетель может быть отнесена к чувственности, добродетелен, поскольку излишки чувственности подавляются двумя другими классами. В самом деле, великая заслуга, которую Платон ставит перед своей схемой, состоит в том, что она обеспечивает гармонию, а значит, и счастье для всех, помещая каждого отдельного гражданина в тот класс, к которому он принадлежит по своей природе, то есть в котором его природа может найти наиболее полное и свободное выражение, совместимое с благополучием целого. Такова политическая схема Платона, отмеченная двумя печально известными греческими чертами - любовью к гармонии и презрением к труду. Любопытно думать, что она предвосхитила три современных института - церковную иерархию, постоянную армию и промышленное сообщество, в которых, однако, отношения власти, требуемые Платоном, почти обратны, с (справедливости ради следует сказать) результатом, который он предвидел.

Пытаясь ответить на вопрос, какими средствами следует разделить эти классы? Платон спокойно предполагает, что его схема уже полностью работает среди взрослых людей, так что единственная трудность остается в отношении детей. И она полностью решается с помощью его схемы воспитания. Государство или, скажем сразу, философский класс,

упразднив семью и взяв на себя ее функции, определяет, сколько и каких детей ему требуется в тот или иной момент, и обеспечивает их так же, как овец или коров. На праздниках он собирает вместе энергичных самцов и самок и позволяет им выбрать себе пару на этот случай. Как только рождаются дети, их отнимают от матерей и помещают в государственные учреждения, где слабоумных и уродливых сразу же уничтожают. Детей, рожденных без разрешения государства, ждет та же участь, как до, так и после рождения. Те, чье рождение санкционировано, и кто оказывается здоровым, воспитываются государством, и никто из них не знает и не знает своих родителей. Но они ни в коем случае не страдают от умаления родительских прав по этому поводу; ведь каждый зрелый мужчина считает себя отцом, а каждая зрелая женщина - матерью всех детей, родившихся в течение определенного времени, так что у каждого ребенка тысячи отцов и матерей, заинтересованных в его благополучии; а матери, освобожденные почти от всех обязанностей материнства, наравне с мужчинами участвуют во всех функциях государства.

Система образования, которой подвергаются дети государства, в значительной степени создана по образцу Спарты, особенно в том, что касается ее строгости и абсолютно политического характера. Однако она содержит сильный ионический или афинский элемент, особенно в интеллектуальной и эстетической сферах. Она может справедливо претендовать на то, чтобы быть интенсивно эллинской. Она принимает проверенное временем разделение образования на музыку и гимнастику, не выделяя отдельного места для букв, но включая их в музыку. Она требует, чтобы эти две ветви преследовались как части единого целого, рассчитанного на развитие, насколько это возможно, гармоничного человека и его приспособление к тому, чтобы стать частью гармоничного государства. Я сказал "насколько это возможно", потому что Платон считает, что лишь небольшое число людей в любой момент времени может быть приведено к полной гармонии. Это прирожденные философы, которые, когда их природа полностью реализуется, уже не нуждаются в государстве, а стоят, как боги, над ним. На самом деле государство необходимо лишь потому, что масса человечества не может достичь внутренней гармонии и погибла бы, если бы не внешняя гармония, навязанная философами. Это печальный факт, и он был бы совсем неутешительным, если бы не вера, которую Платон, похоже, почерпнул у Пифагора и египтян, в то, что те человеческие существа, которым не удалось достичь гармонии в одной жизни, будут иметь возможность сделать это в других жизнях, если только они не покажут каким-нибудь ужасным и злодейским преступлением или преступлениями, что они совершенно неспособны к гармонии. Схема политического воспитания Платона, таким образом, требует в качестве своего дополнения доктрин индивидуального бессмертия, испытательного срока, продолжающегося столько жизней, сколько необходимо, и возможности окончательного и вечного блаженства или страдания. Фактически, Платон имеет полностью разработанную эсхатологию, с "другим миром", состоящим из трех четко определенных частей, - Элизиума, Ахерона и Тартара, - соответствующих Раю, Чистилищу и Аду католического христианства; с одним важным отличием, однако, обусловленным доктриной метемпсихоза. Если христианское чистилище - это место или состояние очищения для душ, чей испытательный срок закончился навсегда, то Ахерон - это просто место, где несовершенные души остаются до конца мирового периода, или зона, длительностью десять тысяч лет, когда им снова разрешается вернуться к жизни и возобновить борьбу за ту полную гармонию, которая является условием приема в общество богов.

Именно из этой эсхатологии Платон выводит моральные санкции, которые он применяет в своем государстве. Правда, никто с большей силой, чем он, не настаивал на истине, что добродетель сама по себе является высшим человеческим благом; однако он считал, что это

может оценить только философ, у которого есть опыт, и что для низших слоев населения необходима более сильная, хотя и менее благородная санкция. Поэтому он изображает радости Элизиума в образах, которые не могли не привлечь эллинского воображения, и рисует Тартар в жутких красках, которые сделали бы честь святому Игнатию.

Чтобы полностью понять метод политического воспитания Платона, мы должны вернуться к главе III книги I. Там мы видели, что, по мнению греков, для полноценного образования необходимы три вещи: (1) благородная натура, (2) воспитание через привычку, (3) обучение. Для первого Платон сделал бы то, что можно сделать путем искусственного подбора родителей; для второго он полагался бы на музыку и гимнастику; для третьего на философию. В этих двух последних подразделениях мы имеем корень средневекового *тривиума* и *квадривиума*. Платоновская педагогическая система направлена на то, чтобы отделить неблагородные натуры от благородных и поместить первые в низший класс. Затем он обучает благородные натуры музыке и гимнастике и, пока это происходит, пытается отличить натуры, способные подняться над простым обучением к размышлению или философскому мышлению, от тех, которые не способны. Последних он относит к военному сословию, которое всегда остается на стадии обучения, в то время как первые обучаются философии и, если они проявляют себя адептами, в конце концов принимаются в правящий класс, как мудрецы. Любой член любого из высших классов, который окажется недостойным этого класса, может в любой момент быть низведен в следующий, более низкий.

Как только дети принимаются государством, начинается их обучение под руководством государственных кормилиц. В течение некоторого времени их основные усилия направлены на тело детей, на то, чтобы они были здоровыми и сильными. Как только юные создания могут стоять и ходить, их учат правильно выполнять упражнения и играть в небольшие игры; как только они понимают, что им говорят, им рассказывают сказки и поют. Таково их первое знакомство с гимнастикой и музыкой. Какие игры должны преподаваться, какие истории рассказываться и какие песни петься детям, определяет государство, и, поскольку характер человека во многом зависит от первого впечатления, произведенного на него, это одна из его самых священных обязанностей. Платон вообще не одобряет оставлять детей без руководства, чтобы они сами искали упражнений и развлечений, и требует, чтобы их игры были такими, которые вызывают, мягко и гармонично, все скрытые силы тела и ума, и развивают чувство порядка, красоты и пригодности. Он еще более серьезно настаивает на том, чтобы рассказываемые детям истории были образцами самой высокой нравственности, а исполняемые для них песни умиротворяли, укрепляли и торжествовали душу. Вслед за Гераклитом он требует, чтобы гомеровские поэмы, так долго служившие хранилищем детских историй, были полностью запрещены из-за ложных идеалов, которые они возводят к богам и героям, и пугающих описаний, которые они дают о потустороннем мире. Добродетель, по его мнению, не может быть укреплена страхом, который свойственен только рабам. Он считает, что все раннее интеллектуальное обучение должно быть своего рода игрой. По правде говоря, школа для младенцев в *"Республике"* Платона настолько близка к идеалу современного детского сада, насколько это вообще можно себе представить.

Пока идет обучение, государственные служащие имеют богатую возможность наблюдать за разными характерами детей и отличать благородных от неблагородных. Как только ребенок явно показывает, что по своей природе он принадлежит к низшему классу, они относят его к этому классу, и его воспитание государством практически прекращается. Конечно, эти чиновники знают, из какого сословия произошел каждый ребенок, и используют это знание при определении его дальнейшей судьбы. В то же время они не должны полностью руководствоваться этим, а действовать беспристрастно. Воспитание низшего класса после

детства государство оставляет на самотек, полагая, что аппетит всегда найдет средства для своего удовлетворения. Более благородные натуры оно продолжает воспитывать без всякого перерыва, пока они не достигнут двадцатилетнего возраста. И это воспитание носит ярко выраженный военный характер. Со временем гимнастические упражнения становятся все более жестокими, сложными и продолжительными, но их предметом всегда является душа, а не тело, и они никогда не вырождаются в простую атлетическую грубость. Особое внимание уделяется музыкальным и литературным упражнениям, как средствам, с помощью которых душа непосредственно тренируется и гармонизируется. Платон считает, что нельзя изменить "музыку" государства без соответствующих изменений во всей организации; другими словами, социальное и политическое состояние народа определяется литературой и музыкой, которые он производит и которыми наслаждается. Он фактически говорит: "Позвольте мне создавать песни народа, и тот, кто захочет, может создавать его законы". О характере музыки, которую он рекомендует, мы уже говорили. Из литературы он исключает все, что мы привыкли называть этим именем, все подражательное, поэтическое или творческое, и ограничивает это понятие научным, дидактическим и назидательным. Поэтов он с насмешливой вежливостью высылает из государства, как существ, слишком божественных для человеческого использования. Особенно суров он к драматургам, не щадя даже возвышенного Эсхила. По сути, он хотел бы изгнать из своего государства все искусства, не несущие прямой пользы. Литература, которую он рекомендует, явно имеет характер *басен* Эзопа, пифагорейских "*Золотых слов*" и парменидовского или гераклитовского труда "*О природе*". Если выразить его намерения строго современным языком, то придется сказать, что он хотел заменить литературное образование этическим и научным, а поэтический способ представления идеалов - прозаическим. Истинная музыка, по его мнению, находится в человеке. "Если мы найдем, - говорит он, - человека, который идеально сочетает гимнастику с музыкой и в точной пропорции применяет их к душе, мы будем полностью оправданы, назвав его идеальным музыкантом и идеальным тренером, намного превосходящим человека, который расставляет струны рядом друг с другом".

В платоновской схеме военной подготовки есть много деталей, которые заслуживают внимания, но не могут быть даже затронуты здесь. Однако прежде чем оставить ее, мы можем назвать даты, когда должны начинаться различные отрасли образования. Уход за телом начинается с рождения, рассказывание историй - с третьего года, гимнастика - с седьмого, письмо и чтение - с десятого, письмо и музыка - с четырнадцатого, математика - с шестнадцатого, военные учения, которые на время вытесняют все другие тренировки, - с восемнадцатого. Когда молодые люди достигают двадцатилетнего возраста, те, кто не проявляет больших способностей к наукам, но мужественен и храбр, причисляются к солдатскому классу и начинают курс высшего образования по военной подготовке, а те, кто проявляет большие интеллектуальные способности, становятся послушниками в правящем классе и начинают курс обучения наукам, который длится до конца тридцатого года. Этот курс включает в себя арифметику, геометрию и астрономию - единственные науки, которые в то время культивировались, - и направлен на то, чтобы внушить юному уму единство и гармонию физической или феноменальной вселенной. В возрасте тридцати лет студенты, не проявившие особых способностей к высшему образованию, поступают на низшие государственные должности, а те, кто проявил, проходят пятилетний курс изучения диалектики, в ходе которого они поднимаются до чистых идей. Затем, с тридцать пятого по пятидесятый год, они занимают высшие государственные должности, на которых получают указания непосредственно от мудрецов. В этот период они подвергают свои приобретения практическому испытанию и таким образом действительно и в полной мере овладевают ими.

В конце пятидесятого года, после полувека непрерывного воспитания тела, ума и воли, они считаются достигшими видения высшего блага и, следовательно, пригодными для вступления в созерцательный правящий класс. Теперь они свободные люди; они достигли цели существования; их жизнь сокрыта с Богом; они свободны от тюрьмы тела и остаются в ней только добровольно и из благодарности к государству, которое их воспитало, чтобы направить его, в соответствии с абсолютной истиной и правом, к высшему благу.

Такова в общих чертах платоновская теория воспитания, изложенная в *"Республике"*. Легко указать на ее недостатки и ошибки, которые не малы и не многочисленны, а фундаментальны и всепроникающи. Но не менее легко понять, как она появилась, поскольку эти недостатки и ошибки присущи любой эстетской социальной схеме, игнорирующей природу материала, с которым она предполагает иметь дело, и не принимающей во внимание реальную историю социальных институтов и сил, под воздействием которых они развиваются. Это, безусловно, продукт юношеского интеллекта, увлеченного художественным идеалом. Однако это был интеллект Платона, который, став более зрелым, увидел, без "неуважения к мечтам юности", слабость идей в столкновении с человеческими слабостями, и попытался исправить свою преувеличенную оценку их силы.

Это он и сделал в *"Законах"*, само название которых почти навязчиво намекает на смену взглядов и верности. Если в *"Республике"* государством управляют мудрецы, почти полностью лишенные законов, то в поздней работе мудрецы почти исчезают, а законы занимают важнейшее место. Кроме того, при написании *"Законов"* он меняет преданность Сократу и идеям на преданность Пифагору и богам. Говоря это, я отметил фундаментальное различие между *"Республикой"* и *"Законами"*. Если в первой Платон находит моральные санкции, в конечном счете, в идеях чистого разума, обученного математике, астрономии и диалектике, то во второй он черпает их из содержания народного сознания, с его богами, этическими представлениями, традициями. В них, воплощенных в институтах, он находит самое полезное, если не самое возвышенное, откровение божественной истины. Доверяя этому, он уже не стремится упразднить семью и частную собственность, а лишь регулирует их; он уже не изгоняет из своего государства чужестранцев и поэтов, а лишь подчиняет их государственному надзору; он уже не требует от правителей философской подготовки, а лишь практической проницательности; он уже не делит своих граждан на мудрецов, солдат и добытчиков, а на свободных (соответствующих его прежнему военному сословию) и рабов. Его правительство - это уже не аристократия интеллекта, а соединение аристократии, олигархии и демократии, представляющих, соответственно, достоинство, богатство и волю. Его план воспитания изменен в соответствии с этими изменившимися условиями. Дети, как и в Спарте, начинают проходить государственный курс обучения только на седьмом году жизни, после чего их обучение во многом совпадает с тем, что требовалось в *Республике*, с опущением, конечно, диалектики. Хотя женщины больше не освобождаются от домашних обязанностей, они по-прежнему должны участвовать в образовании и занятиях мужчин, чему способствует закон, предписывающий мужчинам и женщинам есть за общественными столами. Внося эти изменения, Платон считал, что отступает от возвышенного, но нереализуемого идеала и идет на уступки человеческой слабости; в действительности же он приближался к истине и праву.

ГЛАВА I

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ АРИСТОТЕЛЯ

Аристотель, по моему мнению, стоит почти особняком в философии - Цицерон.

Аристотель - личный секретарь природы, обмакивающий свое перо в интеллект.- Евсевий.

Там, где божественная мудрость Аристотеля открыла свои уста, мудрость других, как мне кажется, должна быть проигнорирована.- Данте.

Я мог бы скоро смириться с *престижем* Аристотеля, если бы только мог смириться с его причинами.- Лессинг.

Если бы сейчас, в мои спокойные дни, в моем распоряжении были юношеские способности, я бы посвятил себя греческому языку, несмотря на все трудности, которые я знаю. Природа и Аристотель должны быть моим единственным занятием. Невозможно представить себе, что этот человек прозревал, видел, подмечал, наблюдал. Конечно, иногда он был поспешен в своих объяснениях; но разве мы не таковы и по сей день? Гете (в 78 лет).

Если бы в философии преобладала должная серьезность, ничто не было бы более достойным основания, чем основание специальной лекции по Аристотелю; ведь он, из всех древних, наиболее достоин изучения.- Гегель.

Аристотель был одним из самых богатых и всеобъемлющих гениев, которые когда-либо появлялись, - человеком, рядом с которым ни одна эпоха не может поставить равного себе.- Ид.

Физическая философия занимается общими свойствами материи. Она абстрагируется от динамических проявлений различных видов материи; и даже там, где впервые были заложены ее основы, в восьми книгах "*Физических лекций*" Аристотеля, все явления природы представлены как движущая жизненная активность универсальной мировой силы.- Александр фон Гумбольдт.

Для этого необыкновенного гения было характерно работать на обоих концах научного процесса. Он был в равной степени приверженцем фактов и мастером высочайших абстракций.- Александр Бейн.

Аристотель - *отец индуктивного метода*, и это так по двум причинам: Во-первых, он теоретически осознал его основные принципы с ясностью и убежденностью, которые поражают современного человека; а затем он сделал первую всеобъемлющую попытку применить их ко всей науке греков.- Вильгельм Онкен.

Аристотель, политической философией которого мы восхищаемся тем больше, чем больше мы рассматриваем работы его преемников, в меньшей степени руководствуется воображением, чем Платон, более тщательно изучает реальность и более остро осознает потребности человека.- Блунчли.

Мне кажется, не может быть никаких сомнений в том, что Аристотель является не только величайшим деятелем античности, но и величайшим интеллектуалом, который когда-либо появлялся на лице этой земли.- Джордж Дж.

Аристотель, обладая всей мудростью Платона, которую он хорошо усвоил, не мог найти лучшего определения истинного блага человека, чем полное осуществление или реализация способностей души в соответствии с ее надлежащим совершенством, которое заключается в совершенстве мысли, спекулятивной и практической.- Томас Хилл Грин.

Среди людей, компетентных судить об этом, довольно определенно решено, что Аристотель был самым образованным человеком, когда-либо ходившим по поверхности этой земли. Он до сих пор, как и во времена Данте, является "мастером тех, кто знает". Поэтому мы не без оснований обращаемся к нему не только как к лучшему выразителю античного образования, но и как к одному из достойнейших наставников и образцов в образовании вообще. Чтобы не упустить преимущество его примера, прежде чем рассматривать его педагогические теории, будет хорошо бросить взгляд на его жизнь, процесс его развития и его работы.

Аристотель родился около 384 года до н. э. в греческой колонии Стагира во Фракии, недалеко от границ Македонии. Его отец, Никомах, был врачом с хорошей репутацией, автором нескольких медицинских трудов и верным другом македонского царя Аминта. Его мать, Фестис, происходила из первых поселенцев этого места. Несомненно, именно под руководством отца мальчик Аристотель впервые заинтересовался теми физическими науками, в которых ему суждено было совершить столь замечательный труд. Однако, потеряв в раннем возрасте обоих родителей, он попал под опеку Проксена из Атарнея, который, судя по всему, исполнил свой долг перед ним. В возрасте восемнадцати лет он приехал в Афины для получения высшего образования и поступил в школу Платона в Академии. Здесь он пробыл почти двадцать лет, слушая Платона и приобретая те огромные запасы информации, которые в последующей жизни он переработал в лекции и научные трактаты. Ничто не ускользало от него: ни искусство, ни наука, ни религия, ни философия, ни политика. Похоже, что, будучи обеспеченным, он рано начал собирать библиотеку и стремился к энциклопедическим знаниям. О его методах обучения мы знаем очень мало; но мы слышали, что иногда он помогал Платону в его работе и был очень внимателен к своему одеянию. Очевидно, что со временем он возвысился в своих мыслях над учениями своего учителя и даже отверг самое фундаментальное из них - доктрину о самосущих идеях. Но он никогда не терял уважения к своему учителю, и когда тот умер, он вместе с Ксенократом, сыном нового главы Академии, удалился в Атарней, дом своего старого опекуна Проксена и своего товарища по Академии, Гермия, теперь царя или тирана этого места. Здесь он оставался в течение трех лет, находясь в самой тесной близости со своим другом, пока последний не был вероломно убит персами. Затем он переправился в Митилену, взяв с собой Пифию, сестру или племянницу Гермия, на которой он женился и которой был глубоко предан. Он воздвиг в Дельфах статую своему умершему другу и посвятил ему поэму, о которой мы еще услышим в продолжении. Около 343 г. до н. э., когда ему было уже более сорока лет, он был призван в Македонию в качестве воспитателя Александра, тринадцатилетнего сына царя Филиппа и внука старого покровителя его отца Аминтаса. Эту должность он занимал около трех лет с выдающимся успехом, и можно с уверенностью сказать, что никогда у столь великого воспитателя не было столь великого ученика. По крайней мере, в течение последнего времени Аристотель и Александр, по-видимому, жили в Стагире. Этот город был захвачен и разрушен Филиппом, а его жители рассеяны. С разрешения завоевателя Аристотель вновь собрал жителей, отстроил город, составил его законы и заложил рядом с ним, в Миесе, в подражание Академии, гимнасий и парк, который

он назвал *Нимфеем*. Туда он, по-видимому, удалился вместе со своим царским воспитанником и несколькими другими юношами, получавшими образование вместе с ним, среди которых были Теофраст и злосчастный Каллистен. Вероятно, именно здесь Аристотель перенял привычку ходить во время обучения - привычку, которая впоследствии дала название его школе. Когда Александр в шестнадцать лет отправился в армию своего отца, Аристотель все еще продолжал преподавать в Нимфее, который существовал даже во времена Плутарха, более чем через четыреста лет после этого. Но это продолжалось лишь около пяти лет; в 335 году, когда Александр, в предыдущем году сменивший своего убитого отца, готовился к вторжению в Персию, Аристотель переехал в Афины. Узнав, что его старый друг Ксенократ руководит школой в Академии, он утвердился в качестве публичного учителя или профессора в Ликее, перикловской гимназии, которой пользовались, судя по всему, в основном низшие классы и иностранцы, одним из которых был и он сам. Как иностранец, как друг победоносных македонцев, которые за три года до этого сломили власть Греции в Херонее и навсегда лишили ее автономии, как соперник платоников и как богатый, хорошо одетый джентльмен, он имел много врагов и недоброжелателей; но его поведение, похоже, было настолько беспристрастным, что против него не могло быть выдвинуто ни одного официального обвинения. Его очень многочисленные ученики были в основном иностранцами, что не могло не сказаться на последующем ходе мысли. Он делил свои дни между писательством и преподаванием, занимаясь физическими упражнениями во время последнего занятия. По утрам он читал лекции по высшим отраслям науки для узкого круга лиц в строго формальной и научной манере, а после обеда проводил беседы на более популярные темы с менее избранной аудиторией. Первые назывались его эзотерическими, а вторые - экзотерическими беседами.

Именно во время своего второго пребывания в Афинах, в течение двенадцати лет с 335 по 323 год до н. э., Аристотель создал большинство из тех великих произведений, в которых он стремился подвести энциклопедический итог жизни, состоявшей из всесторонних исследований и размышлений. Он не торопился записывать себя, и только после того, как он достиг последовательного взгляда на мир, он решился окончательно рассмотреть какой-либо его аспект. Таким образом, каждый из его трактатов стал частью одной большой мысли. Если бы ему удалось завершить свой замысел, он оставил бы миру такой свод научных трудов, что даже в наши дни было бы тщетно искать равных среди работ какого-либо одного человека. К сожалению, его план не был завершен, и даже из тех работ, которые он написал, до нас дошла лишь часть. Но и этой части достаточно, чтобы поставить их автора во главе всех научных деятелей. Некоторые из его работ, например, "*Логика*", "*Метафизика*", "*Этика*" и "*Политика*", до сих пор занимают первое место в литературе по этим предметам. Как один человек мог сделать все то, что он сделал, причем в столь разных областях, почти невозможно представить. Несомненно, у него были помощники в виде секретарей, ученых рабов и учеников; несомненно, что он получал от своего царственного ученика щедрую помощь, которая позволила ему сделать многое, особенно в области физических и политических исследований, что было бы невозможно для бедного человека; но после всех сделанных поправок его достижения все равно кажутся почти чудесными.

В течение всех лет, когда Аристотель был занят этим, его положение в Афинах становилось все более и более неуверенным. Антимакедонская партия ждала первой возможности избавиться от него, и от открытых попыток ее удержал только страх перед неудовольствием Александра. Даже когда стало известно, что Аристотель попал в немилость к своему старому ученику, они не решились напасть на него; но в 323 году, когда известие о внезапной смерти Александра заставило всю Грецию почувствовать, что настало время навсегда избавиться от ненавистных македонцев и вернуть себе свободу, они сразу же дали волю своей давно

заветной ненависти. О том, как трудно было найти материал для обвинения против него, говорит тот факт, что им пришлось вернуться к его старой поэме о *Ворте*, написанной в память о Гермии (см. с. 4), и выдвинуть на ее основе обвинение в нечестии - обвинение, которое всегда легко выдвигается и всегда вызывает сильные народные предрассудки. По афинским законам, обвиняемый в любом подобном деле мог, по своему желанию, избежать наказания, покинув город в любое время до суда; и Аристотель, не будучи, как Сократ, гражданином, не мог иметь никаких оснований для отказа воспользоваться этой свободой. Поэтому, заметив, что он не позволит афинянам добровольно согрешить против философии во второй раз, он удалился в свою загородную резиденцию в Халкисе в Эвбее, старом доме семьи его матери, чтобы подождать, пока дела не примут другой оборот, что, собственно, вскоре и произошло, когда Афинам пришлось открыть свои ворота для Антипатра. Но прежде чем это случилось, Аристотель был уже в могиле, скончавшись в 322 году, незадолго до Демосфена, от болезни желудка, от которой он давно страдал. Его останки, как говорят, были перевезены в Стагиру, где благодарные жители воздвигли над ними алтарь и воздали божественные почести его памяти. Свою библиотеку и рукописи сочинений он оставил в руках Теофраста, который сменил его в Ликее. Его завещание, текст которого дошел до нас, свидетельствует, наряду со всем остальным, что мы знаем о нем, о благородстве, доброте и справедливости его натуры.

ГЛАВА II

ФИЛОСОФИЯ АРИСТОТЕЛЯ

Платон говорил, Аристотель писал" - Альфред де Мюссе.

Неужели Бог и природа враждуют.

Что природа навевает такие дурные сны?

-Теннисон.

Существует три сущности. Две из них разумны; одна вечна, а другая тленна.

Последняя признается всеми, например, в виде растений и животных; что касается первой, или вечной, то мы должны рассмотреть ее элементы и выяснить, являются ли они одним или многими. Третье - неизменное [и, следовательно, недоступное для чувства], и это некоторые мыслители считают трансцендентным.- Аристотель.

Видение божественного - вот что самое сладкое и лучшее; и если Бог всегда наслаждается этим видением, как это иногда делаем мы, то это прекрасно, а если он делает это в еще большей степени, то это еще прекраснее. И так оно и есть. И жизнь принадлежит ему, ибо самоопределение мысли есть жизнь, а он есть самоопределение. И его абсолютное самоопределение есть высшая и вечная жизнь. И мы называем Бога живым существом, вечным, лучшим; так что жизнь и длительность, единая и вечная, принадлежат Богу, ибо это и есть Бог.

Мы должны рассмотреть, каким образом система вселенной содержит добро и лучшее: как нечто трансцендентное и самоопределяющееся или как порядок.

Конечно, в обоих сразу, как в любой армии, для которой благо - это порядок, и оно

же - генерал, причем последний больше, чем первый. Ибо не генерал обязан порядку, а порядок - генералу".

Мысль Аристотеля отличается от мысли Платона как по своему методу, так и по своим результатам. Платон, воспитанный в школе Пифагора, Парменида, Гераклита, и Сократа, естественно, искал истину в сверхчувственной области разума и думал, что находит ее в идеях, достижимых путем диалектического процесса в индивидуальном сознании. Таким образом, он выдвинул доктрину, которая, несмотря на свою показную цель скрепить узы общества, в действительности была направлена на полное удаление людей от общества и усиление того самого индивидуализма, который она должна была излечить. Аристотель, еще учась в школе Платона, отвернулся от этой доктрины, и в последующей жизни он никогда не упускал возможности побороть ее. Он мог указать на *"Республику"* Платона как на предупреждающий пример ее логических последствий. Но, делая это, он был готов поставить на его место другую доктрину, и сделал он это на основе глубокого изучения всего хода греческой мысли, мифологической и философской.

Вместо того чтобы, подобно Платону, апеллировать к индивидуальному сознанию и пытаться открыть конечную истину путем приведения его данных в гармонию между собой, Аристотель апеллирует к историческому сознанию и пытается найти истину путем гармонизации и дополнения его данных посредством дальнейшего обращения к внешнему миру, в котором эти данные реализуются. Он утверждает, что истины, достигаемые диалектическим процессом, являются лишь формальными, а потому пустыми, бесполезными на практике, пока они не будут восполнены опытом из кладовой природы. Вследствие такого изменения позиции он отбрасывает диалектический процесс и заменяет его *методом индукции*, который он первым в мире постиг, изложил и применил, став, таким образом, отцом всей истинной науки. И он использует индукцию более широко, чем кто-либо другой с его времен, применяя ее в области, в которой даже сейчас вряд ли можно ожидать каких-либо результатов, - в области обыденного сознания. Действительно, он везде начинает поиск конкретной истины с изучения исторического сознания и, обнаружив и обобщив его содержание путем индукции, обращается с ним к природе и путем второй индукции исправляет, дополняет и гармонизирует его. Выражаясь современным языком, можно сказать, что все его усилия направлены на то, чтобы исправить и дополнить несовершенное человеческое сознание постоянным обращением к божественному сознанию, *проявленному в мире*. Ошибка современных исследователей заключается в том, что они используют только одну половину индуктивного метода, объективную, и либо полностью опускают субъективный, либо, подобно Платону, применяют его только к индивидуальному сознанию. Отсюда и те сильно расходящиеся результаты, которые до сих пор встречаются нам во многих науках, в политике, психологии и т. д., отсюда и тот факт, что большая часть науки, вместо того чтобы исправлять, расширять и гармонизировать общее сознание, стоит совершенно в стороне от него, а то и прямо противостоит ему. Человек, который пишет трактат о психологии или о душе, не потрудившись выяснить, что означает "душа" в общем сознании человечества, и, возможно, руководствуясь совершенно индивидуальным представлением о ней, вряд ли может рассчитывать на какой-либо иной результат. Аристотель, верный своему методу индукции, посвящает целую книгу своей *"Психологии"* выяснению того, что означает "Душа" в историческом сознании, как нерелексивном, так и релексивном. Затем с этим значением он обращается к природе, пытается путем индукции выяснить, что она хочет сказать по этому поводу, и придерживается ее ответа. Именно поэтому его мысль завладела миром и оказала на него такое практическое влияние, какого не оказывала ни одна другая мысль. Именно поэтому из всех древних людей именно перед ним с уважением склоняется современный ученый.

Если мы теперь спросим себя, какая мысль лежала в основе теории индукции Аристотеля, каков был его *Weltanschauung*, то обнаружим, что она заключалась в следующем: Божественный разум проявляет себя субъективно в историческом процессе в человеческом сознании и объективно[4] в естественном процессе во внешнем мире. Истина для человека - это гармония этих двух откровений. Отсюда прямо следует, что ученый должен беспристрастно учитывать и то, и другое. Так, например, если он находит богов в историческом сознании, а законы или силы в природе, он не имеет права, подобно теологу, сливать последние с первыми или, подобно физику, заменять первые вторыми. Он должен сохранять и то, и другое до тех пор, пока не сможет привести их в гармонию. Только тогда он сможет познать и то, и другое.

Такая философия, вместо того чтобы уводить людей от мира природы и истории и ограничивать их узким кругом собственного сознания, с необходимостью возвращает их в этот мир, как единственное средство, с помощью которого может быть достигнуто любое человеческое благополучие. Именно по этой причине она так сильно повлияла и на общественную жизнь, и на науку. Тем не менее, мы сильно ошибемся, если предположим, что, по мнению Аристотеля, божественное - это не более чем имманентная идея, действующая как сила в природе и как мыслеформа в разуме. Он действительно считает, что божественное есть все это, но не то, что это все божественное, что есть. Помимо божественного, которое определяется в природе и в человеке, существует трансцендентный Разум, или Бог, определяющий себя через себя и имеющий такое же отношение к божественному, какое солнце имеет к свету, человеческий разум - к человеческой мысли, генерал - к порядку своей армии. Здесь мы далеки от пантеизма, и, хотя мы еще не доросли до ясного представления о личности, у "руля вселенной" мы видим сознательное существо, источник закона и порядка. И человек, поднявшись над мыслью, что он познает себя через природу, а природу через себя, может войти в сознание Бога и стать причастным к той жизни, которая "слаще и лучше всего". Таковы особенности мысли Аристотеля, которые в XIII веке сделали ее приемлемой для христианской церкви в ее борьбе с пантеизмом и которые проложили путь к тому высшему мистицизму, наиболее выдающимся представителем которого является Фома Аквинский, - мистицизму, который не похож на мистицизм неоплатоников, как у неоплатоников и буддистов, не отрешается от мысли, чтобы потерять себя в пустоте, но, поднимаясь на широкой основе знания, пронзает облака чувства, чтобы оказаться в присутствии самой конкретной Реальности, неисчерпаемого источника всех мыслей и всех вещей.

ГЛАВА III

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА АРИСТОТЕЛЯ

Прежде всего, попытаемся перечислить все достойные высказывания людей прошлого по любому аспекту этого вопроса, а затем, обратившись к нашим сборникам *конституционных историй*, попытаемся прийти к теории, какие вещи сохраняют и разрушают каждую конкретную форму правления, и посмотрим, по каким причинам одни управляются хорошо, другие - плохо. Преуспев в этом, мы, возможно, тем лучше узнаем, что является наилучшей формой правления и какие механизмы, законы и обычаи лучше всего подходят для каждой формы. - Аристотель.

Человек - политическое животное. - Ид.

Государство предшествует человеку.

Без друзей никто не захотел бы жить, хотя и обладал бы всеми остальными благами. -
Ид.

Если счастье - это самоопределение в соответствии с ценностью, то мы должны заключить, что оно будет соответствовать высшей ценности, которая будет ценностью самой благородной части нас. Эта часть, чем бы она ни была, интеллектом (νοῦς) или чем-то иным, тем, что по природе своей явно управляет и руководит нами и имеет представление о вещах прекрасных и божественных, будь она сама божественной или самой божественной частью нас, есть то, чье самоопределение, в соответствии с его надлежащей ценностью, будет совершенным счастьем. О том, что оно заключается в видении божественных вещей, уже говорилось..... Это, действительно, высшее самоопределение, по той причине, что интеллект - высшая часть нас, а то, с чем он имеет дело, - высшее из познаваемого..... Но жизнь такого рода была бы чем-то более высоким, чем человеческая; ведь тот, кто жил ею, жил бы не как человек, а как субъект чего-то божественного..... Если, таким образом, интеллект есть нечто божественное по отношению к человеку, то жизнь, прожитая в соответствии с ним, должна быть божественной по отношению к человеческой жизни. Вместо того чтобы следовать тем, кто советует нам, будучи людьми, направлять свои мысли на человеческие вещи, а будучи смертными, направлять их на смертные вещи, наш долг, насколько это возможно, действовать как бессмертные существа и делать все возможное, чтобы жить в соответствии с высшей частью нас самих - Аристотелем.

Только человек, среди всех существ, занимает среднее место между вещами тленными и вещами нетленными..... Две цели, таким образом, Невыразимое Провидение предназначало человеку: блаженство в этой жизни, которое состоит в упражнении родных способностей и изображается земным раем, и блаженство в вечной жизни, которое состоит в наслаждении видением Бога, чего нельзя достичь никакими родными способностями, если только им не помогает божественный свет, и что должно пониматься под небесным раем..... Этими целями и средствами пренебрегали бы человеческие страсти, если бы люди не сдерживались в своем стремлении с помощью узды и бича..... По этой причине человеку потребовалось двойное указание, соответствующее этой двойной цели. Он нуждался в Верховном Понтифике, чтобы тот вел род человеческий к жизни вечной, и в Императоре, чтобы тот вел род человеческий к временному благополучию, в соответствии с учениями философии..... Истина в вопросе о том, исходит ли власть императора непосредственно от Бога или от кого-то другого, не должна восприниматься настолько строго, чтобы означать, что римский князь в некоторых отношениях не подчиняется римскому понтифику, поскольку это смертное благополучие нашего рода в некотором смысле предписано с целью бессмертного благополучия. Поэтому пусть Цезарь проявляет к Петру то почтение, которое первенец должен проявлять к отцу, дабы, озаренный благодатью отца, с большей добродетелью просвещать мир, которым он призван управлять от Того, Кто есть правитель всего духовного и мирского" - Данте.

О милость преизобилующая, откуда я взялся
Взор свой устремить на вечный свет
И так далеко, что поглотил в нем свой взор!
В его глубинах я увидел, что он заключен
В единый том, скрепленный любовью,

Все, что есть во вселенной.
Субстанцию и случайность, и все их виды,
как бы слились воедино в таком виде.
Что то, что я имею в виду, - лишь простой свет.
Универсальную форму этого же узла
Я думаю, что видел, потому что, когда я так говорю,
Я чувствую, что радуюсь с большей радостью.-Id.

Главная цель человека - прославить Бога и вечно наслаждаться им.
Вестминстерский *краткий катехизис*.

Главной целью Платона, писавшего о воспитании, было предложить средство для исправления социальных и моральных условий его родных Афин. У Аристотеля нет такой цели. Он в глубоком смысле космополит и пишет в интересах науки и всеобщей пользы. Его кругозор не ограничивается Афинами или даже Грецией (хотя он очень гордится тем, что он грек), а охватывает весь известный мир во времени и пространстве. В отличие от Платона, который был знаком в основном с институтами прошлого в Египте и Греции, Аристотель глубоко затронут тенденциями будущего, и хотя никто не делает большего акцента, чем он, на необходимости знания прошлого для того, кто хочет построить надежную социальную теорию, он, тем не менее, заявляет, что все прошлое формируется чем-то, что находится в будущем, конечной реализацией. Этот взгляд парадоксальным образом проявляется в его знаменитом высказывании о том, что "государство предшествует человеку", под которым он подразумевает, что именно политическая природа человека, действующая в нем, делает его человеком и в то же время реализуется в государстве. И это подводит нас к концепции государства Аристотеля, которую мы должны рассмотреть, прежде чем приступить к его теории образования, поскольку для него, как и для всего античного мира, образование является функцией государства и осуществляется, прежде всего, по крайней мере, для целей государства.

Прежде чем решиться на теорию государства, Аристотель, верный своим индуктивным принципам, написал конституционные истории более двухсот пятидесяти различных государств. Одна из них, *Конституционная история Афин*, недавно была обнаружена и опубликована (см. [с. 96](#)). Он считал, что только с помощью широкой индукции, ставшей таким образом возможной, можно раскрыть идею государства, то есть его самореализующуюся форму. Используя этот метод, он пришел к выводу, что государство - это тот высший социальный институт, который обеспечивает высшее благо или счастье человека. Убедившись в предыдущем трактате, что этим благом является ценность (*ἀρετή*), а ценность - это в каждом случае полное осуществление характерной или отличительной способности, он заключает, что, поскольку отличительной способностью человека является разум, государство - это институт, обеспечивающий человеку наиболее полное и свободное осуществление этой способности. Отсюда прямо следует, что государство - это просто и исключительно высшее образовательное учреждение, университет, к которому все остальные учреждения являются лишь подготовительными. Из этого следуют еще два вывода: (1) что государства будут различаться по конституции в зависимости от образовательных потребностей народов, среди которых они существуют, и (2) что, поскольку всякое образование есть лишь подготовка к какой-либо достойной деятельности, политическое образование, жизнь человека как гражданина, есть лишь подготовка к высшей деятельности, которая, поскольку она высшая, обязательно должна быть

самоцелью. Такой деятельностью, утверждает Аристотель, может быть не что иное, как созерцание, видение божественного (θεωρία).

Результаты, которые привели мир в движение, логически вытекали из этой доктрины. В то время как Платон предусмотрел небольшое и избранное тело сверхгражданских людей и тем самым проложил путь к религиозному монашеству и аскетизму, Аристотель утверждает, что в каждом цивилизованном человеке как таковом есть сверхгражданская часть, фактически сверхчеловеческая и божественная часть, для полной реализации которой все остальные части и государство, в котором они находят свое выражение, являются лишь средством. Здесь мы имеем в зародыше всю теорию Данте о соотношении Церкви и государства, теорию, которая лежит в основе всех современных политических усилий, как бы мало ни был признан этот факт. Здесь, действительно, вся основа *"Божественной комедии"*; здесь же и доктрина Блаженного видения, которая на протяжении веков определяла и, в значительной степени, до сих пор определяет жизнь христианства. Данте мог бы назвать Аристотеля своим учителем (см. с. 153)! Великие врачи Церкви говорили о нем как о "Философе" и "Предтече Христа в естественных вещах". Напрасно Петр Рамус, Лютер, Бруно и Бэкон обесценивали или предавали его анафеме! Сегодня он более влиятелен в мыслях и жизни, чем когда-либо за последние двадцать два столетия.

Можно спросить, насколько и в какой форме Аристотель представляет себе божественную жизнь возможной для человека на земле. Он отвечает, что, хотя она не может быть реализована здесь в совершенстве или постоянно, она в какой-то степени и на определенное время достижима (см. с. 161). В той мере, в какой это социальная жизнь, это жизнь дружбы или духовной любви (φιλία), которой он посвятил почти две книги своей *"Этики"*, книги, которые дают нам более высокое представление о его личной чистоте и достоинствах, чем любые другие из его сохранившихся трудов. Он настаивает на том, что дружба - это высшее благо (см. с. 166), и что "каково бы ни было существо человека и для чего бы он ни решил жить, он хочет провести свою жизнь в обществе своих друзей". Говорят даже, что Аристотель, преподавая в Ликее, собрал вокруг себя кучку благородных юношей и искренних учеников и сформировал из них своего рода общину, чтобы вести поистине духовную социальную жизнь.

ГЛАВА IV

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО АРИСТОТЕЛЯ

Природа - начало всего. Аристотель.

Жизнь - больше, чем мясо, а тело - больше, чем одежда, - Иисус.

Силы человеческих страстей в нас, когда они полностью подавлены, становятся более бурными; но когда их вызывают в действие на короткое время и в нужной степени, они наслаждаются размеренным наслаждением, успокаиваются и, будучи очищенными, прекращаются добрым, а не жестоким образом. По этой причине в трагедии и комедии, наблюдая за страстями других, мы умирняем свои собственные страсти, делаем их более умеренными и очищаем от них; так же и в храмах, видя и слыша низменные вещи, мы освобождаемся от вреда, который мог бы произойти от их практического осуществления. - Ямблих.

Забота о теле должна предшествовать заботе о душе; за заботой о теле должна следовать забота об аппетитах; и, в последнюю очередь, забота об интеллекте. Мы тренируем аппетиты ради интеллекта, а тело - ради души" - Аристотель.

Практика абортов была тем, что мало кто в древности испытывал глубокое чувство осуждения..... Физиологическая теория, согласно которой плод не становится живым существом до момента рождения, оказала определенное влияние на суждения, вынесенные по поводу этой практики. Смерть нерожденного ребенка не вызывает сильного чувства сострадания, и люди, которые еще не достигли сильного чувства святости человеческой жизни, которые верили, что они могут регулировать свое поведение в этих вопросах утилитарными взглядами, в соответствии с общими интересами общества, могли с большой готовностью прийти к выводу, что предотвращение рождения во многих случаях было актом милосердия. В Греции Аристотель не только одобрял эту практику, но даже желал, чтобы она была закреплена законом, когда численность населения превышала определенные пределы. Ни один закон ни в Греции, ни в Римской республике, ни во время большей части Империи не осуждал его..... Язык христиан с самого начала был совершенно иным. С непоколебимой последовательностью и с самым сильным акцентом они осуждали эту практику не просто как бесчеловечную, а как безусловно убийственную.-Леки, *Европейская мораль*.

Аристотель ясно видел, что сильная тенденция человеческой расы к увеличению, если ее не исправить строгими и позитивными законами, абсолютно фатальна для любой системы, основанной на равенстве собственности; и, несомненно, не может быть более сильного аргумента против любой системы такого рода, чем необходимость таких законов, которые предлагает сам Аристотель..... Он, кажется, полностью осознает, что поощрять рождение детей, не обеспечивая должным образом их содержание, значит получать очень небольшое увеличение населения страны за счет очень большого увеличения несчастий.- Мальтус, *"Эссе о народонаселении"*.

Учитывая взгляды Аристотеля на человека, его предназначение и функции государства, нам не составит труда понять характер и метод его системы образования. Человек - это существо, наделенное разумом; его цель - полная реализация этой суверенной и отличительной способности; государство - это средство, с помощью которого это достигается.

Читатели *"Вильгельма Мейстера"* Гете наверняка помнят описание во второй части *"Педагогической провинции"*. Так вот, государство Аристотеля с полным основанием можно назвать педагогической провинцией. Пытаясь описать это государство и то, как оно выполняет свои функции, трудно понять, с чего начать, по той причине, что в целом государство является одновременно и учителем, и учеником. Оно организует всю схему образования и, следовательно, связано с ней как причина; оно строится по этой схеме и, следовательно, связано с ней как следствие. Соответственно, он приходит и в начало, и в конец. Это университет, который организует всю схему образования и сам является его высшей ступенью. Я попытаюсь преодолеть эту трудность, проводя различие между тем, чем является государство, и тем, что оно делает, начиная с первого и заканчивая вторым.

Что касается того, чем является государство, мы должны рассмотреть (1) его природные и (2) социальные условия. К первым относятся климат, протяженность, характер и положение территории; ко вторым - количество и характер жителей, имущественные нормы, различие классов, архитектура города, образ жизни, правительство и отношения с другими государствами.

Аристотель требует для своего государства умеренного климата на том основании, что холодный климат делает людей сильными и смелыми, но тупыми и глупыми, а жаркий климат делает их интеллектуальными, но женственными. Лучший климат - тот, который делает их одновременно храбрыми и умными. Территория должна быть достаточно обширной и плодородной, чтобы обеспечить ее обитателей всеми материальными условиями жизни в ответ на труд, который должен пробуждать, не истощая, их энергию. Она должна выходить на восток или юг, быть здоровой, хорошо орошаемой, доступной с суши и моря и легко обороняемой".

Что касается социальных условий, то самым важным Аристотель считает количество граждан. И здесь необходимо тщательно учитывать два момента. (1) Под "государством" он понимает город с небольшой территорией. Это не является, как ошибочно полагают, его высшим социальным единством. Он ясно признает нацию (*ἔθνος*) и конфедерацию (*συνμαχία*); но он считает, что они существуют только для материальных целей, тогда как цель государства - духовная. (2) Под "гражданином" он понимает политика. Человек является гражданином не потому, что он родился или проживает в государстве, а потому, что он причастен к его функциям. Государство, состоящее из механиков, как бы велико ни было их число, было бы маленьким государством, а состоящее из рабов - вообще никаким государством. Таким образом, оценивая размер государства, мы должны учитывать характер его жителей, их пригодность к выполнению политических функций, а не их количество. Маленькие Афины были гораздо большим государством, чем гигантская Персия на поле Марафона. Аристотель говорит о том, что число граждан должно быть достаточно большим, чтобы обеспечить независимость, что необходимо для государства-культуры, и не слишком большим, чтобы быть управляемым. Кроме граждан, в государстве обязательно будет очень много других человеческих существ, рабов, земледельцев, механиков, моряков - всех их он исключает из гражданства на том основании, что они не делают добродетель, то есть реализацию разума, целью своей жизни. Женщины, в некотором смысле, являются гражданами, если они принадлежат к семьям граждан; но их сфера - семья.

Что касается собственности, то Аристотель начинает с рассмотрения того, для каких вещей она необходима. Их, по его мнению, шесть: три частных и три общественных. К первым относятся пища (включая одежду и кров), орудия производства и оружие; ко вторым - общественные предприятия (гражданские и военные), религия и право. Это "предметы первой необходимости" (*ἀναγκαῖα*) государства, которые оно должно должным образом обеспечивать. Самой важной из них является религия, на которую он везде делает большой упор. Что касается распределения собственности, то он предлагает наполовину социалистическую схему. Вся земля должна принадлежать государству, то есть совокупности свободных граждан. Она должна быть разделена на две равные части, одна из которых предназначена для общественных, а другая - для частных нужд. Доход от общественной части должен идти на поддержку религии (и закона?) и общественных столов, от которых ни один гражданин не может быть отстранен по бедности. Частная часть должна быть разделена таким образом, чтобы каждый гражданин имел один участок вблизи города, а другой - на границе. Таким образом, он будет заинтересован в защите всей территории. Обе части должны обрабатываться крепостными или рабами, часть которых обязательно будет принадлежать государству, а часть - частным лицам. Землевладение должно быть условием гражданства, а всем гражданам запрещено заниматься какой-либо производительной деятельностью. Это последнее правило, как надеются, предотвратит серьезное неравенство богатства и вытекающее из него зло. Скромная компетенция, получаемая от своего состояния, - это все, к чему должен стремиться любой гражданин. Только деградировавшие люди, неспособные к добродетели, будут стремиться к большему.

На различие классов уже был брошен некоторый свет. Их два: правящие и управляемые. Аристотель считает, что это различие проходит через всю природу и дух, что оно является основополагающим в самом бытии. Оно существует между Богом и Вселенной, формой и материей, душой и телом, объектом и субъектом, мужем и женой, родителем и ребенком, господином и рабом и т. д. и т. п. Правящий класс снова подразделяется на две части: думающую и определяющую (законодатели и судьи) и исполняющую (чиновники, офицеры, солдаты); а управляемый подразделяется на земледельцев, механиков и моряков (матросов, рыбаков и т.д.). Все представители управляемого класса - крепостные или общественные рабы, работающие не на себя, а на своих господ. Аристотель считает, что это должны быть варвары разных рас, а не греки.

Архитектура города в определенной степени соответствует этому социальному делению. Естественно, она будет делиться на три части: военную, религиозную и гражданскую. Прежде всего, город должен иметь стены. Они должны иметь башни и бастионы, расположенные на должном расстоянии друг от друга, и быть как можно более привлекательными. Храмы богов и канцелярии главных магистратов должны, по возможности, располагаться на укрепленной цитадели, заметно возвышающейся над всем городом. К ней должна примыкать площадь Свободных, предназначенная исключительно для правящего класса и не загроможденная никакими делами и товарами. Здесь должен располагаться гимнастический зал для старших горожан, которые таким образом будут общаться с магистратами и внушать им "истинное почтение и страх свободных". Рыночная площадь должна быть расположена так, чтобы было удобно принимать товары как с моря, так и с суши. Это касается всей гражданской архитектуры, кроме столовых, о которых мы лучше поговорим в следующем параграфе.

Образ жизни правящего класса обязательно будет сильно отличаться от образа жизни управляемых. О последних Аристотелю нечего сказать. Он мало на что надеется от этого класса, кроме возможности находиться в довольном подчинении. Поскольку у него нет политической жизни, все, что ему остается, - это жизнь семьи. Правящий класс, напротив, живет в значительной степени публично и на государственные средства. Они занимаются в общественных гимназиях и едят за общественными столами. Главные магистраты имеют свою столовую в цитадели, жрецы - рядом с храмами, магистраты, отвечающие за деловые вопросы, улицы и рынки, - рядом с рыночной площадью, а те, кто занимается обороной города, - в башнях. Когда горожане не заняты общественными делами, они могут собраться на площади Свободных и насладиться *беседой* под открытым небом, с музыкой, поэзией и философией, словом, *διαψυχή*, для которой в нашем языке нет даже приблизительного эквивалента (см. с. 33). С годами граждане получают все больше и больше удовольствия от *διαψυχή*, которая, по сути, считается концом жизни, здесь и в будущем.

Правительство полностью находится в руках свободных граждан: законодательная и совещательная власть - у старших, исполнительная, гражданская и военная - у младшей части. Любопытно, что, хотя Аристотель считает такое устройство наилучшим из возможных при обычных обстоятельствах, он, тем не менее, полагает, что самым счастливым состоянием для государства было бы правление какого-нибудь божественного или героического человека, намного превосходящего всех остальных в мудрости и доброте. Одним из таких людей он, очевидно, считает Писистрата и, возможно, надеется, что Александр станет другим.

Отношения педагогического государства с другими государствами должны быть, насколько это возможно, мирными. Как всякий труд - ради отдыха и *διαψυχή*, так и всякая война - ради мира; и стоит позавидовать тому государству, которое может сохранить почетную

независимость без войны. Культурное государство будет избегать любых попыток завоевания и не желать тиранить другое государство, как и быть тиранизированным самим. В то же время оно всегда будет готово к войне, имея армию хорошо обученных, хорошо вооруженных солдат и хорошо укомплектованный, хорошо оснащенный флот.

Таковы основные черты идеального государства Аристотеля, основанного, по его мнению, на политической природе человека и истории прошлого. Как и все общественные идеалы, как и само небо в обычном понимании, это статичное состояние. Его институты зафиксированы раз и навсегда, и все усилия направлены на их сохранение. Любопытно отметить, насколько во многих пунктах оно совпадает с идеалом Ксенофонта.

Цель государства - воспитать своих граждан, сделать их добродетельными. Добродетель - это жизненный принцип государства, и она не зависит, как другие условия, от природы или случая, но от свободной воли. Идеальное государство, как и любое другое, должно воспитывать, ориентируясь на свои собственные институты, поскольку только так они могут быть сохранены. "А так как государство в целом имеет одну цель, то очевидно, что политическое образование всех граждан должно быть одинаковым, и что это дело государства, а не каприза отдельных лиц, как это почти повсеместно делается в настоящее время, когда каждый родитель занимается воспитанием своих детей и дает им то образование, которое соответствует его собственному вкусу". Для образования тех членов государства, которые не являются гражданами, государство ничего не предусматривает. Они учатся своим практическим обязанностям, выполняя их, и находятся под полным контролем граждан. Аристотель прилагает самые энергичные усилия, чтобы доказать, что рабство имеет свое оправдание в природе, которая установила между греком и варваром отношения господина и раба (см. [с. 12](#)). Поскольку женщина принадлежит к семье и лишь косвенно является гражданкой государства, ее воспитание возлагается на первый институт. Дочь должна получать образование от родителей, а жена - от мужа, именно так, как рекомендовал Ксенофонт.

Придя к выводу, что образование должно быть делом государственного законодательства, причем одинакового для всех граждан, он продолжает: "Остается выяснить, каков должен быть характер образования и способ его получения. Нынешнее состояние образования оставляет этот вопрос в полном беспорядке, никто, кажется, не знает, должны ли мы преподавать те предметы, которые позволяют людям зарабатывать на жизнь, или те, которые способствуют развитию достоинств, или, наконец, достижения. У всех есть свои защитники. Что касается тех предметов, целью которых является ценность, то здесь нет общего согласия, поскольку разные люди придерживаются различных взглядов на то, какие виды ценности достойны восхищения, и, следовательно, расходятся во мнениях относительно средств, которые следует использовать для их культивирования. Однако один момент совершенно ясен: полезным вещам, которые необходимы, нужно учить. Но столь же очевидно, что следует проводить различие между либеральными и нелиберальными занятиями, и что преподавать нужно только те полезные предметы, которые не превращают изучающих их в ремесленников. Мы должны рассматривать как ремесло любое занятие, искусство или обучение, которое способствует тому, что тела, души или интеллект свободных людей становятся непригодными для использования и практики добродетели. По этой причине мы называем ремеслами все те искусства, которые понижают состояние тела, и распространяем этот термин на ремесла, связанные с зарабатыванием денег, поскольку они отвлекают и унижают интеллект. Что касается свободных искусств, то знакомство с ними до определенного момента не является нелиберальным; но любое чрезмерное увлечение ими с целью достижения профессионального мастерства вызывает упомянутые возражения.

Кроме того, есть большая разница в том, с какой целью мы делаем или изучаем то или иное дело. Если человек делает что-то для себя, для друзей или для пользы, это не является нелиберальным, тогда как если он часто делает это ради кого-то другого, его сочтут корыстным или рабским".

Следующий и очень важный вопрос: для чего государство должно обучать - для дела или для отдыха? Отвечая на него, Аристотель полностью отходит от старых греческих традиций, а также от Платона и утверждает, что, хотя государство должно воспитывать и для того, и для другого, воспитание для досуга гораздо важнее воспитания для дела, и ссылается на природу как на свой авторитет. "Сама природа требует, - говорит он, - чтобы мы не только правильно занимались бизнесом, но и умели элегантно использовать свой досуг. Если мы должны иметь и то, и другое, то должны; но досуг предпочтительнее бизнеса, и наш последний вопрос должен заключаться в том, в каком занятии мы будем проводить свой досуг. Бесполезно говорить, что мы должны проводить его в игре и что игра - это цель и смысл нашей жизни. Если это невозможно, а истина заключается в том, что подходящее место для игры - среди дел (именно человеку, который трудится, требуется отдых, который и является целью игры, а дела сопровождаются напряжением и усилиями), то, прибегая к игре, мы должны выбирать подходящие времена для ее применения, как если бы это было лекарство. Действительно, все подобные движения души - это отдых, и отдыхом они становятся из-за удовольствия, которое доставляют. Напротив, считается, что отдых сам по себе подразумевает удовольствие, счастье и блаженную жизнь. Все это выпадает на долю тех, у кого есть досуг, а не тех, кто занимается бизнесом. Те, кто занимается бизнесом, делают это ради какой-то скрытой цели, которая в нем не реализуется, в то время как счастье само по себе является целью и, согласно всеобщему убеждению, приносит не боль, а удовольствие. Конечно, относительно природы этого удовольствия в настоящее время существует множество мнений, каждый человек имеет свои предпочтения, обусловленные его характером и привычками, а высший тип человека предпочитает высший тип удовольствия и то, которое возникает от самых благородных вещей. Нам не нужно больше аргументов, чтобы показать, что мы должны получать обучение и образование в определенных вещах с целью *otium cum dignitate* (или культурного досуга), и что они должны быть самоцелью, в отличие от обучения, даваемого для бизнеса, которое является необходимым и имеет скрытую цель".

Три принципа, которые Аристотель выдвигает в качестве основополагающих для любого образования: (1) тренировка тела должна по времени преобладать над тренировкой ума; (2) учеников следует учить делать вещи до того, как им объяснят их причины и принципы; (3) обучение никогда не является игрой или ради игры.

Аристотель выделяет следующие периоды воспитания: (1) детство, продолжающееся от рождения до конца седьмого года и заключающееся в здоровом росте и, впоследствии, в подготовке к дисциплине; (2) отрочество, с начала восьмого года до наступления половой зрелости, посвященное более легким формам дисциплины, телесной и умственной; (3) юность, от возраста половой зрелости до конца двадцать первого года, занятая более суровыми формами дисциплины; (4) мужественность, посвященная государственным обязанностям. Все это лишь подготовка к божественной жизни души. Мы будем рассматривать их по порядку, включая второй и третий в одну главу.

ГЛАВА V

ВОСПИТАНИЕ В ТЕЧЕНИЕ ПЕРВЫХ СЕМИ ЛЕТ

Не позволяй разврату и непристойным речам
В квартиру нежной юности попасть... - Ювенал.

Le cœur d'un homme vierge est un vase profond-
Когда первая вода, которую он выливает, нечиста,
La mer y passerait sans laver la souillure;
Car l'abîme est immense, et la tache est au fond.
-Альфред де Мюссе.

Государство должно начинать воспитание детей еще до их рождения; более того, до брака их родителей. Оно должно следить за тем, чтобы в брак вступали только люди крепкого телосложения. Спортсмены не годятся для брака, как и слабаки. Лучший возраст для вступления в брак - тридцать семь лет для мужчины и восемнадцать для женщины. Во время беременности женщины должны особенно заботиться о своем здоровье, питаться легкой пищей и совершать короткие прогулки. Государство должно издать закон о том, чтобы они каждый день посещали храмы определенных богов и возносили благодарственную молитву за оказанную им честь. Они должны тщательно избегать любых форм эмоционального возбуждения. Если рождаются неполноценные дети, они должны быть подвергнуты облучению или уничтожены. Государство должно определить, сколько детей может иметь каждая супружеская пара, и, если рождается больше этого числа, они должны быть уничтожены либо до, либо после рождения. "Как только дети рождаются, следует помнить, что их будущая сила будет во многом зависеть от питания, которое они получают". Лучше всего подходит молочная диета, а вина следует избегать. "Также очень важно, чтобы дети совершали те движения, которые соответствуют их стадии развития..... Все, к чему можно приучить детей, следует делать с самого начала и постепенно продвигаться вперед. Дети, в силу их высокой природной теплоты, являются подходящими объектами для приучения к холоду. Эти и другие моменты того же характера - то, на что следует обратить внимание в первые годы жизни ребенка. В последующие годы, вплоть до пятилетнего возраста, хотя детей не следует подвергать никакому обучению или суровой дисциплине, опасаясь, что это помешает их росту, они должны выполнять такие упражнения, которые предохранят их тело от вялости. Этого можно добиться с помощью других видов деятельности, а также игры. Необходимо следить за тем, чтобы их игры не были ни нерафинированными, ни трудоемкими, ни вялыми. Что касается разговоров и историй, которые должны слышать дети, то этим вопросом должны заниматься должностные лица, которые называются опекунами общественного образования. Необходимо следить за тем, чтобы все подобные вещи прокладывали путь к будущим занятиям. Поэтому все игры должны быть типами будущей учебы. Что касается детского крика и плача, то они не должны быть запрещены, как это делается в некоторых местах. Они способствуют росту тела, действуя как своего рода гимнастика. Как люди, занятые тяжелым трудом, увеличивают свою силу, задерживая дыхание, так и дети увеличивают свою силу, крича. Задача попечителей общественного образования - обеспечить их развлечения в целом, а также следить за тем, чтобы они как можно реже вступали в контакт с рабами. Конечно, естественно, что в этом возрасте они должны усваивать непристойности речи и манеры поведения из того, что слышат и видят. Что касается нецензурной брани, то она, как и все остальное, должна быть запрещена во всем обществе (ибо легкомысленная нечистоплотность в разговорах легко приводит к нечистоплотности в поступках), но прежде всего в обществе молодых, чтобы они не могли ни

слышать, ни произносить ничего подобного. Если кто-либо из детей будет пойман за произнесением или совершением запрещенного, если он свободен и не достиг возраста, когда детям разрешается приходить к общественному столу, его следует опозорить и подвергнуть телесному наказанию; если же он старше, достаточно наказать его позором, как раба, за то, что он вел себя как раб. И если мы запрещаем всякое упоминание о неподобающих вещах, то с еще большим основанием мы запретим смотреть на неподобающие картины и слушать неподобающие рассказы. В обязанности попечителей общественного образования должно входить наблюдение за тем, чтобы нигде в штате не было ни одной статуи или картины, изображающей что-либо подобное, кроме как в храмах тех богов, которым обычная вера приписывает определенную распущенность..... Следует ввести правило, запрещающее молодым людям присутствовать на спектаклях или комедиях до достижения ими возраста, когда им разрешается приходить к общественному столу и пить вино, и когда воспитание укрепит их против всех возможных опасностей, исходящих от них.... Все мы предпочитаем то, что узнаем впервые; поэтому все, что напоминает о подлости или невежестве, должно быть чуждо детям. Начиная с пятого года жизни и до седьмого, дети должны присутствовать при преподавании различных видов обучения, которые им впоследствии предстоит получить".

В этом кратком очерке начального образования мы видим, что Аристотель не отходит далеко от представлений Платона. Она содержит даже отвратительные черты его схемы. Она предполагает, что граждане - мужчины, женщины и, после определенного возраста, дети - едят за общественными столами и что воспитанием полностью управляет государство, а семья в этом отношении является лишь его агентом. Некоторые из его особенностей, включая стражей общественного воспитания (παῖδωνόμοι, child-herds), явно заимствованы из Спарты.

ГЛАВА VI

ГОДЫ ОТ СЕМИ ДО ДВАДЦАТИ ОДНОГО ГОДА

Самые благородные натуры как раз те, которые больше всего нуждаются в воспитании, - Сократ.

Мы очутились под благородным замком
Окруженный семью высокими стенами,
защищаемый вокруг прекрасным ручьем.
Мы прошли по нему, как по твердой земле:
Через семь ворот я вошел вместе с этими мудрецами.
Мы вышли на луг свежей зелени. Данте.

Для этого периода, который Аристотель делит на две части (см. [с. 183](#)) по наступлению половой зрелости, он, в основном, принимает курс обучения, принятый в его время. По его словам, он состоит из четырех направлений: "Письма, гимнастики, музыки и рисования, причем последнее не является универсальным. Письму и рисованию учат потому, что они полезны в обычных делах жизни и для различных целей, а гимнастике - потому, что она способствует развитию мужественности, тогда как цель музыки сомнительна".

О письмах Аристотелю нечего сказать, кроме того, что они необходимы в обычных делах жизни. Он защищает Гомера от Платона и пускается в долгие рассуждения, чтобы показать ценность драмы. Вместо того чтобы верить, как Платон, что дети не должны видеть и слышать ничего, что могло бы возбудить их эмоции, он утверждает, что только будучи должным образом возбужденными и "очищенными", они могут быть обучены и подчинены разуму. Среди страстей, препятствующих проявлению разума, - страх и жалость. Трагедия пробуждает их, а затем истощает приятным и безвредным способом. Комедия делает то же самое для удовольствия и смеха. По сути, он утверждает, что особая функция изящных искусств заключается в том, чтобы служить катарсисом для различных страстей. Искусство - это идеальный опыт. Аристотель оставил нам работу о трагедии, которая занимает почетное место в литературе по этому предмету даже в наши дни.

Рисование Аристотель рекомендует как отрасль обучения, которая развивает вкус и суждение в отношении продуктов промышленного искусства; но он говорит, что его следует изучать не только для того, чтобы оно помогало нам правильно выбирать эти произведения или даже произведения изобразительного искусства, но скорее потому, что оно позволяет нам оценить красоту формы. Он добавляет: "Вечный спрос на то, что просто полезно, - это не признак широты или либеральности".

Кратко остановившись на письме и рисовании, Аристотель переходит к гимнастике и музыке, уделяя каждой из них значительное место.

Наряду с гимнастикой, но отдельно от нее, он называет физическую культуру (παιδοτρίβική), говоря, что в то время как первая придает характер действиям тела, вторая придает характер самому телу. Целью гимнастических упражнений не должны быть ни атлетизм, ни свирепость, как это делают лакедемоняне в своих детях, надеясь сделать их мужественными. Первое вредит красоте и росту тела, второе не достигает цели (см. с. 41). "Следовательно, благородство, а не свирепость, должно играть главную роль среди наших целей в физическом воспитании. Ведь ни волк, ни какой-либо другой дикий зверь никогда не отваживался на благородную опасность. Для этого нужен благородный человек; а те, кто позволяет своим детям слишком углубляться в такие дикие упражнения и тем самым оставляет их не обученными в необходимых отраслях, делают их, по сути, простыми профессионалами, полезными для целей государства только в одном качестве, и, как мы показали, уступающими другим даже в этом.

"Итак, существует общее согласие относительно пользы гимнастики и того, как она должна проводиться. Вплоть до полового созревания дети должны подвергаться только легким упражнениям, а от принудительных диет и сильных нагрузок следует отказаться, чтобы не создавать препятствий для роста тела. О том, что силовые упражнения препятствуют росту, свидетельствует не более двух-трех примеров, когда люди побеждали на Олимпийских играх как мальчики, так и мужчины. Объясняется это тем, что остальные были лишены своей силы в детстве из-за тренировок, которые им приходилось проходить". После наступления половой зрелости, в течение трех лет, юноши, очевидно, должны почти не заниматься гимнастикой, а усердно заниматься письмом, музыкой и рисованием. Последующий период должен быть посвящен суровым упражнениям и строгой диете, а умственные нагрузки должны быть сведены к минимуму; "ибо два вида нагрузок естественным образом действуют друг против друга: телесные нагрузки препятствуют интеллекту, а интеллектуальные - телу".

О музыке, как о предмете изучения, мы имеем почти что дискуссию из-под пера Аристотеля. Прежде всего его занимает вопрос: "Какова польза музыки? Является ли она отдыхом, занятием для культурного досуга или гимнастикой для души? Он отвечает, что это все три

вида занятий, и любой из них заслуживает изучения. В то же время главная ценность музыки для образования заключается в ее третьем назначении. Музыка прививает умственную привычку, и в этом нет никаких сомнений. Например, песни Олимпа "вызывают в душе энтузиазм, а энтузиазм - это привычка души". Аристотель рассуждает так: Музыка способна воздействовать на нас со всевозможными удовольствиями и болью. Но нравственная ценность в основе своей состоит в том, чтобы находить удовольствие в том, что благородно, и боль в том, что неблагородно, то есть в правильном распределении привязанностей. Но в хорошей музыке те напряжения, которые доставляют удовольствие, связаны с благородными идеями, а те, которые причиняют боль, - с неблагородными; таким образом, по естественной ассоциации, удовольствия и боли, которые мы находим в музыке, связаны с идеями, которые она сопровождает. "Ничему мы не должны учиться и практиковаться так усердно, как искусству правильно судить и получать удовольствие от джентльменской осанки и благородных поступков. И кроме естественных проявлений самих страстей, ни в чем мы не найдем гнева, мягкости, мужества, самообладания и их противоположностей, а также других настроений, так хорошо представленных, как в ритмах и песнях. Мы все знаем это на собственном опыте, ибо настроение нашей души меняется, когда мы слушаем такие мелодии. Но практика, которую мы получаем от ритмов и песен, радуясь и страдая должным образом, очень приближает нас к тому, чтобы на нас так же влияли сами реалии". Здесь Аристотель проводит различие между музыкой, которая обращается к слуху, и искусствами, которые обращаются к другим чувствам, точнее, к зрению; ведь ни одно искусство не обращается к осязанию, вкусу или обонянию. В предметах искусства, обращенных к зрению, страсти выражаются лишь в той мере, в какой они затрагивают тело, тогда как в музыке они выражаются непосредственно, переходя от души к душе. Однако людей глубоко трогают скульптура и живопись, настолько, что молодым людям не следует позволять видеть такие произведения, как работы Паусона. Насколько же больше их должна трогать музыка! "То, что это так, совершенно очевидно; ведь между гармониями существует столь очевидное различие природы, что на слушателей они воздействуют совершенно по-разному. Одни повергают их в траурное или серьезное настроение, *например*, так называемый смешанный лидийский лад; другие придают мыслям сентиментальность, например, томные гармонии; есть и другой вид, который особенно производит равновесие чувств и собранность. Этот эффект присущ только дорическим гармониям. Фригийские гармонии вызывают энтузиазм. Это правильные результаты, к которым пришли те мыслители, которые посвятили свое внимание этой отрасли образования, - результаты, основанные на реальном опыте. То, что верно в отношении гармоний, верно и в отношении ритмов. Одни из них имеют устойчивый, другие - подвижный характер; из последних, опять же, одни имеют грубые, другие - утонченные движения. Из всех этих соображений очевидно, что музыка призвана придать определенный характер привычкам души, из чего следует, что ее необходимо доносить до детей и обучать их ей. Музыкальное обучение, действительно, прекрасно подходит для их стадии развития; ведь молодые люди, просто потому, что они молоды, не любят упорствовать в том, что не доставляет им удовольствия, а музыка - одна из приятных вещей. Кажется, что между гармониями и ритмами [и душой] есть даже определенное родство; поэтому многие философы считают, что душа - это гармония, или что она обладает гармонией".

Показав таким образом, что музыка является подходящим предметом обучения, Аристотель задается вопросом: "Следует или не следует учить детей музыке, обучая их пению и игре?" Его ответ стоит того, чтобы процитировать его полностью. "Совершенно очевидно, - говорит он, - что музыка будет иметь гораздо больший эффект в формировании людей, если они сами будут принимать участие в ее исполнении. Действительно, тем, кто не научился делать что-то сам, трудно или даже невозможно быть хорошим судьей, когда это сделано. В то же время дети должны иметь какое-то развлечение, и мы можем рассматривать погремушку Архита,

которую дают детям, чтобы они тратили на нее свою энергию и не ломали вещи в доме, как хорошее изобретение. Бесполезно пытаться утихомирить юное создание, и, как погремушка подходит для младенцев, так музыкальное обучение - подходящая погремушка для детей постарше. Из этого следует, что детей нужно учить музыке, заставляя их самих ее создавать, и нетрудно определить, что подходит и не подходит для разных возрастов, или ответить тем людям, которые утверждают, что изучение музыки - это что-то неджентльменское. Прежде всего, поскольку люди должны в какой-то степени сами изучать вещи, чтобы составить о них правильное суждение, они должны учиться практиковать их, пока они молоды, чтобы, когда они вырастут, они могли обойтись без этого, и все же, благодаря своим ранним занятиям, могли судить о них правильно и получать от них должное удовольствие. На возражения некоторых людей, что музыка превращает людей в ремесленников, нетрудно найти ответ, если мы рассмотрим, в какой степени занятия музыкой должны требоваться от детей, воспитываемых в гражданских добродетелях, какие песни и ритмы они должны разучивать и какие инструменты использовать - ведь в этом есть разница. Здесь и кроется решение проблемы. Дело в том, что ничто не мешает определенным видам музыки достигать поставленной цели.

"Конечно, очевидно, что овладение музыкой не должно мешать будущей пользе, прививать телу неблагородную привычку или делать его непригодным для выполнения гражданских обязанностей - ни для непосредственного обучения, ни для последующего их выполнения. Все полезные результаты музыкального образования были бы достигнуты, если бы вместо трудоемкой практики, необходимой для подготовки людей к публичным выставкам, если бы вместо попыток совершать те чудесные подвиги и *tour de force*, которые в последнее время стали популярны на публичных выставках, и перешли из них в образование, дети учились ровно настолько, чтобы иметь возможность удовольствие от благородных песен и ритмов, а не находить простое неразборчивое удовольствие во всем, что называет себя музыкой, как делают некоторые из низших животных и большая часть рабов и детей. Если признать это, то у нас не должно быть никаких сомнений относительно выбора инструментов". Аристотель особо осуждает флейту, рассказывает, как она вошла в обиход и как впоследствии была отброшена, как оказывающая безнравственное влияние. "Таким же образом были осуждены многие из древних инструментов, такие как пектис, барбитус и те, которые имели тенденцию вызывать чувственное удовольствие у слушателей, а также септангл, треугольник, самбука и все те, которые требуют научных манипуляций". ... "Мы, таким образом, осуждаем все профессиональное обучение природе и использованию этих инструментов.

Профессиональным" мы называем все обучение, которое направлено на публичные выставки. Человек, который получает его, занимается своим искусством не с целью собственной культуры, а чтобы доставить удовольствие, причем вульгарное, другим людям. По этой причине мы считаем, что такая практика не подходит свободным людям, а смахивает на рутину и ремесленничество. Да и цель, ради которой они берутся за это дело, весьма неблагородна. Ведь публика, будучи вульгарной, склонна менять свою музыку и таким образом реагировать на характер профессионалов, которые удовлетворяют их вкусы, и это опять же оказывает влияние на их тела, поскольку они вынуждены совершать движения".

Поскольку разные виды музыки по-разному влияют на привычки души, Аристотель задается вопросом, какие виды подходят для воспитания. "Мы принимаем, - говорит он, - классификацию некоторых философов, которые делят песни на этические, практические и восторженные, приписывая им соответственно различные гармонии, и утверждаем, что музыка должна использоваться не для одной только полезной цели, а для нескольких: *во-первых*, для обучения, *во-вторых*, для очищения, *в-третьих*, для культурного досуга, для расслабления и отдыха. Очевидно, что все гармонии должны быть использованы, хотя и не

все одинаково. Наиболее этичные (*то есть* те, которые в наибольшей степени затрагивают *этос* или привычку души) должны использоваться для обучения; практичные и восторженные - для развлечений профессиональных исполнителей. Ведь те эмоции, которые мощно проявляются в некоторых душах, потенциально присутствуют во всех, с разницей лишь в степени, *например*, жалость, страх, а также энтузиазм, форма возбуждения, которой некоторые люди очень склонны овладевать. Если мы проследим за воздействием священных песен, то увидим, что под влиянием торжественных песен эти люди приходят в нормальное состояние, как если бы они прошли курс лечения и очищения. То же самое должно происходить со всеми людьми, предрасположенными к жалости, страху или эмоциям вообще, а также с другими людьми в той мере, в какой они позволяют себе подходить к любому из них; для всех них должна существовать та или иная форма очищения и облегчения, сопровождаемая удовольствием. Таким образом, эти "очистительные" песни доставляют безвредное удовольствие, и именно по этой причине должен быть принят закон о том, что исполнители, дающие публичные концерты, должны использовать такие гармонии и такие песни. Дело в том, что, поскольку существует два вида публики: одна - свободная и культурная, другая - грубая и вульгарная, состоящая из механиков, рабочих и т. п., должны существовать развлечения и выставки, чтобы обеспечить времяпрепровождение как вторым, так и первым. Поскольку души этих людей, так сказать, извращены от нормальной привычки, то и среди гармоний есть отклонения, а среди песен - натянутые и обесцвеченные; и каждый человек получает удовольствие от того, что соответствует его природе. По этой причине исполнителям должно быть позволено создавать такую музыку на благо этой части публики".

"Для целей обучения, как уже говорилось, мы должны использовать этические песни и соответствующие им гармонии. Такой гармонией является дорическая, как уже было отмечено. Мы должны также признать любой другой вид музыки, который мог бы понравиться тем людям, которые уделяют внимание философским дискуссиям и музыкальному образованию..... Что касается дорической гармонии, то она, по всеобщему признанию, является самой спокойной из всех гармоний, выражающей самый мужественный характер. Более того, поскольку наш принцип заключается в том, что среднее между крайностями желательно и должно быть достигнуто, а дорический лад имеет такое отношение к другим ладам, из этого следует, что дорические песни должны преподаваться молодым людям в предпочтении перед любыми другими. Однако следует учитывать две вещи: практичность и уместность. Я имею в виду, что мы должны обсудить, что именно может быть практичным для разных людей, а что - уместным. Это, конечно, зависит от разных периодов жизни. Например, людям на закате жизни будет нелегко петь напряженные гармонии; для них природа подсказывает томные виды. Поэтому правы те музыканты, которые обвиняют Сократа в том, что он осудил томные гармонии как предмет обучения на том основании, что они опьяняют. (Под этим термином он подразумевал не опьянение в том смысле, в каком опьяняет вино, - ведь вино делает буйным скорее, чем что-либо другое, - а томление). Правда в том, что с прицелом на будущее, на старость, следует обучать гармониям и песням такого рода. Более того, если существует какая-либо гармония, подходящая для молодежи, как склонная к совершенствованию, так и к обучению, как, например, лидийская, она, конечно, должна быть принята. Таким образом, становится ясно, что в отношении образования необходимо учитывать три разные вещи: избегание крайностей, практичность и уместность".

Вот и все четыре направления обучения, которые, по мнению Аристотеля, должны составлять учебный план молодежи. Мы заметили, что в своих сохранившихся работах он мало говорит о письме и рисовании. О том, какие именно предметы должны были включать в себя первые,

он нигде не говорит прямо; но я думаю, не может быть сомнений в том, что он отводил место грамматике, риторике (включая поэтику), диалектике, арифметике, геометрии и астрономии, которые вместе с музыкой составляют семь свободных искусств, *тривиум* и *квадривиум* Средневековья. Этот учебный план претерпел значительные изменения в разные времена, как мы можем видеть из Филона, Телеса, Секста Эмпирика, Святого Августина и других; но в Марциане Капелле он вернулся к своей первоначальной форме, и в таком виде доминировал в образовании в течение тысячи лет. Возможно, мы могли бы нарисовать программу среднего образования Аристотеля следующим образом:-

Учеба:	-	<i>Практика</i>	-	Физическая подготовка	-	Танцы (см. стр. 82) Выправка	-	До полового созревания.
				Гимнастика	-	Бег Прыжки Метание копья Метание диска	-	До полового созревания.
						Борьба Стрельба Марш-бросок Сверление Верховая езда	-	После полового созревания.
		<i>Креатив</i>	-	Музыка Рисование				
		<i>Теоретический</i>	-	Грамматика Риторика Диалектика	-	До полового созревания.		
				Арифметика Геометрия Астрономия	-	После полового созревания.		

ГЛАВА VII

ОБРАЗОВАНИЕ ПОСЛЕ ДВАДЦАТИ ОДНОГО ГОДА

Будьте уверены, что источником счастья являются не обширные владения, а правильное расположение души. Даже если речь идет о теле, никто не назовет его счастливым за то, что оно облачено в великолепные одежды; но так поступили бы, если бы оно было здоровым и благородно развитым, даже без таких придатков. Точно так же мы должны приписывать счастье душе только тогда, когда она воспитана, и называть человека счастливым только тогда, когда он обладает такой душой, а не тогда, когда он великолепно одет внешне, но не имеет собственных достоинств..... Для тех, чьи души нездоровы, ни богатство, ни власть, ни красота не являются благословением; напротив, чем более чрезмерны эти состояния, тем более широко и глубоко они вредят их обладателям, если не сопровождаются праведным умом - Аристотель.

Зенон рассказывал о Кратесе такую историю: Однажды Кратес сидел в сапожной мастерской и читал вслух "*Увещевание (к философии)*" Аристотеля, адресованное Фемисону, царю киприотов, в котором царю напоминают, что он обладает в исключительной степени всеми условиями для философии, огромным богатством и высоким положением. Пока он читал, сапожник, не прерывая шитья, слушал его, пока, наконец, Кратес не сказал: "Филиск, я думаю, что напишу для тебя *Увещевание*, ибо я вижу, что у тебя больше условий для философии, чем перечислил Аристотель" - Телес.

В возрасте двадцати одного года молодые люди, успешно прошедшие государственную систему обучения, становятся гражданами или политиками и начинают выполнять соответствующие функции. Они бывают двух видов: (1) активные, практические, или исполнительные, и (2) совещательные, теоретические, или законодательные. Поскольку действия должны быть, одной стороны, энергичными, а с другой - направляться обдумыванием, требующим большого опыта, функции государства должны быть организованы таким образом, чтобы активные обязанности выпадали на долю молодых и крепких, а обдуманные - на долю пожилых и зрелых. Отличительной добродетелью первых является стойкость, выносливость или терпение, вторых - философия. Оба в равной степени обладают самообладанием и справедливостью. Таким образом, Аристотель распределяет четыре кардинальные добродетели Платона.

Когда юноши только становятся гражданами, их назначают на активную службу, гражданскую и военную, и таким образом они изучают практическую философию - этику и политику - на практике. По мере взросления они постепенно поднимаются на должности, требующие меньше практики и больше размышлений, пока, наконец, не попадают в совещательный орган, или совет, когда их активные обязанности прекращаются, и они могут посвятить себя умозрительной философии или теоретике. Теперь эти люди достигли конца жизни, если говорить об этом мире. Они проводят свои дни в культурном отдыхе и созерцании божественных вещей (θεωρία). Самых старых из них, наиболее сведущих в божественных вещах, выбирают в жрецы, чтобы они могли как бы жить с богами и достойно им служить. Так постепенно, почти неощутимо, они переходят из мира времени в мир вечности; от несовершенной деятельности практики, цель которой лежит вне ее самой, к совершенной энергии созерцания, которая самодостаточна и является жизнью Бога. Таким образом, Аристотель разрешает спорный вопрос о совместимости и относительной ценности практической и созерцательной жизни. Они являются необходимыми дополнениями друг друга. Практика - это реализация того, что созерцание обнаруживает в чистой энергии Бога, проявляющей себя в мире. Таким образом, практическая жизнь человека постепенно переходит в созерцательную жизнь Бога.

Таков высший взгляд на судьбу человека и путь к ней, которого когда-либо достигали греки, и он во многих отношениях является наиболее привлекательным и вдохновляющим. Его недостатки - это недостатки всего греческого. Их два: (1) его идеал - интеллектуальный и эстетический - согласованное, гармоничное целое, частью которого является индивид, а не моральный или религиозный - самоотдача индивида высшей воле; следовательно, (2) он не обеспечивает каждого человека как такового, а только небольшое, избранное число, плод целого. Его этика институциональна, а не личностна, и, более того, грек никогда не приходил к отдаленному понятию личности, что возможно только через моральное сознание, которое является его ядром. Он стремится найти счастье в соотношении и уравнивании индивидуальных "я", а не в независимом соответствии каждого "я" высшему "я". Поэтому идеал Аристотеля, при всей его чудесной проницательности и мужественном благоразумии, оказался бессильным восстановить нравственное единство человека, пока не был поглощен высшим.

КНИГА IV

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД
(до н. э. 338 - н. э. 313)

ГЛАВА I

ОТ ЭТНИЧЕСКОЙ К КОСМОПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Это Греция, но живой Греции больше нет - Байрон.

Славнейшая из всех Беспредельных, многоименная, окруженная благоговением!
Юпитер, автор Природы, применяющий ко всем вещам руль закона -
Слава! Радуйся! Ибо справедливо радуются расы, чья жизнь - лишь отрезок.
возносят к Тебе свои голоса - Автору и Создателю Человека.
Ибо мы - сыны Твои; Ты дал нам при рождении символы речи,
Один из живых и смертных, что движутся по земле.
Поэтому я всегда восхваляю и пою хвалу Твою;
Ибо Тебе повинуются великая Вселенная, катящаяся по своему пути вокруг мира.
Повинуются Тебе, куда бы Ты ни направил, и с радостью увязает в Твоих узах,
Так велика сила, которую Ты вверяешь сильным, непобедимым рукам,
И рабу Твоему, могучему, служителю Твоему, как болт громовой, летящий,
Обоюдоострый, как меч, и яростный, Живой и никогда не умирающий.
Вся природа в страхе и ужасе дрожит на пути его удара,
В то время, когда Ты готовишь путь для единого Слова, произнесенного Твоими устами,
Которое смешивается со светом меньшим и большим, которое пронизывает и овевает все
сущее,
Так велика сила Твоя и природа Твоя во Вселенной, Высочайшей из Царей!
На земле из всех деяний, что совершены, О Боже, нет ни одного без Тебя.
В святом эфире ни одного, ни одного на лице моря;

Кроме тех дел, которые задумали злые люди, движимые своим слепым безрассудством;
Но то, что стало неровным, снова становится ровным от руки Твоей;
И неприличное становится приличным, и недружелюбные становятся дружелюбными к Тебе;

Ибо так добро и зло в высшей степени Ты соединил в одно по указу Твоему.
Ибо все постановления Твои едины вовек - Слово, которое пребывает вовек,
От которого смертные, мятежные, стараются бежать и не повиноваться.
И не повезло тем, кто, изнемогая от желания властвовать над добрыми вещами,
Не слышат и не видят в Единстве закон, что божество несет;
Которому люди, повинаясь разуму, могли бы достичь славной жизни,
Не блуждая больше бесцельно по путям бесславных распрей.
Есть люди с непомерным рвением, которые устали от погони за славой,
И люди с более низкими стремлениями, которые обращаются к корысти и позору.
Есть и такие, что балуют и услаждают плоть нежными укусами:
Все они желают быть не такими, как все.
Великий Джов, всеподатель, мрачный, великий повелитель грозного дыхания!
Избавь людей, окутанных невежеством, мрачных, как смерть.
Отче, рассеивай тьму в их душах и даруй им свет
Разума, Твоего пребывания, когда весь мир Ты будешь править с могуществом,
Чтобы мы, удостоенные такой чести, могли почтить имя Твое музыкой гимнов,
Восхваляя деяния Донора, непрестанно, как и подобает
Человечество; ибо нет более достойного доверия ни для Бога, ни для человека.
Чем вечно славить справедливость в законе, который вечен и един.

Отличительными чертами эллинского образования были единство, всесторонность, пропорциональность и целеустремленность. Оно распространялось на всего человека, стремясь привести различные элементы его природы в полную гармонию с учетом цели. Этой целью было государство, в котором отдельный гражданин должен был найти поле для своей деятельности. Мы видели, как в то время как консервативная Спарта до последнего держалась этого идеала и строго исключала те влияния, которые стремились его подорвать, Афины, свободно допуская их, постепенно нарушали справедливую пропорцию между телесным и умственным воспитанием, чрезмерно предаваясь последнему, и таким образом проводили различие между человеком и гражданином. В результате разразилась эпидемия индивидуализма, которая поставила под угрозу существование всего эллинского. Против этой разрушительной силы благороднейшие люди нации, Эсхил, Аристофан, Перикл, Сократ, Ксенофонт, Платон, Аристотель, боролись всеми силами своего достоинства и интеллекта. Одни из них стремились вновь возродить человека в гражданине с помощью деспотизма и подавления всех интеллектуальных занятий; другие, ясно видя невозможность этого, пытались так определить сферу личности, чтобы она не посягала на сферу гражданина, а находилась в гармоничной связи с ней. Для этого они ставили сферу личности выше сферы государства, а поскольку первая была чисто интеллектуальной, они были вынуждены заключить и утверждать, что созерцательная жизнь есть конец и завершение практической, что гражданин и государство существуют только ради личности. Они были очень далеки от того, чтобы увидеть все последствия этого вывода: они проявились только впоследствии; но факт остается фактом: принцип разделения человека и гражданина и отведение почетного места первому оказались одновременно ангелом-разрушителем эллинизма и оживляющим духом цивилизации, пришедшей ему на смену. Если мы внимательно рассмотрим схемы Платона и Аристотеля, то увидим, что они пытаются сделать

безобидным дух индивидуализма, исчерпав его деятельность в интеллектуальных отношениях с божественным, предлагая ему небеса, если он только согласится отказаться от земных притязаний в пользу политического духа. Практически они говорили следующее: Человек во всех его отношениях к своим собратьям здесь, внизу, является гражданином; только по отношению к Богу он - личность. История последних двух тысяч лет - лишь комментарий к этому тексту. С того дня, когда главный ум греческого мира наделил природу человека божественным началом, обладающим собственной высшей активностью, европейскую мысль и жизнь будоражили три вопроса, ответы на которые в значительной степени определяли ее: (1) Какова природа божественного начала в человеке? (2) В какой форме или институте это начало должно найти свое выражение и реализацию? (3) Как этот институт должен соотноситься с государством? И на эти вопросы пока нет определенного ответа.

Принципы, которые должны двигать миром, никогда не являются результатом простого абстрактного мышления, а всегда порождаются кризисом или эпохой в человеческих делах. Так было и в данном случае. Разделение человека и гражданина было осуществлено на деле, прежде чем оно было сформулировано в теории. С другой стороны, теория получила акцент благодаря событиям, которые сопровождали и следовали за ее провозглашением. Битва при Херонее, произошедшая за шестнадцать лет до смерти Аристотеля, навсегда покончив со свободной гражданской жизнью Греции, лишила старый идеал тех условий, при которых он мог реализоваться, и заставила мужчин искать сферу деятельности и создавать ассоциации вне государства. Государство, правда, все еще сохраняло видимость жизни, и старое образование с его литературой, гимнастикой и музыкой все еще продолжало существовать; но дух того и другого исчез. Государство постепенно заменялось философскими школами, а интеллектуальное обучение все больше и больше концентрировалось на риторике - искусстве, позволяющем человеку блистать перед своими товарищами и добиваться богатства или общественного признания. С этого времени духовная жизнь Греции нашла свое выражение в претенциозном, пустом индивидуализме риториков, потомков софистов, и в философских сектах, воплотивших в себе дух Сократа, их противника.

Основателем риторических школ можно считать Исократа, который, будучи учеником Сократа, выступил против философского направления и отстаивал эlegantный филистерство. Целью этих школ было воспитание умных людей, хорошо знакомых с популярными мнениями и мотивами, способных легко, сентиментально и убедительно выражать свои мысли по любому вопросу. Обычно они не стремились привить глубокую образованность или вызвать философские мысли: более того, они презирали и то, и другое; но они стремились привить такое количество обычных знаний, чтобы их ученики были в курсе основных течений популярной мысли своего времени. Таким образом, они становились носителями практического образования среди людей, которые, потеряв политическую жизнь и не найдя никакой другой, стремились получить удовлетворение в социальном общении. В течение сотен лет они оказывали огромное влияние и, более того, в определенное время и в определенных местах были грозными соперниками философских школ.

Первым человеком греческой расы, попытавшимся основать секту или школу за пределами государства, был Пифагор, и нет сомнений, что все последующие школы в той или иной степени были созданы по его образцу. Правда, пифагорейская школа распалась и рассеялась задолго до дней Платона и Аристотеля (см. с. 54); тем не менее его последователи, рассеянные по Греции, унесли с собой идеи и принципы своего учителя, и теперь, когда Афины впали в то состояние, против которого протестовала пифагорейская

дисциплина, эти идеи нашли готовый отклик в сердцах тех людей, которых не могла удовлетворить общественная жизнь того времени. Поэтому школы Платона и Аристотеля, которые изначально были просто учебными заведениями, еще при жизни последнего превратились в секты (αἵρέσεις, ереси, как их называли впоследствии), с определенными наборами неполитических принципов, в соответствии с которыми их члены пытались строить свою жизнь. Нельзя сказать, что эти две школы были в значительной степени успешными, и причины этого заключались в том, что они были слишком чисто интеллектуальными, что в них не было яркого бунта против политической жизни, и что они требовали тип человека, который нелегко было найти. Но вскоре после смерти Аристотеля почти одновременно возникли две другие школы, которые оказывали влияние, глубокое и широкое, на протяжении шестисот лет. Это были эпикурейцы и стоики. Как бы сильно они ни различались по средствам, они стремились к одной и той же цели, а именно к личной независимости, и добивались они ее путем соответствия законам, установленным не человеческим законодателем, а природой. Первые руководствовались законами чувств, вторые - законами духа; и, как ни странно, если первые отстаивали свободу воли, то вторые исповедовали фатализм. Эти четыре школы были единственными, которые когда-либо пользовались широким покровительством в Афинах, и, за исключением Академической, они никогда не отклонялись далеко от принципов своих основателей. Во времена Марка Аврелия, после того как Афины на протяжении многих веков были всего лишь римским университетом, они были взяты под государственный патронаж и поддерживались из общественных средств, и нет никаких записей, свидетельствующих о том, что это было прекращено, пока они не были окончательно закрыты императором Юстинианом в 529 г. н.э.

Вскоре после смерти Аристотеля Афины были вытеснены Александрией как центром греческого влияния. Здесь обосновались риторическая и философская школы, которые вскоре могли похвастаться многочисленными учениками. Однако они уже не были исключительно или даже преимущественно греческими, а набирались из всех народов известного мира, особенно восточных. Финикийцы, сирийцы, евреи, персы и т.д., не говоря уже о египтянах, теперь стали студентами греческой философии и членами философских сект, члены которых не только учились вместе, но и часто, в значительной степени, жили вместе в общинах. Примерно в 300 году до н. э. были основаны знаменитые Александрийский музей и Александрийская библиотека - первый университет и первая публичная библиотека в мире. Вокруг них собирались представители различных сект, чтобы учиться, дискутировать и обмениваться мнениями. Их внимание привлекала не только греческая мысль. Мнения и верования Египта и Востока занимали их долю, и, в конце концов, самую большую. И это не удивительно, если учесть, в каком направлении развивалась тогда мысль и жизнь.

Мы уже видели, что по мере того, как греческая гражданская жизнь теряла условия своего существования, вдумчивая часть народа все больше и больше искала жизненные принципы в сверхчувственном мире интеллекта. Природу этого мира Платон и Аристотель постарались раскрыть. Но события показали, что ни упорядоченное множество идей, управляемых Добром, ни Высший Разум, которому служит множество низших интеллектов, не могут дать принципов, которых требовала жизнь того времени; и поэтому мы видим, что философы Александрии стремятся наполнить свой умопостигаемый мир формами, заимствованными из всех религий Востока, включая иудаизм. Так возникли различные формы александрийской философии, соединения греческой мысли и восточной религии. На их основе в то же время были организованы различные формы общественной жизни, все они в большей или меньшей степени тяготели к религиозному коммунизму. Отсюда появились эссены (см. с.

59), терапевты, неопифагорейцы, неоплатоники, которые, несмотря на определенные недостатки, сделали многое для очищения жизни и проложили путь к высшей цивилизации.

В 146 г. до н. э. Греция, а в 30 г. до н. э. - Египет, попали в руки римлян и отныне составляли провинции их империи. Афины и Александрия теперь были римскими университетскими городами, а Рим становился все более и более распространяющимся центром греческого и восточного влияния. В рамках данной работы невозможно дать даже приблизительный обзор форм, которые образование приняло в этих трех великих центрах или в мире, вращавшемся вокруг них, за шестьсот с лишним лет, прошедших между утратой греческой автономии и триумфом христианства. Мы лишь попытаемся дать общее представление о двух основных тенденциях, которые, как мы видели, были направлены на риторику и философию; и мы сделаем это в связи с именами двух людей, которых можно рассматривать как типичных представителей этих двух тенденций: ритора Квинтилиана и философа Плотина. Тем самым мы подготовим почву для рассмотрения вопроса о возникновении христианских школ.

ГЛАВА II

КВИНТИЛИАН И РИТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Риторика - аналог диалектики. Обе они имеют своим предметом те вещи, которые в известном смысле являются общеизвестными и не принадлежат ни к какой определенной науке. Поэтому каждый в той или иной степени одарен ими; ведь каждый в той или иной степени старается рассмотреть и поддержать аргумент, защитить себя и обвинить других - Аристотель.

Существует определенная политическая теория, состоящая из множества великих вещей. Большая и важная ее часть - искусственное красноречие, которое они называют риторикой. - Цицерон.

Всякая обязанность, направленная на сохранение человеческих отношений и человеческого общества, должна занимать более высокое место, чем та, которая останавливается на знании и науке.

Зенон, сжав пальцы в кулак, сказал, что это похоже на диалектику; раздвинув их и раскрыв ладонь, он сказал, что красноречие похоже на его ладонь. - Ид.

Действовать обдуманно важнее, чем мыслить мудро. - Ид.

Я перехожу к удовольствию ораторского красноречия, наслаждение которым человек испытывает не в какой-то один момент, а почти каждый день и каждый час. - Тацит.

Грамматика - это экспериментальное знание употребления языка в том виде, в каком он обычно используется поэтами и прозаиками. Она делится на шесть частей: (1) тренированное чтение с учетом просодии [т.е. придыхания, ударения, количества, акцента, метра и т.д.], (2) изложение по поэтическим фигурам [литературная критика], (3) готовое изложение диалектических особенностей и аллюзий [филология, география, история, мифология], (4) обнаружение этимологий, (5) точный учет аналогий [акциденция и синтаксис], (6) критика поэтических произведений, которая является самой благородной частью грамматического искусства [этика, политика, стратегия и т.д.]. - Дионисий Фракс.

Чтение - это восприятие поэтических или прозаических произведений без запинок и колебаний. При этом необходимо обращать внимание на выразительность, просодию и паузы. По выражению мы узнаем достоинства произведения, по просодии - искусство чтеца, а по паузам - смысл, который предполагается передать. Таким образом, мы читаем трагедию героически, комедию - разговорно, элегию - захватывающе, эпос - продолжительно, лирику - музыкально, а песнопения - мягко и плаксиво. Любое чтение без должного соблюдения этих правил унижает достоинства поэтов и делает привычки читателей смешными".

Некоторые искусства являются общими, другие - либеральными.... Либеральные искусства, которые некоторые называют логическими, - это астрономия, геометрия, музыка, философия, медицина, грамматика, риторика.- Схолия к *Дионисию Фраксу*.

Очевидно, что человек превосходит других животных в достоинствах и речи: Почему бы нам не считать, что его ценность заключается в красноречии в той же мере, что и в разуме? Квинтилиан.

Гражданский человек, и тот, кто действительно мудр, кто посвящает себя не пустым спорам, а управлению государством (от которого те, кого называют философами, наиболее далеко отошли), будет рад использовать все доступные ораторские средства для достижения своих целей, предварительно решив в своем уме, какие цели являются почетными.- Ид.

Если мы пересчитаем все эпохи жизни, то обнаружим, что ее боли гораздо многочисленнее ее удовольствий..... Первая, младенческая эпоха, очень тяжела. Ребенок голоден, кормилица отправляет его спать: он хочет пить, она умывает его: он хочет спать, она берет погремушку и шумит. Когда ребенок сбегает от няни, им занимается педагог, физрук, грамматист, музыкальный мастер, мастер рисования. Со временем к ним добавляются учитель арифметики, геометр, коновод; он рано встает, у него нет возможности для отдыха. Он становится кадетом; ему снова приходится бояться начальника строевой части, учителя физкультуры, фехтовальщика, гимназиста. Все они бьют его кнутом, следят за ним, затыкают рот. В двадцать лет он выпускается из кадетского корпуса; снова он боится и наблюдает за капитаном, генералом и т. д.-Телес Стоик (ок. 260 г.).

Наивысший период в истории Рима - это период, когда у него не было литературы. Только когда римская национальность начала распадаться, а космополитические греческие тенденции закрепились в народе, начала появляться литература. По этой причине римская литература с самого начала своего возникновения, по абсолютной необходимости, наполнена греческим духом и находится в самой прямой оппозиции к национальному духу народа.- Моммзен.

Quintiliane, vagæ moderator summe juventæ,
Gloria Romanæ, Quintiliane, togæ.-Martial.

Вплоть до того времени, когда Рим начал приходить в упадок, школьное образование молодежи было крайне скудным и состояло из чтения, письма и небольшого количества законов. Все последующее образование, которое превышало это, было заимствовано у греков. Примерно в 200 году до н. э., в конце Второй Пунической войны, их влияние стало отчетливо проявляться. Суровый Катон, который так сердечно презирал раторов и философов, в старости выучил греческий и написал для своего сына ряд руководств по

этике, риторике, медицине, военному делу, земледелию и праву. В то же время Сципион Африканский проводил часы досуга, занимаясь гимнастикой. С этого времени, по мере того как Рим терял свой национальный характер и становился космополитом, он все больше и больше перенимал греческие нравы, греческую религию (или иррелигию) и греческое образование. Когда, наконец, в 146 г. до н. э. Греция стала зависимой от Рима, было совершенно верно, что "плененная Греция взяла в плен своего грубого завоевателя". Тысячи греческих школьных учителей, риториков, философов и т.д. стекались в Рим, и, хотя предпринимались попытки изгнать или подавить их, они удерживали свое место, по той простой причине, что предлагаемое ими образование было необходимостью того времени. Рим, хозяйка мира, должен был либо стать космополитом, либо погибнуть, и она предпочла первое. Теперь она впервые начала иметь свою литературу и культивировать свой собственный язык. Особое внимание она уделяла таким дисциплинам, как (1) грамматика, то есть литература, (2) риторика, (3) философия, которые соответствовали школьному, университетскому и университетскому образованию. Последняя, как и музыка и геометрия, была, по большей части, элегантным достижением, а не серьезным занятием. Физические науки не пользовались особой популярностью.

До тех пор пока римское образование находилось в руках греков, оно велось на греческом языке, и авторы, которых читали и обсуждали, были греками. Но римляне, хотя и охотно заимствовали греческую культуру, не желали постоянно находиться в интеллектуальной зависимости от завоеванного народа, который во многих отношениях они презирали. Поэтому были предприняты активные усилия по развитию национальной литературы и национального образования. Примерно в 100 году до н. э. Луций Илиус Прэконин Сило, достойный и консервативный римский рыцарь, открыл частный класс латинской грамматики и риторики для молодых людей из высших классов, и с этого времени прямое влияние греков, за исключением философии, уменьшилось. На греческом, правда, продолжали говорить все, кто претендовал на культуру; но языком римской литературы стала латынь. Среди учеников Сило были Варро и Цицерон, которых, наряду с Юлием Цезарем, можно назвать родителями классического латинского языка, литературы и красноречия. И Варро, и Цезарь написали труды по грамматике. Некий Корнифиций (широко известный как *Auctor ad Herennium*) примерно в это время написал первый латинский трактат по риторике; но великим авторитетом в этой области, как в практике, так и в теории, был Цицерон, написавший не менее семи работ по ней. После смерти Цицерона и превращения республики в империю красноречие утратило свое самое благородное применение - защиту свободы. Риторика, тем не менее, продолжала культивироваться как изящное искусство и для судебного использования, и, более того, ею было охвачено все высшее образование молодежи. Самым знаменитым учителем этого искусства был Квинтилиан, "верховный руководитель легкомысленной молодежи, слава римской тоги" (*m. e. гражданской мужественности*).

Квинтилиан родился около 35 г. н.э. в испанском городе Калагуррис (Калахорра), где впоследствии впервые увидел свет святой Доминик. Он получил образование в Риме, но затем вернулся в родные места и утвердился в качестве учителя риторики. Около 68 г. н. э. император Гальба пригласил его поселиться в Риме, что он и сделал, в течение двадцати лет с беспримерным успехом преподавая риторику и получая жалованье от правительства. По окончании этого срока он, богатый и почтенный, удалился в частную жизнь. Именно после этого он написал труд, донесший его славу до потомков, - *Institutio Oratorica*, или Воспитание оратора. В первой книге этого труда он излагает схему подготовительного образования для семьи и школы; последующие десять посвящены риторике, а последняя - характеру оратора,

которого он рассматривает как тождественного культурному джентльмену. Современного студента-педагога касается только первая книга, о которой я сейчас кратко расскажу.

Первой заботой родителей после рождения ребенка должно стать приобретение для него няни с хорошими моральными качествами и культурной речью. Ребенок, который рано приобретает дурные привычки в поведении и речи, редко, если вообще когда-либо, излечивается от них впоследствии. Следует проявлять большую заботу о товарищах ребенка по юности и о его педагоге, который должен обладать хорошим характером и быть хорошо осведомленным. Его первым языком должен быть греческий, но латынь следует начать изучать раньше, и оба эти языка должны тщательно культивироваться. Нет необходимости следовать обычаю, согласно которому не позволяет ребенку учиться читать или писать до окончания седьмого года жизни. Многое можно с пользой сделать в процессе игры задолго до этого. Ошибкой является обучение детей повторению алфавита до того, как они узнают формы букв. Их можно выучить на планшетах или блоках. Как только буквы будут узнаны, их следует написать. Следование пером формам букв, выгравированных на табличках из слоновой кости, - хорошее занятие. После букв нужно выучить слоги - все возможные слоги в обоих языках. После слогов идут слова, а после слов - предложения. Во всем этом процессе крайне важно обеспечить тщательность, избегая спешки. Ребенок не должен пытаться произносить слова, пока не сможет прочесть и написать все слоги, а также предложения, пока он не освоит слова. При чтении предложений он должен научиться забежать вперед, чтобы, произнося одно слово губами, он распознавал другие глазами. Урок письма должен быть использован для того, чтобы ребенок познакомился с редкими словами и хорошей поэзией. На этом этапе необходимо хорошо тренировать его память и, чтобы он мог накопить большой запас хорошей литературы для дальнейшего использования. В то же время следует хорошо тренировать его органы речи, заставляя быстро произносить стихи, содержащие сложные сочетания звуков.[5]

Как только ребенок будет в состоянии, он должен пойти в школу. Домашнее образование нежелательно по многим причинам, особенно для мальчиков, предназначенных для ораторского искусства. Они, прежде всего, должны научиться общительности, такту и *esprit de corps*, а также сформировать школьную дружбу. В школе можно усвоить многие моральные уроки и использовать многие мотивы, которые невозможны в семье. Среди последних - честолюбие, которое, "хотя само по себе и является пороком, является родителем многих добродетелей", а потому должно свободно использоваться. Вряд ли какой-либо мотив обладает такой силой.

Когда мальчика отдают в школу, первым делом учитель должен изучить его характер и способности. Главными признаками способностей являются память и способность к подражанию. Подражание - это не мимикрия, которая всегда является признаком низкого характера. Медлительность, хотя и достойна порицания, лучше, чем быстрота, которая должна всячески пресекаться. Разные мальчики нуждаются в разном обращении: кому-то нужен кнут, кому-то - шпора. Лучший мальчик - тот, "кого похвала возбуждает, кому слава доставляет удовольствие, кто плачет, когда его бьют". Такого мальчика можно питать подражанием; порицание будет жалить его, а честь - пробуждать". У мальчиков должны быть периоды отдыха и игр, не слишком короткие, чтобы обеспечить отдых, и не слишком длинные, чтобы поощрять безделье. Игры, состоящие из вопросов и ответов, хороши для оттачивания ума. В игре учителю предоставляется прекрасная возможность узнать характер своих учеников. Телесные наказания следует полностью исключить, да они и не нужны, если учитель выполняет свой долг.

В школе мальчики изучают грамматику, но она должна быть дополнена музыкой и астрономией. Без первой невозможно отсканировать стих, без второй - понять некоторые аллюзии и способы фиксации дат у поэтов. Немного философии необходимо для понимания таких поэтов, как Эмпедокл и Лукреций; геометрия - для практики аподиктических рассуждений, а также для практического использования. Таким образом, программа школьного образования будет состоять из грамматики, музыки, астрономии, философии и геометрии.

Грамматика состоит из двух частей, (1) *Методики*, или искусства правильной речи, (2) *Истории* (немецкое *Realien*), интерпретации поэтов, историков, философов и т.д. *Методика - грамматика* в современном понимании - должна быть направлена на то, чтобы мальчик мог говорить и писать правильно, четко и изящно. Следует избегать всех варваризмов (*m.e.* иностранных слов и идиом), солецизмов, жеманства и небрежного произношения. При использовании языка необходимо принимать во внимание четыре фактора: (1) разум, (2) древность, (3) авторитет, (4) обычай. При чтении мальчик должен быть научен "где задерживать дыхание, где делить стих, где смысл завершается, где начинается, где голос должен быть повышен, где понижен, какие ударения использовать, что произносить медленно, что быстро, что с силой, что мягко". "Чтобы быть в состоянии сделать все это, он должен *понимать*. Чтение должно быть прежде всего мужественным и серьезным, с некоторой сладостью". Поэзия не должна читаться ни как проза, ни как пение. Следует избегать всех театральных олицетворений и жестикуляции, напоминающей комедийную.

Для *истории* учитель должен быть очень осторожен в выборе текстов. Лучше всего начать с Гомера и Вергилия. Хотя юношам не под силу понять весь их смысл, они пробуждают энтузиазм к благородному и духовному, и их часто будут читать в дальнейшей жизни. "Трагедии полезны. Лирические поэты питательны"; но их следует использовать с осторожностью и выборочно, исключив из них все, что касается любви. Даже Гораций должен быть вычеркнут. Сатира и комедия, хотя и представляют огромную ценность для оратора, должны быть отложены до тех пор, пока моральный облик не будет достаточно сформирован, чтобы не пострадать от них. Отрывки из поэтов следует заучивать наизусть. При любом чтении следует проявлять максимальную заботу о чистоте и мужественности (*sanctitas et virilitas*).

После прочтения поэтического произведения мальчиков необходимо заставить проанализировать и просмотреть его, указать на особенности языка и ритма, перечислить различные значения слов, назвать и объяснить различные фигуры речи. Но гораздо важнее всего этого, чтобы учитель внушал им важность систематического изложения и правильности описания, "показывая, что подходит для каждой роли, что достойно похвалы в мыслях, что в выражениях, где уместен разброс, а где краткость". Давая сопутствующую информацию, будь то история, мифология или география, он должен держать себя в рамках, сообщая только то, что необходимо и опирается на авторитет. "Одно из достоинств школьного учителя - быть невежественным в некоторых вопросах".

Что касается уроков композиции, то учитель должен начать с того, что заставить учеников выписать по памяти *басни* Эзопа, написанные чистым, простым, прямым и неприукрашенным языком. Затем следует попросить их переложить поэзию в прозу и перефразировать ее, кратко или пространно. Затем он должен заставить их выписать пословицы, апофтегмы, афоризмы, короткие, блестящие анекдоты и т. д. Известные истории, рассказанные поэтами, можно использовать в качестве темы для сочинения, но главным образом для информации. Дальше этого школьный учитель не должен заходить в вопросах сочинения. Остальное должно быть предоставлено риторике.

Большое значение в образовании подростков имеет одновременное изучение нескольких предметов. Мальчики любят и нуждаются в разнообразии, и, когда они его получают, просто поразительно, как многого они могут достичь. "Нет ни малейших оснований опасаться, что мальчики будут отказываться от учебного труда. Ни в одном возрасте нет менее легкой усталости". ... "Мальчики от природы более склонны к тяжелому труду, чем юноши".

Такова, вкратце, школьная программа Квинтилиана. В ней нет места ни физическим наукам (кроме астрономии), ни ручному труду, ни физическим упражнениям. Игра, правда, допускается как необходимый вид отдыха, а гимнастика и физическая подготовка (παιδοτρίβεια) рекомендуются в той мере, в какой они необходимы для того, чтобы начинающий оратор мог двигаться и изящно жестикулировать; но это все. "Ничто не может нравиться, если оно не становится".

Как только он готов, молодой претендент на ораторскую славу переходит в руки ритора, у которого он учится всем искусствам и приобретает все те знания, которые необходимы ему для его профессии. Ни один вид знаний, ни одно нравственное совершенство не должны быть чужды оратору. Квинтилиан очень сурово критикует философов за то, что они в своем названии претендуют на исключительное звание любителей мудрости, и утверждает, что истинный оратор - это действительно мудрый и добрый человек. Он, безусловно, выше философа, который отвернулся от мира и не проявляет никакого интереса к человеческим делам. Более того, "философию можно симулировать, а красноречие - нет".

Заключительная глава последней книги труда Квинтилиана посвящена оратору после его ухода из общественной жизни. Он должен посвятить себя писательству и изучению искусства, науки и философии. Картина очаровательна, но она заканчивается смертью, и дальше ничего нет. Бог может быть определен в ораторских целях, но его существование - предмет предположений.

В Квинтилиане мы имеем высший тип гражданского человека, живущего в условиях космополитического деспотизма. Его недостатки - педантизм, раболепие, внешние проявления, мировоззренческая позиция - лишь те, которые естественны для хорошего человека, поставленного в такое положение, без всяких перспектив на высшее существование.

ГЛАВА III

ПЛОТИН И ФИЛОСОФСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Материальное тело, подверженное движению, изменению, распаду и разделению, нуждается в нематериальном принципе, который бы удерживал и связывал его в единство. Этим принципом единства является душа. Если бы она была материальной, то потребовался бы другой принцип единства, и так до бесконечности, пока не был бы достигнут нематериальный первый, который и был бы истинной душой.- Аммоний Саккас.

Разумные вещи, когда они соединяются с другими вещами, не изменяются, как телесные вещи, когда они соединяются друг с другом, но остаются такими, какие они есть, и тем, что они есть. Душа и тело тесно связаны, но не смешаны. Душа может отделяться и отделяется от тела не только во сне, но и в мыслях. Как солнце

освещает, но само остается отдельным светом, так и душа в своем отношении к телу. Она не находится в теле как в месте; скорее тело находится в ней и из нее.

Долг человека - стать сначала человеком, а потом Богом.- Иерокл.

Ни Шеллинг, ни Баадер, ни Гегель не опровергли Плотина: во многих отношениях он парит над ними.-Артур Рихтер.

То, что мы здесь любим, смертельно и больно. Наша любовь - это любовь к образу, которая часто превращается в свою противоположность, потому что то, что мы любили, не было по-настоящему достойно ни любви, ни блага, к которому мы стремились. Только Бог является истинным объектом нашей любви.

Практическая и созерцательная жизни, которые Платон и Аристотель так старались соединить и соотнести, чтобы спасти человеческую ценность и греческую цивилизацию, распались, несмотря на все их усилия - разумеется, в значительной степени в ущерб обеим. В ужасной картине, которую рисует Квинтилиан о римской жизни в первом веке нашей эры, мы видим одну сторону результата этого развода: в жестоких сатирах Лукиана, написанных менее чем столетие спустя, мы можем найти изображение другой. Но как среди морального разложения и жестокости время от времени появлялись достойные люди, такие как Квинтилиан и Тацит, так и среди философского шарлатанства и притворства все еще оставалось несколько искренних мыслителей, которые всеми силами стремились к божественной истине и пытались найти в вечном мире ту реальность, которой так жалко не хватало в этом. Но большинство из них были не греками и не римлянами, а восточными людьми, чье мышление сочетало греческую философию с восточным мистицизмом. Для таких людей эта жизнь была лишь возможностью подготовиться к более высокой, в которой заключена вся красота, все добро и все блаженство. Нетрудно понять, какого рода образование вытекает из такого взгляда на жизнь. Лучше всего его можно охарактеризовать одним словом "аскетизм". Оно уже не стремится гармонично тренировать все способности тела и ума с целью достойной социальной жизни, но дает возможность душе умереть для тела и социальной жизни и таким образом подняться к единению и единению с Богом. Ни в одной секте эта тенденция не была более заметна, чем в неоплатонической, или, как ее с равным успехом можно назвать, неоаристотелевской или неопифагорейской, величайшее имя в которой - Плотин.

Плотин родился в Египте около 205 г. н.э. Его национальность неизвестна. Он получил образование в Александрии - грамматику, риторику и философию - и выбрал преподавание последней в качестве профессии. Однако он тщетно искал систему, которая могла бы его удовлетворить, пока не встретил Аммония "Носильщика мешков", которого сразу же признал своим учителем. Этот Аммоний был воспитан как христианин, но, познакомившись с философией, отступил от нее. Однако христианское воспитание не прошло для него даром: он перенес в философию религиозный дух и некоторые эзотерические идеи, бытовавшие в то время в некоторых христианских сектах. Именно это, очевидно, позволило ему придать философии новое направление и основать новую школу, влияние которой на последующую, даже христианскую, мысль было бы трудно переоценить. Его школой была неоплатоническая, которая, как никакая другая, соединила глубокую мысль с мистической теософией (θεωρία).

Плотин слушал Аммония в течение одиннадцати лет, а после смерти последнего отправился в Персию с целью изучения религии этой страны. Однако вскоре он вернулся и, после недолгого пребывания в Антиохии, на сороковом году жизни (244 г. н.э.) отправился в Рим, где провел остаток жизни в качестве учителя философии. Его святой характер и глубокие

религиозные мысли привлекли к нему значительное число искренних мужчин и женщин, включая даже членов императорской семьи. Он предпринял попытку основать в Кампании Платонополис, чтобы его принципы могли быть реализованы в социальной жизни, в теософской общине; но это так и не было осуществлено. Он умер в 270 г. н.э. Плотин был единственным по-настоящему великим, оригинальным античным мыслителем после Аристотеля.

Если Платон и Аристотель стремились подняться к умопостигаемому миру из разумного и с помощью разумного, то Плотин, полагая, что достиг непосредственного, интуитивного познания первого, отправляется от него и пытается достичь другого. На вершине бытия он находит высший платоновский принцип, Единое или Благо, абсолютно трансцендентный и самодостаточный; ниже - высший аристотелевский принцип, Интеллект или Абсолютное Знание, *локус* всех идей; и третий - высший принцип стоиков, Душа, Жизнь или Зевс, оживляющий мир. Благо, Разум, Жизнь - такова божественная троица Плотина, возникшая в процессе абстрагирования от аристотелевского *Nous* (см. [с. 161](#)). Члены этой троицы не являются ни личными, ни сознательными, ни равными. Каждый низший обусловлен, но не проистекает из следующего над ним; и эта обусловленность вызвана не каким-либо актом свободной воли, а внутренней необходимостью. Таким образом, троица Плотина - это простая энергия, действующая по необходимым законам. Третий член ее обращается к материи, которая есть простая бедность и жажда бытия, и при этом порождает мир богов, деймонов и мирских существ, высшим из которых является человек. Все, что имеет материю, обладает множественностью.

Легко понять, какая этика и воспитание вытекают из подобной системы. Поскольку добро означает самодостаточность, свободу от множественности и материи, зло означает зависимость, множественность, материальность. Все зло, которое есть в человеке, обусловлено его связью с материей, за которую он ни в коем случае не несет ответственности. Его единственное дело, если он желает блаженства, - освободиться от материи и множественности и вернуться к единству Высшего Блага. Для этого существуют следующие ступени: (1) музыка или искусство, (2) любовь, (3) философия или диалектика: через все это он поднимается над множественностью к единству. Во всем этом, очевидно, нет ни морального зла, ни морального добра, и, более того, мир Плотина не содержит никакого морального элемента по той простой причине, что в нем нет ничего личного ни в Боге, ни в человеке. Зло - продукт необходимости, и сознание, подразумевающее множественность, является его частью. Неэтический характер учения Плотина очень четко проявляется в том, что он меняет местами обучение и очищение в схеме воспитания. Согласно старому взгляду, очищение было просто медицинским процессом, подготовительным к этическому обучению (см. [с. 7](#)). Согласно неоплатоническому взгляду, этическая подготовка и "политические добродетели" являются лишь подготовкой к очищению и интеллектуальным добродетелям. И это совершенно логично, ведь зло, будучи физическим, должно быть излечено физическими средствами. А средства, которые рекомендует Плотин, скорее магические, чем моральные; обряды и молитвы, а не героические поступки; подавление воли, а не ее упражнение.

Плотин - слишком большой грек, чтобы принять или даже увидеть все последствия своей собственной теории, согласно которой нравственная жизнь состоит в попытке убежать от мира и угасить сознание и личность. Поэтому, хотя он плохо относится к гражданской жизни (что вполне оправдано в те времена), он считает, что гражданские добродетели должны культивироваться, как средство к высшим, и, по-видимому, ему нечего сказать против обычного грамматического, риторического и музыкального образования своего времени. Он

многое говорит в пользу математики, как подготовки к тому, что для него является высшей отраслью образования - диалектике. Но тенденция его учения слишком очевидна, а выводы, которые он не сделал, сделали за него время и последующие поколения. В конечном итоге неоплатонизм привел к тому, что сверхгражданская часть человека стала всем человеком, дискредитировал политическую жизнь и политические усилия и проложил путь для мистика, аскета и отшельника. Тенденции других философских школ также заметно отличались. Таким образом, философия, вместо того чтобы способствовать гармонизации человека и общества и восстановлению нравственной жизни, стала одним из самых сильных факторов, способствующих смятению и распаду, полностью игнорируя нравственную жизнь, принимая суеверия и превращая человека в игрушку слепой необходимости и магических сил. И таким образом античная цивилизация распалась на части, потому что сам человек распался на части, и каждая часть пыталась подставить себя под целое. Гражданский фрагмент находит свое высшее выражение у Квинтилиана, сверхгражданский - у Плотина. Прежде чем фрагменты смогут объединиться в истинно нравственное существо, члена истинно нравственного общества, должна возникнуть новая объединяющая сила, неизвестная ни риторам, ни философам.

ГЛАВА IV

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Воистину, это был старый мир, и даже патриотического гения Сезара не хватило, чтобы сделать его снова молодым. Рассвет не возвращается, пока не наступит ночь.

Мои мысли - не ваши мысли, и ваши пути - не мои пути, говорит Господь, - Исайя.

Возлюби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим. Это великая и первая заповедь. А вторая, подобная ей, такова: возлюби ближнего твоего, как самого себя; Иисус.

Отдавайте Сезарю то, что принадлежит Сезарю, а Богу то, что принадлежит Богу.- Ид.

Не пять ли воробьев продаются за два фартинга? И ни один из них не забыт в очах Божиих. Но все волосы на голове вашей *сочтены*.

Мы любим потому, что Он первый возлюбил нас. Если кто говорит: я люблю Бога, а брата своего ненавидит, тот лжец.

С помощью одной умопостигаемой формы, которая есть божественная Сущность, и одного сознательного намерения, которое есть божественное Слово, вещи могут быть познаны Богом во всей их множественности.- Фома Аквинский.

Если Бог действует во всех вещах, и это действие никоим образом не умаляет его достоинства, но даже относится к его универсальной и верховной власти, он не может считать ниже себя, и это не пятнает его достоинства, если он распространяет свое провидение на отдельные вещи этого мира.-Id.

Une immense espérance a passé sur la terre.-Alfred de Musset.

Мы видели, что греческий идеал жизни основывался на полном отождествлении человека с гражданином. Мы видели также, как этот идеал был парализован ростом индивидуализма; как мудрейшие люди думали сделать его безобидным и даже благотворным, предоставив

ему сферу созерцания, превосходящую сферу практики, но органически связанную с ней, и, наконец, как с неудачей этой попытки две стороны человеческой природы, отделенные друг от друга, выродились, одна в эгоистичное миролюбие, другая в столь же эгоистичное потустороннее миролюбие, причем оба состояния в равной степени лишены морального значения.

Этот печальный результат объясняется в основном тремя причинами: (1) предложенные средства борьбы с индивидуализмом оказались недостаточными, (2) лучшее средство было отброшено, (3) условия, для которых были предложены эти средства, вскоре перестали существовать. И Платон, и Аристотель писали для небольших греческих полисов, которые потеряли свою автономию в результате македонского завоевания. Если можно сомневаться в том, что даже предложения последнего искупили бы вину этих полисов, если бы они оставались свободными, то несомненно, что они были бы неэффективны в изменившихся обстоятельствах. Во всяком случае, они так и не были приняты, и даже для сверхгражданского человека учение Платона было предпочтительнее его.

Как новый космополитизм углубил пропасть между гражданином и индивидом и неизмеримо расширил сферу деятельности последнего, в той же пропорции учение Платона не смогло преодолеть эту пропасть и обеспечить деятельность в этой сфере. Сказать сейчас сверхгражданскому человеку, что его функция заключается в созерцании божественных вещей и прорицании законов для руководства миром, означало бы заявить об отсутствии юмора, не свойственного тем временам. Кроме того, те, кто утверждал, что созерцал божественные вещи, не демонстрировали такой пригодности к законотворчеству, чтобы побудить практичных людей принять их руководство. Трезвым фактом было то, что созерцание божественных вещей, которое все больше и больше поглощало энергию греческой мысли, было, за исключением Аристотеля, просто смутным стремлением, не имеющим моральной ценности, и все больше превращалось в своего рода мистический экстаз, в котором человек, вместо того чтобы обрести понимание и силу для достойной и благотворной жизни в мире, был отброшен назад на себя, с его парализованной волей. Иначе и быть не могло, учитывая природу божественных вещей, созерцание которых считалось столь важным. Вместо того чтобы быть личными атрибутами или личностью, налагающей моральный закон, который считается обязательным, они были просто абстракциями, которые становились все более пустыми, чем выше в ряду, а высшей точкой была абсолютная пустота. Напрасно Аристотель протестовал против того, что вся реальность индивидуальна: платоновская теория, согласно которой все знание состоит из идей или универсалий, возобладала, в результате чего высшим знанием считалось знание того, что абсолютно универсально, то есть неопределенного бытия или, как считал Плотин, чего-то, лишённого даже определения бытия - высшего блага. Невозможно представить себе, чтобы сверхгражданский человек находил удовлетворение в созерцании пустоты или был более ценным в мире после того, как он это сделал, независимо от того, насколько безупречна его жизнь и экстатичен его взгляд.

Но в то время как в греческом мире сфера деятельности сверхгражданского человека исчезала в небытии, среди маленькой и неясной группы восстановленных изгнанников семитской расы эта сфера стала претендовать всего человека и всех его отношений, практических и духовных. Маленькая группа верных последователей Исаяи (см. [с. 133](#)) выросла в нацию, живущую по законам Иеговы, очень реальную, очень страшную и очень святую личность, которую не могли вместить небеса небес, но которая все же наблюдала за восходом и заходом каждого сына человеческого. Задолго до того, как Квинтилиан написал свой изящный трактат о риторике, а Плотин - свои пантеистические "Эннеады", из лона этого

народа вышел человек, который, ценой своей жизни разорвав узкие рамки своей национальности, возвел теократию своего народа в Царство Небесное, которое он велел провозгласить всему миру. Оно было провозглашено, и тогда (хотя для одних это казалось камнем преткновения, а для других - глупостью) сверхгражданский человек, сотни лет блуждавший во тьме в поисках своей родины, вдруг осознал, что нашел ее в Церкви Христовой. Теперь он уже не пытается убежать из видимого мира в пустоту абстрактного первопринципа; но, служа первопринципу, который является самой конкретной из реальностей и который исчисляется волосами на его голове, он спускается в самые отвратительные глубины материального мира, чтобы возвысить и искупить самых ничтожных из сынов человеческих. Теперь не существует вопроса о рабстве или свободе, правителе или властителе. В Царстве Небесном нет таких отношений. Единственное величие, признанное там, - это величие в служении; единственный закон - Закон Любви. Любовь! Да, весь секрет в этом одном слове. Добавив любовь в концепцию Бога своего народа, показав ее на примере своей собственной жизни и потребовав ее от своих последователей, Иисус совершил то, что поставило в тупик всю мудрость греческих мудрецов. Он восстановил нравственное единство человека, упразднил старый мир и сотворил новое небо и новую землю. Напрасно сторонники неопределенного, саморазвивающегося первопринципа, называющие себя неоплатониками, мистиками, материалистами, эволюционистами, гегельянцами или теософами, пытались вернуть старый мир с его классовыми различиями и институциональной этикой; напрасно они стремились утопить индивидуального Бога и человека реальности в универсальных идеях мысли. Закон Любви, лежащий в основе как индивидуальности, так и истинного общества, говорил и будет говорить им "нет".

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЕ

СЕМЬ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ИСКУССТВ

Греки первоначально признавали две ветви гуманитарного образования^[6] (1) Гимнастика, для тела, и (2) Музыка, для души. Из музыки со временем выросли не только так называемые свободные искусства, то есть искусства, составляющие образование каждого свободного человека, но и то, что считалось излишней роскошью (περίττη), - философия. Цель данного приложения - проследить, насколько это возможно, это постепенное развитие.

При этом следует помнить, что первоначально термин "музыка" охватывал не только то, что мы называем музыкой, но и поэзию, и что поэзия была проводником всех существовавших тогда наук. Гомеровский *aoidos* знает "творения богов и людей". Строго говоря, именно из музыки и поэзии выросли все искусства и науки. Первый шаг в этом направлении был сделан, когда были введены буквы, то есть около первой Олимпиады.^[7] Но еще долго буквы не рассматривались как отдельная отрасль образования, они были просто средством записи поэзии. Даже во времена Платона Буквы все еще обычно включали в Музыку. У Аристотеля они признаются отдельной отраслью. Из этого следует, что, когда мы видим, что греческие писатели ограничивают воспитание души Музыкой, или Музыкой и Письмами, мы не должны

делать вывод, что они означают только игру и пение, чтение и письмо. Сократ не сказал ничего нового или парадоксального, когда утверждал, что философия - это "высшая музыка". Пифагорейцы говорили то же самое до него, и нет сомнений, что сам Пифагор включал в понятие "музыка" (1) буквы, (2) арифметику, (3) геометрию, (4) астрономию, (5) музыку в нашем смысле и (6) философию (термин, изобретенный им самим). Платон сделал то же самое. Он говорит об "истинной Музе, которая сопровождается истиной (λόγῳ) и философией". Но в его время "Музыка" использовалась в двух смыслах: широком, в котором она включала в себя все интеллектуальное образование, и узком, в котором она ограничивалась музыкой в современном понимании. Именно в этом последнем смысле его использует Аристотель, когда выделяет интеллектуальные отрасли школьного образования (1) письмо, (2) музыку и (3) рисование. Философию он относит к более высокому классу. Отличив "Письма" от "Музыки", он, вполне естественно, относит к первой те отрасли, которые Пифагор включил во вторую. Его литературная схема выглядит следующим образом: (1) грамматика, (2) риторика, (3) диалектика, (4) арифметика, (5) геометрия, (6) астрономия. Добавьте сюда Музыку, и мы получим семь свободных искусств; но, поскольку к ним необходимо добавить еще и Рисование, становится ясно, что пока не было и мысли о том, чтобы зафиксировать число семь. То, что рисование долгое время было частью школьной программы, становится ясно из отрывка в работе Телеса (до 260 г.), процитированного Стобеусом (xcviii, 72), в котором говорится, что мальчики изучают (1) буквы, (2) музыку, (3) рисование; юноши - (4) арифметику и (5) геометрию. Последние две ветви здесь уже отделены от букв, но мы не можем быть уверены, что этот список является исчерпывающим. Что особенно заметно в списке Телеса, так это то, что он проводит четкое различие между низшим и высшим образованием, различие, которое предвосхищает *Тривиум* и *Квадривиум* более поздних времен.^[8]

Философию, или высшее образование, Аристотель делил на (1) теорию и (2) практику. Теорию он подразделял на (а) теологию, первую философию, или мудрость, названную позже метафизикой, наукой о неизменном, и (б) физику, науку об изменчивом; практику - на (а) этику, включая политику и экономику, и (б) поэтику или эстетику.

После Телеса мы почти ничего не слышим о греческой школьной программе вплоть до христианской эры. Тем временем римляне, получив некоторое представление о греческих знаниях, начали составлять подходящую для себя схему обучения. Примечательно, что в этой схеме нет такого различия, какое проводили греки между либеральными (ἐλευθέρια, ἐγκύκλιοι, λογικά) и нелиберальными (βάναυσοι) искусствами.^[9] Уже в первой половине II века до н. э. Катон Цензор написал для своего сына ряд пособий по (1) этике, (2) риторике, (3) медицине, (4) военному делу, (5) земледелию, (6) праву. Очень важно, что единственным греческим школьным предметом, который здесь фигурирует, является риторика; римляне, и в частности сам Катон, всегда изучали ее с особой тщательностью для практических целей. Похоже, что Катон, чтобы противостоять проникновению греческого образования и нравов, которые он считал деморализующими, попытался составить типично римскую программу обучения. Греция, однако, в значительной степени одержала верх, и полвека спустя мы находим Варро, пишущего по большинству предметов греческой программы: Грамматика, Риторика, Диалектика, Арифметика, Геометрия, Астрономия, Музыка, Философия, а также многие другие. Он написал трактат в девяти книгах под названием *Disciplinarum Libri*. Ритшль в своей "*Quæstiones Varronianæ*"^[10] пытался показать, что эти "Disciplinæ" были семью свободными искусствами, плюс архитектура и медицина, а Моммзен в своей "*Римской истории*" последовал за ним; но сам Ритшль позже изменил свое мнение. Не вызывает сомнений, что в работе рассматривались (1) грамматика, (2) риторика, (3) диалектика, (4) музыка, (5) геометрия и (6) архитектура: о том, что представляли собой остальные, мы можем

только догадываться.^[11] Нет никаких оснований утверждать, что семь свободных искусств были получены путем исключения из списка Варро архитектуры и медицины. Должно быть, примерно во времена Варро, если не раньше, римское образование стало делиться на три класса, которые назывались соответственно (1) грамматика, (2) риторика и (3) философия, причем последняя досталась лишь немногим. Конечно, "Грамматика" теперь стала иметь очень широкое значение, как мы можем видеть из определения, данного Дионисием Фраксом в его грамматике, подготовленной, очевидно, для римского использования (до 90 г. н.э.). В "Схолиях" к этой работе (я не могу определить их дату) мы находим перечисление свободных искусств: (1) астрономия, (2) геометрия, (3) музыка, (4) философия, (5) медицина, (6) грамматика, (7) риторика.^[12]

Но вернемся к грекам. В работах Филона Иудея, современника Иисуса, мы часто находим упоминание о циклических искусствах и их различие с философией. Первые, по его словам, представлены египетской рабыней Агарь, вторые - законной женой Сарой. Прежде чем философия станет плодотворной, человек должен приобщиться к искусству. Ни в одном отрывке Филон не приводит список энциклических искусств. В одном месте мы находим перечисление (1) грамматики, (2) геометрии, (3) музыки, (4) риторики (*De Cherub.*, § 30); в другом (1) грамматики, (2) геометрии, (3) "всей музыки энциклического обучения" (*De Agricult.*, § 4); в другом - (1) грамматика, (2) музыка, (3) геометрия, (4) риторика, (5) диалектика (*De Congressu Quær. Erud. Grat.*, § 5); в третьем - (1) грамматика, (2) арифметика, (3) геометрия, (4) музыка, (5) риторика (*De Somniis*, § 35), и т. д.

Похоже, что энциклическими искусствами, согласно Филону, были (1) грамматика, (2) риторика, (3) диалектика, (4) арифметика, (5) геометрия, (6) музыка. Астрономия не фигурирует ни в одном из списков. Философия делится на (1) физику, (2) логику, (3) этику (*De Mutat. Nom.*, § 10), и это деление долгое время было актуальным.

Из всего вышесказанного, я думаю, можно сделать справедливый вывод, что в христианскую эпоху не было определенного числа гуманитарных наук ни в Афинах, ни в Александрии, ни в Риме. В разных местах список, очевидно, отличался. Очевидно, что римская программа значительно отличалась от греческой. Вскоре после этой эпохи мы находим Сенеку (умершего в 65 г. н.э.), который называет либеральные искусства, *liberalia studia*, как (1) грамматика, (2) музыка, (3) геометрия, (4) арифметика, (5) астрономия (*Epist.*, 88). Философию он делит на (1) моральную, (2) естественную, (3) рациональную, а последнюю подразделяет на (а) диалектику и (б) риторику. Выше всего он ставит Мудрость: "*Sapientia perfectum bonum est mentis humanæ*" (*Epist.*, 89). Здесь мы видим, что два из семи свободных искусств отнесены к философии. Чуть позже Квинтилиан делит все образование на (1) грамматику и (2) риторику, но снисходительно позволяет своему молодому оратору изучать немного музыки, геометрии и астрономии.

Обращаясь к грекам, мы находим Секста Эмпирика, который, по-видимому, процветал в Афинах и Александрии в конце второго века, написавшего большой труд против догматиков или "математиков", среди которых он находит девять классов, соответствующих шести искусствам и трем философским наукам. Искусства - это (1) грамматика, (2) риторика, (3) геометрия, (4) арифметика, (5) астрономия, (6) музыка: науки - (1) логика, (2) физика, (3) этика. Сейчас мы находимся на сайте недалеко от семи свободных искусств, но все еще не достигли их.

Я думаю, что ни у одного древнего автора после Секста не найдется достойного внимания списка свободных искусств, пока мы не дойдем до святого Августина. В своих "*Отступлениях*", написанных около 425 года, он рассказывает (I, 6), что в юности взялся за

написание "*Disciplinarum Libri*" (точное название работы Варро!), что он закончил книгу по (1) грамматике, написал шесть томов по (2) музыке и начал с *других пяти* дисциплин: (3) диалектики, (4) риторики, (5) геометрии, (6) арифметики, (7) философии. Часто предполагается, что здесь впервые определены семь свободных искусств; но в этом отрывке нет ничего, что могло бы оправдать такое предположение. Автор не говорит "другие пять дисциплин", а просто "другие пять". Среди этих пяти, кроме того, названа философия, которая, хотя и является "дисциплиной", никогда, насколько я могу судить, не называлась искусством, либеральным или иным. Нет ни малейших оснований для того, чтобы возводить "Семь свободных искусств" к Святому Августину, который, несомненно, был неспособен к подобной игре с числами. Он вообще не признает "семь".

Впервые они появляются в фантастическом и поверхностном труде Марциана Капеллы, языческого современника Августина, и даже там не делается акцент на их количестве. Это (1) Грамматика, (2) Диалектика, (3) Риторика, (4) Геометрия, (5) Арифметика, (6) Астрономия, (7) Музыка. Несомненно, именно эти предметы преподавались в лучших школах Римской империи в IV и V веках, когда в целом греческая либеральная программа вытеснила римскую риторическую. Нет ни малейших оснований полагать, что Капелла имел какое-либо отношение к составлению учебного плана, который он отмечает. Его работа представляет собой жалкое произведение, достаточно охарактеризованное названием "*Свадьба Меркурия и филологии*". Он писал о семи искусствах, потому что нашел семь, о которых можно написать. Впервые на *число* искусств и мистический смысл, придаваемый ему, обратил внимание христианский сенатор Кассиодор (480-575 гг.) в своей работе "*De Artibus et Disciplinis Liberalium Litterarum*". Он находит в книге Прова ix, 1, что "Мудрость построила свой дом. Она высекла семь столпов своих". Он делает вывод, что семь свободных искусств - это семь столпов дома Мудрости. Они также соответствуют дням недели, которых также семь. Следует заметить, что он отличает "Искусства" от "Дисциплин", или, как говорили позже, *Тривиум* от *Квадривиума*. Благочестивая концепция Кассиодора была развита Исидором Севильским (умер в 636 году) в его "*Этимологии*" и Алкуином (умер в 804 году) в его "*Грамматике*". Разумеется, как только число искусств стало считаться установленным авторитетом Писания, оно стало таким же привычным фактом, как число планет или дней недели, или, более того, как число элементов. Около 820 г. н. э. Грабанус Маурус (776-856 гг.), ученик Алкуина, написал работу "*De Clericorum Institutione*", в которой впервые встречается фраза "*Septem Liberales Artes*". Примерно в то же время Теодульфус написал аллегорическую поэму *De Septem Liberalibus in quadam Pictura Descriptis*.^[13]

Либеральные науки после святого Августина не включали в себя философию, которая опиралась на семь искусств, как на "семь столпов", и обычно делилась на (1) физическую, (2) логическую, (3) этическую.^[14] Через некоторое время философия стала всеобъемлющим термином. В комментарии к "*Тимею*" Платона, отнесенном Кузеном к двенадцатому веку, мы находим следующую схему: -

Философия	-	Практика	-	Этика.
				Экономика.
				Политика.
		Теория	-	Теология.
				Математика.

Физика.

Автор прямо говорит, что "*Mathematica quadrivium continet*"; но он явно не включает *тривиум* в философию. Однако это было сделано в следующем веке. В *Itinerarium Mentis in Deum* святого Бонавентуры (1221-74 гг.) мы находим следующие схемы:-

Философия	-	Естественная	-	Метафизика - сущность: ведет к первопринципу = Отец. Математика - числа, фигуры: ведет к Образу = Сыну. Физика - природы, силы, диффузии: ведет к Дару Святого Духа.
		Рациональное	-	Грамматика - сила выражения = Отец. Логика - острота аргументов = Сын. Риторика - умение убеждать = Святой Дух.
		Мораль	-	Монашество - непознаваемость Отца. OE Экономика - причастность Сына. Политика - свобода Святого Духа.

Здесь мы имеем *Тривиум* под разделом "Рациональное", в то время как *Квадривиум* должен быть включен в раздел "Математика". В обоих случаях мы получаем девять наук или дисциплин, и это число, очевидно, было выбрано, потому что оно является квадратом трех, числа Святой Троицы. В последнем случае это, безусловно, так. Говоря о первичных разделах философии, Святой говорит: "Первая трактует о причине бытия и потому ведет к Силе Отца; вторая - об основании понимания и потому ведет к Мудрости Слова; третья - о порядке жизни и потому ведет к благодати Святого Духа".

Данте в своем "*Convivio*" (II, 14, 15) дает следующую схему, основанную на "десяти небесах", девять из которых движутся ангелами или интеллектами, а последнее покоится в Боге.

Свободные искусства	-	Тривиум	-	Грамматика	Луна	Ангелы.
				Диалектика	Меркурий	Архангелы.
				Риторика	Венера	Престолы.
		Quadrivium	-	Арифметика	Солнце	Доминионы.
				Музыка	Марс	Добродетели.
				Геометрия	Юпитер	Княжества.
				Астрология	Сатурн	Силы.

Философия	-	Физика и метафизика	Звездное небо	Херувимы.
		Наука о нравственности	Кристаллические небеса	Серафимы.[15]
		Теология	Эмпирей	Бог.

В Данте обобщены античная и средневековая системы воспитания.

БИБЛИОГРАФИЯ

Здесь не ставится цель дать полную библиографию греческого образования, а лишь указать читателям этой книги, которые захотят продолжить изучение предмета, на основные источники информации.

1. ДРЕВНИЕ ТРУДЫ

Для первой части эллинского периода - "Старого образования" - наши авторитеты отрывочны и зачастую туманны. Это *"Илиада"* и *"Одиссея"* Гомера, *"Труды и дни"* Гесиода, фрагменты философов досократовского периода (собранные Муллахом в его *"Fragmenta Philosophorum Græcorum"*, Paris, Didot, 1860-81, 3 vols. 4to), а также комедии Аристофана, особенно *"Облака"*. Для второй части того же периода, "нового воспитания", главными авторитетами являются трагедии Еврипида, *"Облака"* Аристофана, диалоги Платона, особенно *"Протагор"*, *"Лисий"*, *"Республика"* и *"Законы"*, а также *"Киропедия"*, *"Экономика"* и *"Лакедемонская конституция"* Ксенофонта.

Что касается образовательных доктрин Аристотеля, то мы ограничиваемся его собственными работами, среди которых *"Этика"* и *"Политика"*. В последней из них воспитанию посвящены заключительные главы седьмой и вся восьмая книга. Некоторую информацию можно почерпнуть и из недавно обнаруженной *Афинской конституции*.

Что касается эллинистического периода, то здесь мы черпаем информацию в основном из надписей, трудов Филона Иудея, Секста Эмпирика, Плутарха (*"О воспитании детей"*), Илиана (*"Рассуждения"*), Лукиана (*"Анахарсис"*), Стобей, Плотин, Варро, Цицерон, Сенека, Квинтилиан (*"Воспитание оратора"*), Мартиан Капелла (*"Сватовство Меркурия и Филология"*), Кассиодор, а также из случайных заметок других поэтов, историков и философов.

Из упомянутых работ особого упоминания заслуживают следующие:

1. Аристофан, *"Облака"*. Переводы Джона Хукхэма Фрере, Томаса Митчелла и У. Дж. Хики (в библиотеке Бона).
2. Ксенофонт, *"Киропедия"*. Перевод в *"Полных трудах"*, переведенных Эшли Купером и другими, Филадельфия, 1842, а также Дж.С. Уотсоном и Г. Дейлом (в библиотеке Бона).
3. Платон, *Республика*. Переводы Дж. Дэвиса и Д. Дж. Вогана, Б. Джоуэтта и Генри Дэвиса (в библиотеке Бона).
4. Платон, *Законы*. Переводы Б. Джоуэтта и Г. Берджеса (в библиотеке Бона).
5. Аристотель, *Политика* (книги VII, VIII). Переводы Б. Джоуэтта, Дж. Э. К. Уэлдона и Э. Уолфорда (в библиотеке Бона).

6. Плутарх, *О воспитании детей*. Перевод в книге "Мораль", переведенной с греческого несколькими руками, исправленной и пересмотренной У. В. Гудвином, Бостон, 1878.

7. Квинтилиан, *Воспитание оратора*. Перевод Дж. С. Уотсона (в библиотеке Бона).

2. СОВРЕМЕННЫЕ РАБОТЫ

Их очень много, но наиболее полным является труд Лоренца Грасбергера *"Erziehung und Unterricht im klassischen Alterthum, mit besonderer Rücksicht auf die Bedürfnisse der Gegenwart"*, Würzburg, 1864-81, 3 vols. Первый том посвящен физическому воспитанию мальчиков, второй - их интеллектуальной подготовке, третий - образованию, которое государство дает молодым людям (ἑφηβοί). Обещается выпуск тома с табличками. Работа плохо построена, но является источником информации и ссылок.

Наряду с этим можно назвать О.Н. Jäger, *Die Gymnastik der Hellenen, in ihrem Einfluss auf's gesammte Alterthum und ihrer Bedeutung für die deutsche Gegenwart*, Esslingen, 1850; Fournier, *Sur l'Education et l'Instruction Publiques chez les Grecs*, Berlin, 1833; Becq de Fouquièrre, *Les Jeux des Anciens*, Paris, 1869; De Pauw, *Recherches Philosophiques sur les Grecs*; Fr. Jacobs, *Ueber die Erziehung der Hellenen zur Sittlichkeit*, Vermischte Schr. Pt. III.; Albert Dumont, *Essai sur l'Ephébie Attique*, Paris, 1876-6; Dittenberger, *De Ephebis Atticis*; Chr. Petersen, *Das Gymnasium der Griechen nach seiner baulichen Einrichtung beschrieben*, Hamburg, 1858; Alexander Kapp, *Platon's Erziehungslehre*, Minden, 1833, and Aristotle's *Staatspædagogik*, Hamm, 1837; J.H. Krause, *Geschichte der Erziehung des Unterrichts und der Bildung bei den Griechen, Etruskern und Römern*, Halle, 1851.

Главы о греческом образовании можно найти в книгах В.А. Беккера *"Хариклы и Галлы"*, Гуля и Конера *"Жизнь греков и римлян"* - все три переведены на английский язык. В *Hellenica* есть эссе Р.С. Неттлшипа о теории образования в Республике Платона, Ривингтон, 1880, а в книге Эдвина Хэтча *"Влияние греческих идей на христианскую церковь"* (Лекции Хибберта) есть глава о греческом образовании (Лекция II).

СНОСКИ:

[1] Стоит отметить, что именно отрывок из Филолая натолкнул Коперника на мысль о вращении Земли вокруг центра.

[2] Это представлено в очаровательном "Апоксиоме" из Ватикана.

[3] Так говорит Аристотель, который далее сообщает нам, что в его время по этому случаю народ преподносил им копье и щит (см. с. 97).

[4] Я использую здесь термины "объективный" и "субъективный" в их современном понимании, которое почти полностью инвертирует древнее употребление. См. Martineau, *Study of Religion*, vol. i, p. 385, n. 2.

[5] Например, "Питер Пайпер" и т. д., а также немецкое "Messwechsel Wachsmaske".

[6] Следует иметь в виду, что греческое τέχνη, искусство, почти точно соответствует тому, что мы подразумеваем под "наукой". Его определяет Аристотель, *Metaph.*, A. 1; 981 a 5 sqq.

Швеглер в своем переводе "*Μεταφυσικὴ*" переводит его как *Wissenschaft*. Ἐπιστήμη - это наша "философия".

[7] См. Jebb, *Homer*, pp. 110 sqq.

[8] Жаль, что мы не можем установить дату создания так называемой "*Картины Цебеса*" (Κέβητος Πίναξ). В ней мы находим перечисление приверженцев лжеучения: (1) поэты, (2) риторы, (3) диалектики, (4) музыканты, (5) арифметики, (6) геометры, (7) астрологи (если считать поэтов грамматиками, то мы получим именно семь свободных искусств), (8) гедонисты, (9) перипатетики, (10) критики, "и другие, подобные этим". Гедонисты" (ἡδονικοί) - это киренаики; "критики" (κρίτικοί) вряд ли могут быть грамматиками, хотя в более поздние времена обычно именно так и понимали этот термин. Не следует ли нам читать κυνικοί?

[9] "Либеральный" означает пригодный, "нелиберальный" - непригодный, для свободных людей. Сумма либеральных искусств называлась Ἐγκυκλιόπαιδεία, которую мы превратили в *Энциклопедию*.

[10] Бонн, 1845.

[11] См. Boissier, *Étude sur la Vie et les Ouvrages de M.T. Varron*, pp. 332, sqq.

[12] См. "*Anecdota Græca*" Беккера, ii., 655.

[13] За ряд этих фактов я обязан статье профессора А.Ф. Веста в "*Вестнике Принстонского колледжа*" за ноябрь 1890 года.

[14] Эти термины, которые мы все еще находим у Исихора и Грабануса Мавра, впоследствии, в тринадцатом веке, были заменены их латинскими эквивалентами: Естественное, Рациональное и Моральное. В случае со вторым термином это вызвало значительную путаницу, поскольку, когда он перестал использоваться как "рациональный", он занял место "диалектики".

[15] В XXVIII канто "Рая" эти ангельские силы расположены несколько иначе, в знак уважения к Дионисию Ареопагиту и святому Бернарду.

Типография J.S. Cushing & Co., Бостон, США.

Издательство Berwick & Smith, Бостон, США.

ПРИМЕЧАНИЯ ТРАНСКРИПТОРА

Исправления из списка исправлений на стр. 2 были включены в текст.

В тексте использованы варианты написания слов "freeborn" и "free-born", "Staatspædagogik" и "Staatspaedagogik", "subdivided" и "sub-divided".

Сокращения до н. э. и н. э. иногда предшествуют дате, иногда следуют за ней.

В текст внесены следующие изменения:

р. 21: "Спата" заменена на "Спарта".

р. 63: "civilizaton" изменено на "civilization".

р. 74: "партиотизм" изменено на "патриотизм".

р. 78: "neans" изменено на "means".

р. 78: "humane" изменено на "human".

р. 85: "pantomine" изменено на "pantomime".

р. 186: "достаточный" изменено на "достаточный".

р. 188: кавычки удалены после слов "не будучи универсальным".

р. 218: "до н. э." изменено на "до н. э.".

р. 227: "четырехсотый" изменен на "сороковой".

р. 243: "Grammer" изменено на "Grammar".

р. 246: после слова "математика" добавлена точка.

р. 246: лишнее "the" удалено из "the following century".

Греческий язык:

На с. 22 αἵτια не была заменена на αἰτία (как в LSJ), поскольку это может быть приемлемой альтернативной формой.

Аналогично на с. 223 παιδοτριβεία не заменена на παιδοτριβία (как в LSJ).